

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 6 2022 г.

***Хлеб
и санкции***

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

6 (576) 2022

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, генеральный директор «Солар Системс»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, Новосибирск; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслев**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёль Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

Новосибирск, Сибирское отделение Российской академии наук

6 (576) 2022

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, general manager Solar System; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Novosibirsk; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology.); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

Novosibirsk, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 Никто, кроме нас

Тема номера: Хлеб и санкции

- 8 ГУМЕРОВ Р.Р.
Феномен «спящих» угроз продовольственной безопасности России: условия реализации и механизмы нейтрализации
- 26 ЩЕТИНИНА И.В.,
ДЕРЕВЯНКО Ю.О.
Продовольственная безопасность России в свете последних политических и иных событий
- 51 ВАСИЛЬЕВ А.М.,
ЛИСУНОВА Е.А.
Доктрина продовольственной безопасности в системе обеспечения населения рыбной продукции

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 67 УПРАВИТЕЛЕВ А.А.
Поведенческий империализм и три стадии развития поведенческой экономики

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 89 ШМАТ В.В.
Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие?
Часть I. Теоретико-методический взгляд

111 “ЭКО”-информ

ОТРАСЛИ И РЫНКИ

- 115 БЕЗРУКОВ Л.А.,
ФАРТЫШЕВ А.Н.
Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки

ПРОБЛЕМЫ

РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 134 СЫСОЕВА Н.М.
Газификация Забайкалья: проблемы и перспективы
- 145 ОБУХОВИЧ Н.В.,
ТОКАРЕВА О.Е.
Население и рабочая сила Тюменской области в XXI веке
- 168 ГЛУЩЕНКО К.П.
Где на Руси жить хорошо?

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 178 ПОЛЯКОВА Т.Н.
Российский рынок акций в 2015–2020 гг.: волатильность и рыночная доходность

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 No one but us

Cover story: Food and sanctions

- 8 GUMEROV, R.R.
The Phenomenon
of “Sleeping” Threats to the Food
Security of the Russian Federation:
Conditions for Implementation
and Mechanisms for Neutralization
- 26 SHCHETININA, I.V.,
DEREVYANKO, Yu.O.
Russia’s food security in the light
of recent political and other events
- 51 VASILIEV, A.M.,
LISUNOVA, E.A.
The Doctrine of Food Security
in the System of Providing the Population
with Fish Products

DEBATS

- 67 UPRAVITELEV, A.A.
Behavioral Imperialism
and Three Periods
of Behavioral Economics

MONITORING

OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 89 SHMAT, V.V.
Economic growth or harmonious socio-
economic development?
Part I. Theoretical
and methodological view

- 111 “ECO”-inform

ECONOMY SECTORS AND MARKETS

- 115 BEZRUKOV, L.A.,
FARTYSHEV, A.N.
Development of Copper Industry
of Russia and Mongolia:
a Problem of Import to Outer Markets

REGIONAL DEVELOPMENT

- 134 SYSOEVA, N.M.
Gasification of Transbaikalia:
Problems and Prospects
- 145 OBUKHOVICH, N.V.,
TOKAREVA, O.E.
Population and Workforce
of the Tyumen Region
in the 21st Century
- 168 GLUSHCHENKO, K.P.
Where is it Good to Live in Russia?

FINANCE

- 178 POLYAKOVA, T.N.
Russian Stock Market in 2015–2020:
Volatility and Market Yield

Никто, кроме нас

Новая политическая и экономическая реальность, в которой мы все оказались, не столько поставила новые вопросы и проблемы, требующие адекватных ответов, сколько высветила в нашем обширном «домашнем хозяйстве» слабые и уязвимые места, многие из которых давно известны и уже обсуждались. Это касается как экономики страны в целом, так и составляющих ее секторов и, тем более, территорий, рассредоточенных на колоссальном пространстве. На страницах «ЭКО» мы неоднократно отмечали, что взгляд на отечественную экономику как на однообразную и пространственно-однотипную систему не только непродуктивен, но и бесперспективен с точки зрения реализации тех возможностей, которыми располагают различные территории и секторы экономики. Чрезвычайно важен переход от изолированного видения особенностей и преимуществ отдельных видов экономической деятельности и территорий к формированию и развитию взаимодействия между ними. Результатом подобного взаимодействия может стать новое качество как хозяйствования, так и условий жизнедеятельности населения страны на обширных ее просторах.

Одна из важнейших предпосылок формирования и развития эффективного социально-экономического взаимодействия, в том числе «значительного числа территориально разобщенных сельских поселений»¹, состоит в обеспечении транспортной доступности и наличии современных средств коммуникации.

При неразвитости или отсутствии транспортного сообщения происходит то, что на протяжении многих лет мы отчетливо наблюдаем в аграрном секторе страны – медленная, но верная деградация «бесперспективных» сельских территорий. Данный процесс значительно ускорился в рамках поспешных и несистемных рыночных преобразований. «В начале 1990-х предполагалось, что земельная реформа покончит с доминированием государственной собственности на землю и появится новый класс частных собственников, что в конечном счете должно было обеспечить и более эффективное использование земли. Однако в реальности

¹ Смирнов В. Д. Сельское хозяйство России. Его особенности. Учебное пособие. Новосибирск: АРТА. 2013. 40 с. [С. 32].

реформа привела в тупик. Из 12 миллионов граждан лишь треть смогла полностью оформить свои права юридически².

Сложную, системную, многоплановую работу по формированию и развитию современного аграрного сектора на обширных пространствах страны заменили ускоренным вхождением в систему «взаимовыгодного международного разделения труда». В результате в российском АПК сегодня доминируют крупные агрохолдинги, контролируемые из-за рубежа. Это позволило, с одной стороны, обеспечить благоприятную динамику макроэкономических показателей развития аграрного сектора, а с другой – сформировало колоссальные риски для устойчивого функционирования сферы продовольственного обеспечения страны (статья Р. Р. Гумерова).

Одна из самых, на взгляд автора, больших проблем отечественной модели продовольственного обеспечения и в целом аграрного сектора состоит в пренебрежении интересами сельского населения. Основной акцент и в процессе советской «индустриализации» села, и при переходе к рыночной экономике в последующие годы был сделан на «эффект экономии на масштабе» и простоты администрирования. Крупные хозяйства, более чем значительные инвестиции, большие объемы производства – основа высокой экономической эффективности производимой продукции, а также удобная организационная среда для относительно простых и однообразных форм государственного регулирования. К числу последних относится, например, политика в сфере ценообразования на продукцию рыбной отрасли по принципу *net-back* – т.е. исходя из цен внешнего рынка (см. статью А. М. Васильева и Е. А. Лисуновой). Результатом подобного подхода, в частности, стало резкое снижение покупательной способности населения на рыбную продукцию, со всеми вытекающими последствиями с точки зрения и рациона питания, и располагаемых денежных доходов россиян.

Означает ли это необходимость перехода к прямому государственному регулированию цен на продукты питания? Скорее, нет. Речь должна идти о поиске более гибких и адекватных методов

² Быстров Е., Шелудков А. Введение // Фадеева О., Быстров Е., Збанацкий О., Шелудков А. Родные земли. Очерки трансформации земельных отношений в России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2021. 208 с. [С. 9].

учета особенностей производства и реализации продовольственной продукции – как в разрезе различных ее видов, так и в части территориальных особенностей. Мировая практика – в том числе стран с развитой рыночной экономикой – знает немало примеров и прецедентов гибкого (точнее, адаптивного) ценообразования на продовольствие.

Сказанное выше вовсе не означает призыв к дискриминации в какой-либо форме крупных фирм и многоотраслевых комплексов индустриального типа. Скорее, необходимо вести речь о налаживании и развитии взаимодействия крупных бизнес-структур с личными подсобными и крестьянскими фермерскими хозяйствами.

Повсеместное распространение ЛПХ когда-то стало своего рода ответом на низкую эффективность сельскохозяйственного производства: «Уровень оплаты труда работников был очень низок. И ее, конечно, не хватало, чтобы за ее счет кормить семью. Но чтобы крестьяне могли выжить, им для собственного производства огородной и животноводческой продукции разрешили иметь в личном пользовании приусадебный земельный участок»³. Сегодня в определенном смысле по этому же пути идет практика закрепления за населением «дальневосточных» и даже «арктических» гектаров.

Включение подобных форм личного участия населения удаленных территорий в сельскохозяйственное производство предполагает не только организацию взаимодействия с крупными компаниями и бизнес-структурами, но и создание эффективных форм сопровождения и поддержки их деятельности (в рамках, в том числе, различных форм кооперации – от консультирования до предоставления производственных и бытовых услуг различного характера).

Потенциал и возможности ЛПХ и фермерских хозяйств в решении проблем продовольственного обеспечения состоят не только в опоре на собственные силы и импортозамещении (особенно при дальнейшем усилении санкционного давления), но и, прежде всего, в активном их использовании для развития и укрепления кооперативного движения

³ Смирнов В. Д. Указ выше соч. С. 6.

(статья И. В. Щетининой и Ю. О. Деревянко). Однако реализация данного потенциала невозможна вне формирования и развития современной системы транспортного обеспечения и упорядочения земельных отношений.

Время простых и очевидных решений прошло. Основой и порукой возможности движения аграрного сектора по пути реализации современных и социально и экономически эффективных подходов при решении проблем продовольственной безопасности являются опыт и знания тех, кто живет и трудится на земле – крестьян (фермеров), работников сельского хозяйства, людей аграрной науки и образования. Задача всех остальных – прежде всего, не мешать и, если уж участвовать в решении возникающих проблем, то с пониманием особенностей отечественного аграрного сектора.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Феномен «спящих» угроз продовольственной безопасности России: условия реализации и механизмы нейтрализации

Р.Р. ГУМЕРОВ, кандидат экономических наук.

E-mail: gumerovrr@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1057-9434

Центр развития программно-целевого управления,

ВАВТ Минэкономразвития России, Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию малоизученной проблематики скрытых угроз национальной продовольственной безопасности, реализовавшихся в результате санкционного давления на Российскую Федерацию. К числу таковых отнесены: присутствие на российском продовольственном рынке транснациональных корпораций, в том числе занимающих доминирующее положение в отдельных секторах; слабость антимонопольного законодательства в отношении деятельности контрагентов продовольственного рынка; низкая чувствительность системы управления к участвовавшим колебаниям конъюнктуры; дефицит внимания к рискам экспорта продукции АПК. Отмечается, что режим санкционного давления, наложившийся на затухающие последствия пандемии COVID-19, не только требует принятия экстренных антикризисных мер по нейтрализации негативных последствий внешних санкций, но и предоставляет возможности для обновления всей системы управления продовольственным рынком. В частности, в статье предлагается ввести механизмы социальной ответственности иностранных компаний, придать большую вариативность и гибкость механизмам ценового, антимонопольного и таможенного регулирования, обеспечив тем самым приоритет национальных интересов над корпоративными интересами крупных контрагентов продовольственного рынка.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; скрытые угрозы продовольственной безопасности; неторговые риски; санкционное давление; продовольственная инфляция; экспорт продукции АПК

Введение

Проблематика продовольственной безопасности давно находится в центре внимания отечественных исследователей, аналитиков и практиков. Многочисленные публикации посвящены методологическим тонкостям и практическим рецептам обеспечения продовольственной безопасности как системной проблемы современной экономики [Белова, 2019; Белова, 2021; Калугина, 2021; Лубкова, Шилова, 2020; Решетникова, 2020;

Ушачев, Чекалин, 2020; Яркова, 2020]. Суть этой проблемы – голод, недоедание, агфляция¹ и хроническая бедность как результат несправедливого распределения имеющихся в достаточном количестве ресурсов продовольствия в глобальном, региональном и национальном масштабах.

По оценкам ФАО, примерно 96% голодающих в мире страдают от факторов хронической продовольственной небезопасности (необеспеченности), и только около 4% – в результате краткосрочных негативных последствий стихийных бедствий или человеческой деятельности². Для преодоления системной продовольственной небезопасности каждое государство выстраивает свою стратегию и развивает международное сотрудничество в сфере обеспечения продуктами питания³. Долгосрочные системные проблемы обеспечения продовольственной безопасности решаются в рамках национальных стратегий с помощью механизмов прогнозирования и стратегического планирования, направленных в том числе на оценку и предотвращение устойчивых угроз с учетом оптимального распределения ограниченных ресурсов. Продовольственный кризис (в различных его формах) и его последствия ликвидируются чрезвычайными мерами ситуативного реагирования, если по тем или иным причинам долгосрочные механизмы обеспечения продовольственной безопасности не дают желаемых результатов.

¹ Агфляция (аграрная инфляция) – термин, введенный в научно-практический оборот во время мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг. для характеристики опережающего роста цен на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье по сравнению с общим ростом цен или с ростом цен в несельскохозяйственной сфере. Впервые термин встречается в аналитическом отчете инвестиционного банка Merrill Lynch (2007 г.), получил широкое распространение после публикации отчета инвестиционной компании Goldman Sachs в начале 2008 г.

² Guidelines for national FIVIMS (Food Insecurity and Vulnerability Information and Mapping Systems): background and principles IAWG Guidelines Series no. 1 – Rome (Italy) FAO 2000 – P. 1. URL: <https://www.fao.org/3/X8346E/x8346e02.htm#TopOfPage> (дата обращения: 22.03.2022).

³ «Each nation must adopt a strategy consistent with its resources and capacities to achieve its individual goals and, at the same time, cooperate regionally and internationally in order to organize collective solutions to global issues of food security» // World food summit – 13–17 November – Rome. World Food Summit Plan of Action, i.1. // URL: <http://www.fao.org/docrep/003/w3613e/w3613e00.HTM> (дата обращения: 22.03.2022).

Режим санкционного давления как фактор активизации скрытых угроз

Россия имела и имеет достаточно прочные позиции в обеспечении национальной продовольственной безопасности – во всяком случае, страна обладает для этого необходимыми ресурсами и возможностями, включая нереализованные резервы в сфере государственного стратегического управления [Гумеров, 2020].

Вполне естественным представлялось, что отечественный агропромышленный комплекс органично встраивается в глобальные технологические цепочки производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а импорт продовольственных товаров и сырья, а также ресурсов для их производства является элементом взаимовыгодного международного разделения труда. Страна обладает достаточным запасом прочности в отношении возможных торговых эмбарго; это в решающей степени касается импорта продовольственных товаров и сырья для их производства, в меньшей степени это справедливо в отношении ресурсов, производительно потребляемых в отраслях АПК (семена, генетический материал, химические средства защиты растений, кормовые добавки и др.). Варианты ослабления продовольственной безопасности Российской Федерации в результате нарушения нормальных условий международной торговли в сфере АПК рассматривались в отечественной литературе как чисто гипотетические, маловероятные, представляющие больше академический интерес [Паппэ и др., 2017].

Но сейчас страна столкнулась с уникальной ситуацией, когда первичным источником внешних угроз продовольственной безопасности является отнюдь не разрыв внешнеторговых производственных цепочек и, более того, как показано далее, не какие-либо иные экономические факторы. И в то же время эту ситуацию нельзя квалифицировать как стихийно-непредсказуемую, форс-мажорную в классическом понимании, поскольку речь идет об известных проблемах – недооценке системных неторговых рисков продовольственной безопасности страны [Гумеров, 2013; Гумеров, 2016], которые были проигнорированы как в ранее действовавшей, так и в актуальной редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ.

Одной из таких угроз, по нашему мнению, является присутствие на внутреннем продовольственном рынке транснациональных

корпораций (ТНК), которые во многих рыночных сегментах занимают доминирующее положение. Так, уже к 2016 г., в период активного развертывания мероприятий по импортозамещению, доля иностранного капитала в пищевой промышленности составляла 60%, в том числе на рынке переработки молока – 60%, соковой продукции – более 70%, замороженных овощей и фруктов – 80%, плодовоовощной консервации – 90%. Свыше 70% российского рынка соковой продукции принадлежало на тот момент двум западным корпорациям – *PepsiCo* и *Coca-Cola*⁴.

Значительная часть российских активов ТНК на территории страны была сформирована путем скупки существовавших успешных российских компаний. В частности, *PepsiCo* приобрела компанию «Вимм-Билль-Данн» и ОАО «Лебедянский», *Danone* фактически поглотила компанию «Юнимилк», *Coca-Cola* приобрела завод «Нидан» и пр. При этом по формальным признакам они до последнего времени считались добросовестными компаниями, которые работают на российской территории и вносят свой вклад в импортозамещение.

В защиту присутствия, а если быть точным, доминирующего положения ТНК на российском рынке, выдвигались дежурные аргументы о том, что они насыщают рынок, создают рабочие места, платят налоги, внедряют современные схемы планирования и менеджмента, реализуют различные проекты.

Вот так, например, отреагировала *Danone* в декабре 2014 г. на обвинения тогдашнего министра сельского хозяйства России Н. Федорова в недобросовестной конкуренции (хотя при этом министр не называл конкретные компании): «Мы работаем на российский рынок уже более 20 лет, *пришли сюда всерьез и надолго и намерены и дальше работать на благо наших потребителей, клиентов и поставщиков* (курсив автора). Наша компания представлена в России 20 заводами и более 12 тысячами сотрудников. Совокупные инвестиции компании *Danone* и «Юнимилк» в России – около двух миллиардов долларов США.

⁴ Участие иностранного капитала в пищевой промышленности России. Анализ ситуации, возможные последствия и пути решения // Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования. URL: <https://docplayer.com/30163191-Uchastie-inostrannogo-kapitala-v-pishchevoy-promyshlennosti-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2022).

Ежегодно мы платим миллиарды рублей налогов в бюджет Российской Федерации»⁵.

При этом, однако, уже тогда отмечались случаи недобросовестной конкуренции и социальной безответственности ТНК. В 2014 г. та же *Danone* закрыла три завода в России: в Смоленске, Тольятти и Новосибирске. Представители компании объяснили эти шаги необходимостью оптимизировать сеть производственных площадок, чтобы они не дублировали друг друга в регионах и имели возможности расширения и модернизации. Позднее *Danone* объявила о закрытии еще двух заводов: в Томске с дальнейшей консолидацией производственных мощностей на предприятиях в Кемерово и Красноярске и Чебоксарах – с постепенным переносом выпуска продукции на предприятия в Самаре, Саранске и Казани⁶. Безусловно – и это вполне естественно, – *Danone* руководствовалась соображениями экономической эффективности, но при этом полностью игнорировались интересы работников закрываемых предприятий и потребности локальных региональных рынков.

Последствия оппортунистического поведения ТНК и возможности их купирования

«Спящие» угрозы продовольственной безопасности полностью вскрылись в связи с началом специальной операции на Украине. Ряд иностранных компаний в сфере производства и торговли продовольственными товарами (включая общепит) заявил о прекращении либо приостановке в той или иной степени своей деятельности на территории России, в том числе: *PepsiCo*, *Coca-Cola*, *McDonald's*, *Yum! Brands* (бренды *KFC*, *Pizza Hut*, *Taco Bell*), *Valio*, *Paulig*, *Danone*, *Fazer*, *Starbucks*, *Nestle*, *Mars*, *Mondelez International* (бренды *Alpen Gold*, *Oreo*, *Milka*, *Halls*, «Барни», «Юбилейное»).

Даже полный уход названных компаний с российского рынка, конечно, не критичен для продовольственного обеспечения населения. Однако такие действия создают прецедент, который

⁵ *Морозов Алексей*. Министр сельского хозяйства РФ Николай Федоров: «Иностранцы снимают сливки с наших крестьян!» URL: <https://www.kp.ru/daily/26314.5/3192738/> (дата обращения: 25.03.2022).

⁶ *Danone* объявила о закрытии двух заводов в России. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/26/danone/> (дата обращения: 25.03.2022).

в иных условиях или применительно к другим компаниям может заметно ухудшить продовольственный статус российских граждан. Такие демарши могут временно ухудшать ситуацию на региональных рынках труда, провоцировать и «прикрывать» цепную реакцию ажиотажного спроса и немотивированного роста цен на продукты питания, хотя никакой значимой связи между демаршами ТНК и ценовой ситуацией на внутреннем продовольственном рынке нет.

Показательна в этом отношении ситуация на рынке сахара. Потребности в продукте за счет собственного производства покрываются на 99,9%, что на 9,9 п.п. выше показателя, предусмотренного Доктриной продовольственной безопасности⁷. Тем не менее в ряде регионов наметился искусственный дефицит сахара, равно как и некоторых других продуктов первой необходимости, а розничные цены на него стали расти. За период с 12 по 18 марта 2022 г. индекс потребительских цен, по оценке Росстата, составил 101,93%, а цены на сахар-песок в среднем по стране увеличились на 13,8%, в том числе в 10 субъектах – на 24,1–37,1%⁸. Уже на следующей неделе темпы роста цен на сахар-песок снизились до 6,5%; наивысший рост цен на сахар в субъектах не превышал 17,9%, а в Республике Коми цены даже снизились на 2,5%⁹. Территориальные органы ФАС России выявили факты картельного сговора отдельных участников продовольственного рынка – производителей, оптовых торговых компаний и розничных сетей – с целью создания искусственного дефицита продукта и поддержания высоких розничных цен на сахар¹⁰.

Показательно, что схему искусственно генерируемого роста цен пытаются транспонировать и на другие продукты питания. Так, ФАС инициировала проверку деятельности одного из крупнейших

⁷ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. М., 2021. С. 20.

⁸ Об оценке индекса потребительских цен с 12 по 18 марта 2022 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/48_23-03-2022.htm (дата обращения: 01.04.2022).

⁹ Об оценке индекса потребительских цен с 19 по 25 марта 2022 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/54_30-03-2022.htm (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁰ ФАС возбудила первые дела из-за высоких цен на сахар. URL: <https://rg.ru/2022/03/27/fas-vozbudila-pervye-dela-iz-za-vysokih-cen-na-sahar.html> (дата обращения: 27.03.2022); ФАС возбудила дело против крупнейшего российского производителя сахара. URL: <https://news.mail.ru/economics/50648426/> (дата обращения: 29.03.2020).

в России агропромышленных холдингов «Мираторг», в ходе которой будет изучена цепочка поставок мяса и произведена оценка ценообразования на эту продукцию.

Понятно, что ни одна из перечисленных ТНК не занимается выращиванием сахарной свеклы либо ее переработкой. Точно так же они не занимаются производством риса или гречихи, на которые выросли цены. Отсутствие непосредственной связи роста цен с уходом ТНК очевидно. В то же время, используя в качестве оправдания временную дезорганизацию (вполне естественную) работы общепита и розничной торговли, отдельные отечественные компании демонстрируют оппортунистическое поведение на сегментах рынка, никоим образом с этими ТНК не связанными (сахар, гречка, мясная продукция в случае с «Мираторгом»).

Под угрозой остается судьба тысяч работников компаний-саботажников. К примеру, на предприятиях *McDonald's* в стране работают 62 тыс. человек, ещё около 100 тыс. заняты на предприятиях поставщиков¹¹.

К сожалению, страна оказалась не готовой к реализации угроз подобного рода, в российском законодательстве отсутствуют рычаги комплексного обеспечения устойчивости национальной продовольственной системы в условиях внешнего санкционного давления. Существующие механизмы имеют фрагментарный и неакцентированный характер и явно недостаточны.

В качестве меры, направленной на нейтрализацию негативных последствий демарша ТНК, Минэкономразвития России предложило использовать внешнее управление в отношении иностранных компаний из недружественных стран, которые ушли (заявили об уходе) с российского рынка без предоставления гарантий российским потребителям.

Внешнее управление – это растянутый во времени механизм действующего законодательства о банкротстве¹², который применяется в отношении юридического лица-должника при соблюдении комплекса определенных условий. Современная ситуация не в полной мере вписывается в эту модель.

¹¹ McDonald's временно закрывает свои рестораны в России. URL: <https://vc.ru/food/376698-mcdonald-s-vremenno-zakroet-svoi-restorany-v-rossii> (дата обращения: 02.04.2022).

¹² Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

В частности, формально иностранные предприятия не отказываются от частичной выплаты заработной платы своим работникам в первые месяцы простоя и/или от выплат по кредитам (если таковые имеются), т.е. формальные основания для запуска процедур банкротства отсутствуют.

Помимо процедур банкротства, законодательство предусматривает механизм реквизиции (статья 242 ГК РФ): «В случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих *чрезвычайный характер* (курсив автора), имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция)». Это – более мягкая и демократичная процедура в сравнении с конфискацией (ст. 243 ГК РФ) не только потому, что имущество изымается не безвозмездно, но и потому, что лицо, имущество которого реквизировано, вправе оспаривать в суде его оценку, а при прекращении действия обстоятельств, в связи с которыми произведена реквизиция, требовать по суду возврата ему сохранившегося имущества. В сравнении с механизмом внешнего управления реквизиция не имеет временного лага, и негативные последствия подобных демаршей могут быть купированы в кратчайшие сроки.

Министр Евразийской экономической комиссии по интеграции и макроэкономике, академик РАН С.Ю. Глазьев предложил передавать предприятия ушедших из России компаний в собственность сотрудников¹³. В любом случае основания для мер принудительного характера в отношении предприятий, уходящих с российского рынка, имеются; они не могут ссылаться на форс-мажор, поскольку *официально* это преподносится как их собственное решение, а не результат давления либо прямого принуждения со стороны своих правительств¹⁴.

Еще одно важное наблюдение – как показала ситуация на рынке сахара, действующее законодательство не обеспечивает

¹³ Глазьев предложил передавать предприятия ушедших компаний сотрудникам. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/03/glazev-predlozhit-peredavat-predpriyatiya-ushedshikh-kompaniy-sotrudnikam.html> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁴ Псаки: американские компании сами решили уйти из России. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/03/22/psaki-amerikanskie-kompanii-sami-reshili-uyti-iz-rossii.html> (дата обращения: 02.04.2022).

должного контроля рисков ажиотажного спроса и манипулирования ценами и товарными запасами в результате оппортунистического поведения отечественных компаний и их подразделений. Федеральные законы «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 № 381-ФЗ и «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ, а также соответствующие нормативно-правовые акты не предусматривают использования срочных неотложных мер регулирования в экстремальных ситуациях, в том числе аналогичных нынешней (о недостатках механизмов ценового контроля см. [Гумеров, 2021]).

Главный вывод из нынешней ситуации – необходимо консолидировать все уже имеющиеся нормы и механизмы регулирования продовольственного рынка, адаптировать их к условиям внешнего санкционного давления, дополнить и оформить в виде специального закона. В частности, в этом законодательном акте необходимо предусмотреть:

- меры по защите национальных компаний от враждебного поглощения иностранными корпорациями¹⁵;
- заключение специальных соглашений между иностранными компаниями, входящими на российский рынок, и региональными органами исполнительной власти о соблюдении прав работников соответствующих предприятий и потребителей на территории соответствующего субъекта Федерации (условно – соглашений о социальной ответственности иностранных компаний);
- особый режим противодействия ажиотажному спросу и манипулированию ценами и товарными запасами в условиях внешнего санкционного давления.

Обеспечить импортозамещение в критически важных сферах

В отечественной специальной литературе постоянно обращается внимание на технологическую зависимость отраслей АПК

¹⁵ К примеру, во Франции с 2006 г. действует закон о защите крупнейших национальных компаний от захвата иностранными корпорациями, который был принят после попытки поглощения американской корпорацией *PepsiCo* французского производителя молочных продуктов *Danone* и получил условное название «закон *Danone*». В свою очередь, как уже отмечалось, та же *Danone* поглотила российскую компанию «Юнимилк».

от импортных поставок семенного и селекционного материала, химических средств защиты растений, ветеринарных препаратов [Потапов, 2019; Прокопьев, 2021; Ушачев, Чекалин, 2020].

Эта проблема давно осознавалась, но до последнего времени по неизвестным причинам практически не решалась. Еще в 2014 г. в Национальном докладе о ходе реализации Государственной программы развития сельского хозяйства отмечалось, что «в целом в стране сложилась высокая степень импортозависимости в семеноводстве. В 2014 г. было завезено в страну семян сахарной свёклы, подсолнечника, кукурузы и овощных культур почти на 18 млрд руб. По отдельным видам сельскохозяйственных культур удельный вес импортных семян в общем их объёме составляет от 43 до 98%, что является серьёзной угрозой для продовольственной независимости страны»¹⁶. Но только на фоне усиления санкционного режима эта латентная уязвимость переросла в реальную угрозу национальной безопасности и привлекла к себе внимание не только специалистов, но и лиц, принимающих решения.

Парадокс нынешнего импортозамещения заключается в том, что эта зависимость возрастает по мере сокращения импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия [Гумеров, Гусева, 2018]. Очевидно, что поставки производственных ресурсов для сельского хозяйства могут стать следующим объектом санкций со стороны недружественных государств, такие действия будут преподноситься как допустимые, не нарушающие гуманитарных основ, в отличие, скажем, от эмбарго на поставки в Россию сельхозпродукции и продовольственных товаров.

В актуализированную редакцию Доктрины продовольственной безопасности¹⁷ к долгосрочным национальным интересам России отнесены «развитие племенного животноводства, селекции растений, семеноводства и аквакультуры (рыбоводства), развитие производства комбикормов, кормовых добавок для животных, лекарственных средств для ветеринарного применения,

¹⁶ Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2014 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы». М., 2015. С. 5.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

минеральных добавок, в том числе за счет внедрения конкурентоспособных отечественных технологий, основанных на новейших достижениях науки», введен новый индикатор уровня обеспеченности семенами ключевых сельскохозяйственных культур отечественной селекции. Его нижнее пороговое значение составляет 75%; соответственно, доля семян зарубежной селекции не должна превышать 25%, в то время как фактически, по имеющимся оценкам, она достигает 58% по кукурузе, 73% – по подсолнечнику, 98% – по сахарной свекле¹⁸.

В стратегическом плане перечисленные задачи решаются и будут решаться в рамках Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. и корреспондирующих нормативно-правовых актов¹⁹. При этом Россия имеет несколько условных «линий обороны» на период освоения новейших технологий и локализации производства ввозимых ресурсов.

Наша страна является крупнейшим импортером ресурсов для аграрного производства (семена, племенной материал, средства химической защиты растений и т.п.), и зарубежным компаниям-производителям вряд ли захочется терять емкий российский рынок, не имея достойной гарантированной альтернативы (для которой, по крайней мере, нужны свободные и пригодные для культивации земли сельскохозяйственного назначения).

По некоторым же позициям Россия уверенно наращивает объемы собственного производства. В частности, по данным Минсельхоза России, с 2016 по 2021 г. доля российских средств защиты растений на рынке увеличилась с 45% до 70%, с начала 2022 г. сохраняется положительная динамика их выпуска²⁰. Правда, при этом действующие вещества и многие другие ком-

¹⁸ В России предлагают ограничить импорт семян. URL: <https://rg.ru/2022/03/20/v-rossii-predlagaiut-ogranichit-import-semian.html> (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы»; Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30 марта 2020 г. № 501 «Об установлении порядка формирования комплексных планов научных исследований по направлениям реализации Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы.

²⁰ Доля российских средств защиты растений за пять лет увеличилась с 45% до 70%. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/37846-dolya-rossiyskikh-sredstv-zashchity-rasteniy-za-pyat-let-uvlechilas-s-45-do-70/> (дата обращения: 09.04.2022).

поненты формуляций – ПАВы, эмульгаторы, растворители, пеногасители, красители – преимущественно импортные. Они поставляются из КНР, Индии, ЕС, США.

Основным производителем действующих веществ для пестицидов в мире является Китай, в том числе он поставляет компоненты для средств защиты растений, производимых европейскими и американскими компаниями. В этом смысле часть проблем решается замещением поставок из недружественных стран прямым импортом из Китая или Индии. Развиваются и иные формы сотрудничества. Так, отечественная компания «Август» два года назад запустила в КНР предприятие по производству активных ингредиентов и теперь получает часть действующих веществ для формуляций со своего завода – *Hubei August Pesticide Co. Ltd.*, причем продукция давно контрактируется в юанях.

В части семенного материала у России остаются возможности для маневра путем временных изменений структуры посевных площадей в пользу тех культур, по которым дефицит отечественных семян ощущается в меньшей степени.

Если же иностранные компании будут вынуждены отказываться от сотрудничества с Россией под давлением собственных правительств, страна сможет ответить асимметрично, например, путем рестрикций экспорта минеральных удобрений. Они могут реализоваться в форме эмбарго, лицензирования, квотирования, введения плавающих (заградительных) вывозных пошлин, главное – создать гибкую адаптивную схему. Россия входит в тройку крупнейших мировых поставщиков минеральных удобрений и играет важную роль в обеспечении глобальной продовольственной безопасности.

По информации ФТС и TradeMap, около 65% российских удобрений идет на экспорт, 22% поставок приходится на Евросоюз и США, 7% – на Китай. Для ЕС и США доля России в импортных поставках удобрений составляет 11–12%²¹. Несмотря на достаточно небольшую долю поставок в эти страны, *The Washington Post* отмечает, что их снижение существенно скажется на ценах на сельскохозяйственную продукцию, производимую в США.

²¹ Минпромторг рекомендовал ограничить экспорт минеральных удобрений. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/37638-minpromtorg-rekomendoval-ogranichit-eksport-mineralnykh-udobreniy/> (дата обращения: 07.04.2022).

В частности, отмечается, что расходы на приобретение 1 т минеральных удобрений выросли в 2022 г. практически втрое по сравнению с предыдущим годом²². Ей вторит *Financial Times*, отмечающая связь поставок удобрений с ростом цен на молочную продукцию²³.

Рестрикции в отношении экспорта минеральных удобрений могут интерпретироваться как негуманные и недопустимые, но, повторим, их предлагается вводить исключительно в качестве ответной меры на сопоставимые действия недружественных государств.

Подчинить зерновой экспорт национальным интересам

Еще одна зона «спящих» рисков – зерновой экспорт, который может быть использован в ущерб национальным интересам России. Негативные составляющие и последствия экспорта зерна в его нынешнем формате уже анализировались, в том числе автором [Гумеров, 2017; Крылатых, Белова, 2018], в контексте данной статьи хотелось бы акцентировать внимание на организационной составляющей.

Еще в марте 2007 г. было создано ОАО «Агентство по регулированию продовольственного рынка», переименованное в 2009 г. в ОАО «Объединённая зерновая компания» (ОЗК)²⁴. В соответствии с Указом Президента приоритетными направлениями общества устанавливались увеличение объемов закупки и реализации зерна на внутреннем рынке, увеличение объемов экспорта зерна, модернизация и строительство элеваторов и портовых терминалов. Сейчас ОЗК – единственная российская инфраструктурная компания с государственным участием на рынке сельхозпродукции.

²² Laura Reiley. U.S. imports little from Ukraine and Russia, but food and farming costs are expected to rise // The Washington Post. 2022. March 19. URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2022/03/19/farming-food-costs-ukraine/> (дата обращения: 09.04.2022).

²³ Milk prices rise as Ukraine war threatens cow feed and fertiliser supplies. URL: <https://www.ft.com/content/e669685d-1f4f-42e5-96b0-9609a3599651> (дата обращения: 09.04.2022).

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 20 марта 2009 г. № 290 «Об открытии акционерного общества “Объединенная зерновая компания”».

Основной целью принятой в 2019 г. стратегии ее развития до 2024 г. является формирование крупнейшего в России торгово-логистического оператора сельскохозяйственной продукции, ориентированного на расширение экспорта зерна и зернобобовых, а также развитие соответствующей инфраструктуры как на внутреннем, так и на внешних рынках²⁵. Действительно, ОЗК входит в пятерку крупнейших экспортеров российского зерна, однако ее доля в общем объеме экспорта в сельскохозяйственном сезоне 2020/2021 (48,9 млн т) составила немногим более 6% (3,1 млн т). По этому показателю Объединенную зерновую компанию опережает транснациональная *Viterra* (3,3 млн т), а в совокупности три крупнейших транснациональных трейдера (*Viterra*, *Cargill*, *Louis Dreyfus*) вывозят в 2,35 раза больше (7,3 млн т).

Увеличение доли ОЗК в экспорте российского зерна – не самоцель. Проблема в том, что при фактически достигнутых показателях ее регулирующая роль как проводника государственной политики на зерновом рынке практически не реализуется; укрепление позиций компании позволит рационализировать зерновые потоки, расширить альтернативные возможности использования зерновых ресурсов как на внутреннем, так и на внешнем рынке – в частности, сформировать современную отрасль по производству комбикормов, повысить объемы производства и экспорта муки и других товаров с высокой долей добавленной стоимости [Гумеров, 2017; Крылатых, Белова, 2018].

Сходные по своему генезису проблемы экспорта продукции АПК существуют в молочной отрасли [Конкина, 2022], в свеклосахарной промышленности [Белова, 2021].

Заключение

Проблемы и угрозы, с которыми столкнулся отечественный агропромышленный комплекс, являются отражением больших вызовов для экономики и общественной жизни России и имеют долгосрочный характер. Наложение рисков и угроз внешнего санкционного давления на проблемы пандемии COVID-19 создало уникальную, чисто российскую версию глобальных «больших

²⁵ Утверждена стратегия развития акционерного общества «Объединенная зерновая компания» до 2024 года. URL: https://www.ozk-group.ru/press_center/news/utverzhdena-strategiya-razvitiya-aktsionernogo-obschestva-obedinennaya-zernovaya-kompaniya-do-2024-/ (дата обращения: 11.04.2022).

вызовов». Выйти из этой ситуации с помощью традиционных методов, основанных на «накачке» дополнительных ресурсов, их перераспределении или точечной концентрации, уже не получится. Принимаемые сейчас решения должны не просто купировать негативные последствия пандемии и внешних санкций, но и использовать новые возможности концептуального реформирования всей системы стратегического управления АПК, которая будет обеспечивать безусловный приоритет национальных интересов.

Литература

Белова Т.Н. Ситуация на рынке продовольствия: новые сигналы и старые проблемы // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 131–152. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-1-131-152

Белова Т.Н. «Сладкие» и «горькие» аргументы в пользу правильного протекционизма // ЭКО. 2021. № 12. С. 78–96. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-12-78-96

Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность страны: угрозы нарастают (об эффектах членства в ВТО и не только об этом) // Российский экономический журнал. 2013. № 1. С. 52–71.

Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО. 2016. № 5. С. 71–88.

Гумеров Р.Р. Российский зерновой экспорт: не повторять ошибок прошлого // ЭКО. 2017. № 1. С. 5–19.

Гумеров Р.Р., Гусева Н.В. Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности // ЭКО. 2018. № 2. С. 90–102. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-2-90-102

Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность в контексте национальных целей Российской Федерации // ЭКО. 2020. № 12. С. 122–142. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-12-122-142

Гумеров Р.Р. Невыученные уроки ценовых скачков на продовольственном рынке // Российский экономический журнал. 2021. № 3. С. 25–45. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-3-25-45

Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. 2021. № 2. С. 165–175. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-2-165-175

Конкина В.С. Внешняя экспансия молочного рынка: аргументы «за» и «против» // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-48-59>

Крылатых Э.Н., Белова Т.Н. Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 778–790. DOI: 10.17059/2018-3-7

Лубкова Э.М., Шилова А.Э. Особенности новой доктрины продовольственной безопасности 2020 // ЭКО. 2020. № 11. С. 124–140. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-11-124-140

Паннэ Я. Ш., Антоненко Н. С., Ползиков Д. А. Продовольственная безопасность России: современный подход // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 62–74.

Потанов А. П. Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства в контексте продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 120–129.

Прокопьев М. Г. Продовольственная безопасность и самообеспеченность продовольствием: методические аспекты // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 117–130. DOI: 10.33051/2500–2325–2021–3–117–130

Решетникова Е. Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 128–136. DOI: 10.35854/1998–1627–2020–2–128–136

Ушачев И. Г., Чекалин В. С. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // АПК: экономика, управление. 2020. № 4. С. 4–12. DOI: 10.33305/204–4

Яркова Т. М. Доктрина продовольственной безопасности России – что изменилось в 2020 году // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 6. С. 7–10.

Статья поступила 18.04.2022

Статья принята к публикации 21.04.2022

Для цитирования: *Гумеров Р. Р.* Феномен «спящих» угроз продовольственной безопасности России: условия реализации и механизмы нейтрализации // ЭКО. 2022. № 6. С. 8–25. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2022-6-8-25

Summary

Gumerov, R.R., PhD in Economics, Center for the Development of Program-Targeted Management, Russian Foreign Trade Academy, Moscow

The Phenomenon of Dormant Threats to Food Security in Russia: Conditions of Implementation and Mechanisms of Neutralization

Abstract. The article deals with the little-studied problems of hidden threats to national food security, realized as a result of sanctions pressure on the Russian Federation. These include: the presence of transnational corporations in the Russian food market, including those occupying a dominant position in some sectors; weak antimonopoly legislation in relation to the activities of food market contractors; low sensitivity of the management system to the increased fluctuations of the conjuncture; lack of attention to the risks of agricultural products export. It is noted that the regime of sanctions pressure, superimposed on the waning effects of the COVID-19 pandemic, not only requires the adoption of urgent anti-crisis measures to neutralize the negative effects of external sanctions, but also provides an opportunity to update the entire system of food market management. In particular, the paper proposes to introduce mechanisms of social responsibility of foreign companies, to give more variability and flexibility to the mechanisms of price, antitrust and customs regulations, thereby ensuring the priority of national interests over the corporate interests of large counterparties in the food market.

Keywords: food security; hidden threats to food security; non-trade risks of food security; external sanctions pressure; food inflation; export of agricultural products

References

- Belova, T.N. (2019). Situation in the Food Market: New Signals and Old Problems. *ECO*. No. 1. Pp. 131–152. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–1–131–152
- Belova, T.N. (2021). “Sweet” and “bitter” Arguments for the Right Protectionism. *ECO*. No. 12. Pp. 78–96. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–12–78–96
- Gumerov, R.R. (2013). Food security of the country: threats are growing (on the effects of WTO membership and more). *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 1. Pp. 52–71. (In Russ.).
- Gumerov, R.R. (2016). Food security in Russia: problems and threats. *ECO*. No. 5. Pp. 71–88. (In Russ.).
- Gumerov, R.R. (2017). Russian grain export: not to repeat the mistakes of the past. *ECO*. No. 1. Pp. 5–19. (In Russ.).
- Gumerov, R. R., Guseva, N. V. (2018). On the Effects and Paradoxes of Import Substitution in the Context of National Food Security. *ECO*. No. 2. Pp. 90–102. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–2–90–102
- Gumerov, R.R. (2020). Food Security in the Context of National Goals of the Russian Federation. *ECO*. No. 12. Pp. 122–142. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–12–122–142
- Gumerov, R.R. (2021). Unlearned Lessons of Food Price Spikes. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 3. Pp. 25–45. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130–9757–2021–3–25–45
- Kalugina, Z.I. (2021). Economic Accessibility of Food: Regional and Social Differences. *ECO*. No. 2. Pp. 165–175. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–165–175
- Konkina, V.S. (2022). External expansion of the dairy market: Arguments “for” and “against”. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*. No. 2. Pp. 48–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33983/0130–9757–2022–2–48–59>
- Krylatykh, E.N., Belova, T.N. (2018). Russian Grain Exports in the Context of Regional Economic Policy. *Ekonomika regiona*. No. 14(3). Pp. 778–790. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018–3–7
- Lubkova, E.M., Shilova, A.E. (2020). A New Doctrine of Food Security of the Russian Federation: a Paradigm Change. *ECO*. No. 11. Pp. 124–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–11–124–140
- Pappe, J.S., Antonenko, N.S., Polzikov, D.A. (2017). Food security of Russia: a modern approach. *Problemy prognozirovaniya*. No. 3. Pp. 62–74. (In Russ.).
- Potapov, A.P. (2019). Ensuring Resource Independence of Agrarian Production in the Context of Food Security of Russia. *Problemy prognozirovaniya*. No. 5. Pp. 120–129. (In Russ.).

Prokopiev, M.G. (2021). Food security and self-sufficiency in food: methodological aspects. *Problemy rynochnoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 117–130. (In Russ.). DOI: 10.33051/2500–2325–2021–3–117–130

Reshetnikova, E.G. (2020). Tools to Ensure the Affordability of Food in the Context of New Challenges. *Ekonomika i upravleniye*. No.26(2). Pp. 128–136. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998–1627–2020–2–128–136

Ushachev, I.G., Chekalin, V.S. (2020). New Doctrine of Food Security and Measures to Implement its Main Provisions. *APK: ekonomika, upravleniye*. No. 4. Pp. 4–12. (In Russ.). DOI: 10.33305/204–4

Yarkova, T.M. (2020). Food Security Doctrine – What has Changed in 2020. *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*. No. 6. Pp. 7–10 (In Russ.). DOI 10.31442/0235–2494–2020–0–6–7–10

For citation: Gumerov, R.R. (2022). The Phenomenon of Dormant Threats to Food Security in Russia: Conditions of Implementation and Mechanisms of Neutralization. *ECO*. No. 6. Pp. 8–25. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-8-25

Продовольственная безопасность России в свете последних политических и иных событий

И.В. ЩЕТИНИНА, доктор экономических наук. E-mail: irer@ngs.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Сибирский НИИ экономики сельского хозяйства СФНЦА РАН
Ю.О. ДЕРЕВЯНКО. E-mail: dyo2811@mail.ru
Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН,
Новосибирск

Аннотация. Социально-политические и экономические изменения в стране наложились на увеличение потребности в продуктах питания, экспортную ориентацию экономики на фоне снижения производства некоторых видов аграрной продукции, рост цен и снижение в этой связи экономической доступности пищевых продуктов, финансовые, кадровые и другие проблемы, которые вызвали риск снижения продовольственной безопасности страны. Авторы рассматривают ряд направлений и конкретных мер, которые позволят повысить эффективность аграрного производства и продовольственную безопасность как в ближайшие годы, так и на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; доступность продуктов питания; сельскохозяйственное производство; трудовые ресурсы; аграрное образование; мотивация; кластеры; инновации; гуманитарная помощь

Продовольственная безопасность – одно из главных направлений обеспечения национальной безопасности, сохранения государственности и суверенитета России, важнейшая составляющая ее социально-экономической политики¹. Данное положение Доктрины продовольственной безопасности в настоящее время имеет особую актуальность в связи с прошедшими годами пандемии, санкционными ограничениями и проведением спецоперации на Украине по защите Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР).

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 16.03.2022).

Указанные события привели, с одной стороны, к возможным рискам в обеспечении продовольственной безопасности страны, с другой – к необходимости оказания гуманитарной помощи жителям ДНР, ЛНР и Украины.

Россия оказывает гуманитарную поддержку многим странам, в том числе в рамках Всемирной продовольственной программы ООН [Щетинина и др., 2019]. В 2020 г. через фонд ФАО была направлена гуманитарная помощь республикам Бурунди, Джибути, Сомали Сьерра-Леоне, Центральноафриканской – в размере 2 млн долл. каждой². В декабре 2021 г. в фонд ФАО только в рамках Глобального почвенного партнерства было запланировано внести из федерального бюджета до 2 млн долл. США³. В связи с последними политическими и иными событиями объемы гуманитарной помощи России многократно возросли. Значительную ее часть составляют продукты питания (табл. 1).

Существенное увеличение беженцев в Россию в конце 2021 – начале 2022 гг. также требует дополнительных ресурсов продовольствия. В частности, на начало марта 2022 г. в Минобороны России поступило более 2,5 млн заявок от граждан Украины об эвакуации их в Россию⁴. К середине марта 2022 г. глава Национального центра управления обороной генерал-полковник М. Мизинцев уточнил, что таких заявок уже более 2,7 млн.

Учитывая масштабы разрушений на территории ДНР, ЛНР и Украины, опыт восстановления в других горячих точках (Сирия, Ирак и др.), можно предполагать, что приведенное выше количество беженцев будет оставаться на территории России в течение не менее года, что вполне допускает российское законодательство⁵. В этом случае в стране дополнительно потребуются более 877 тыс. т молока и молочных продуктов,

² Кабинм выделит \$10 млн на взнос в фонд продовольственной программы ООН // ТАСС. 2020. 21 сен. [Эл. ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/9512321?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.03.2022).

³ ФАО – Всемирная продовольственная организация ООН. По данным Распоряжения Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 3806-р, внести в фонд ФАО из федерального бюджета добровольный целевой взнос.

⁴ РФ получила более 2,5 млн просьб об эвакуации от украинских граждан // Российская газета [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/03/08/rf-poluchila-bolee-25-mln-prosb-ob-evakuacii-ot-ukrainskih-grazhdan.html> (дата обращения: 18.03.2022).

⁵ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 04.03.2022) // КонсультантПлюс.

259,2 тыс. т хлеба и других основных продуктов питания. Кроме того, на 1 января 2022 г. на территории РФ уже были поставлены на миграционный учет 13,4 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. Исходя из этого, потребность в продуктах питания возрастает по сравнению с потребностью для граждан России примерно на 11% (табл. 2).

Таблица 1. Объемы гуманитарной помощи Россией некоторым странам, 2021 г. – начало 2022 г., т

Гуманитарная помощь	ДНР и ЛНР	Украина	Нагорный Карабах	Республика Судан	Республика Джибути	Беженцам на территории РФ
Август 2021 г.*						
Крупы	400					
Мясные консервы	340					
Молочные продукты	60					
Сахар	100					
Соль	30					
Бутилированная вода	680					
Детское питание	62					
Всего						
2021 г.	720		1580			
13.01.2022	700					
10.02.2022				193,5 (горох)		
22.02.2022						228
04.03.2022	100				20 тыс. (пшеница)	
06.03.2022	300					
10.03.2022	360					280
11.03.2022	250	1671				

Источник. Составлено авторами по официальным данным источников: *1. Сколько тонн гуманитарной помощи отправила Россия в Украину всего / Информационно-юридическая поддержка в решении социальных проблем // Russia-Ukraine [Эл. ресурс]. URL: <https://russia-ukraine.com/skolko-gumanitarnyh-konvoev-rossija-otpravila-na-p03/> (дата обращения: 16.03.2022). 2. Министерство иностранных дел РФ [Эл. ресурс]. URL: <https://mid.ru/ru> (дата обращения: 16.03.2022). 3. МЧС РФ [Эл. ресурс]. URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/> (дата обращения: 16.03.2022).

Таблица 2. Дополнительная потребность продуктов питания в РФ для беженцев из Украины и мигрантов

Продукты	Потребление в среднем на одного человека по рекомендациям Минздрава России, кг/год	Дополнительные потребности в продуктах питания, тыс. т/год		
		для 2,7 млн чел.	для 13,4 млн чел.	Итого
Хлебные продукты (мука, хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, крупы, бобовые)	96	259,2	1286,4	1545,6
Картофель	90	243	1206	1449
Овощи и бахчевые	140	378	1876	2254
Фрукты и ягоды	100	270	1340	1610
Мясо и мясопродукты (без субпродуктов и жира)	73	197,1	978,2	1175,3
Рыбопродукты	22	59,4	294,8	354,2
Молоко и молокопродукты в пересчете на молоко	325	877,5	4355	5232,5
Яйцо, шт.	260	702	3484	4186
Растительное масло, маргарин и маслосодержащие продукты в пересчете на масло	12	32,4	160,8	193,2
Сахар	8	21,6	107,2	128,8

Источник. Расчеты авторов по данным источников: 1. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614 (с изм. на 1 дек. 2020 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 18.03.2022). 2. Небензя заявил, что позиция Киева не позволяет России эвакуировать с Украины всех желающих // RT на русском [Эл. ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/977585-nebenzya-evakuaciya-ukraina> (дата обращения: 18.03.2022). 3. В России ожидают более миллиона беженцев из Украины // Российская газета [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/03/15/v-rossii-ozhidaiut-bolee-milliona-bezhencev-iz-ukrainy.html> (дата обращения: 18.03.2022). 4. Российский стат. ежегодник. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 692 с.

Кроме увеличения потребности в продуктах питания для беженцев и иных иностранных граждан, находящихся на территории России, потребуется гуманитарная помощь населению ДНР и ЛНР, оставшемуся на территории этих республик, а также части жителей Украины. На территории этих стран

весенне-полевые, а также иные сельскохозяйственные работы могут быть задержаны, что снизит производство продукции и, в свою очередь, увеличит потребность поставок продуктов питания из России. Если нам придется обеспечить продовольствием, скажем, 30% от общей численности этих государств, потребность в сельхозпродукции в России увеличится в 2022 г. еще на 11% к среднегодовой потребности для населения РФ, т.е. понадобится дополнительно более 5 млн т молока, 1,5 млн т хлебобулочных изделий и т.д.

В связи с таким увеличением потребности в продуктах питания, а также с наличием других мировых и внутренних проблем (санкционных, инфляционных и др.) руководство России временно приостановило экспорт зерна и сахара не только в страны дальнего зарубежья, но и в ЕАЭС⁶. Планируется, что ограничения по зерну будут действовать до 30 июня 2022 г., по сахару – до 31 августа 2022 г. Установление таких предварительных сроков во многом объясняется необходимостью снижения рисков недостатка семенного материала для посевной в РФ и получения к осени нового урожая растениеводческой продукции.

Отметим, что ООН и другие международные организации и специалисты прогнозируют на 2022–2023 гг. в связи с «украинским кризисом», российскими и антироссийскими санкциями и рядом других причин обострение проблемы с продовольствием не только в «горячих точках», но и во многих развитых государствах, активно импортирующих продукты питания. Здесь нужно обратить внимание, что в России до 2022 г. отмечалась возрастающая ориентация экономики на экспорт сельхозпродукции⁷. За рубеж шли преимущественно зерно и картофель⁸, объемы производства которых удовлетворяли потребности страны в предыдущие годы. Например, экспорт зерна из Сибири вырос за 2017–2020 гг. в 6,4 раза⁹, что дало основание прогнозировать

⁶ Правительство ввело временный запрет на экспорт сахара и зерновых. Постановления от 14 марта 2022 г. № 361, № 362 // Правительство России [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/news/44807/> (дата обращения: 17.03.2022).

⁷ Экспорт и импорт России по товарам и странам [Эл. ресурс]. 2022. URL: <https://ru-stat.com/> (дата обращения: 16.03.2022).

⁸ О внешней торговле в 2021 году / Росстат [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения: 17.03.2022).

⁹ Экспорт из Сибирского федерального округа [Эл. ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/> (дата обращения: 16.03.2022).

дальнейший рост экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия [Афанасьев и др., 2019]. По некоторым расчетам [Быков, 2021], только из Сибири возможно в ближайшей перспективе двукратное увеличение экспорта зерна (рис. 1).

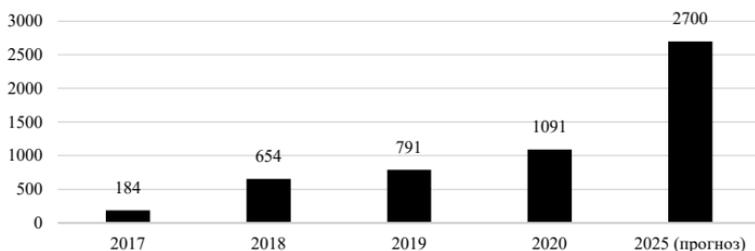

Рис. 1. Фактический и прогнозируемый экспорт зерна из Сибирского федерального округа в 2017–2025 гг., тыс. т

Однако экспорт рос не только по тем видам сельхозпродукции, по которым Россия достигла достаточного уровня самообеспечения, но и по необходимым для здоровой жизнедеятельности, по которым имеется дефицит продукции собственного производства (рис. 2)¹⁰ [Щетинина, 2021].

Источник. Составлено авторами по данным: Экспорт из России // Россия: Статистика внешней торговли. По данным ФТС России [Эл. ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/date-Y2013–2021/RU/export/world> (дата обращения: 17.03.2022).

Рис. 2. Динамика экспорта продукции животноводства из России в 2013–2020 гг., тыс. т

¹⁰ См. также статью А.М. Васильева, Е.А. Лисуновой в данной тематической подборке.

Временные трудности, а также другие обострившиеся проблемы (производственные, логистические, картельные сговоры оптовых поставщиков и ритейлеров, инфляция и др.) провоцируют рост цен на продукты питания. По некоторым видам из них только за неделю конца февраля – начала марта цены выросли на 16–30%. Такой рост цен ведет к снижению экономической доступности продуктов питания, несмотря на ежегодное увеличение социальной помощи малоимущим, семьям с детьми и другим категориям населения (рис. 3).

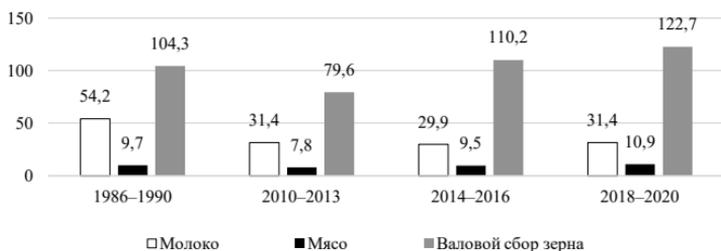
Источник. Расчет авторов по данным: 1. Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2022 гг. // Росстат [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_01.html (дата обращения: 18.03.2022). 2. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан // Росстат [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rashod-cb.html> (дата обращения: 18.03.2022).

Рис. 3. Среднегодовая динамика цен и расходов консолидированного бюджета на обеспечение питанием населения России в 2011–2021 гг., % прироста к предыдущему периоду

Более того, в стране есть проблемы с самообеспечением некоторыми видами продукции. В частности, динамика производства молока даже в относительно благоприятные предыдущие годы была отрицательной (рис. 4).

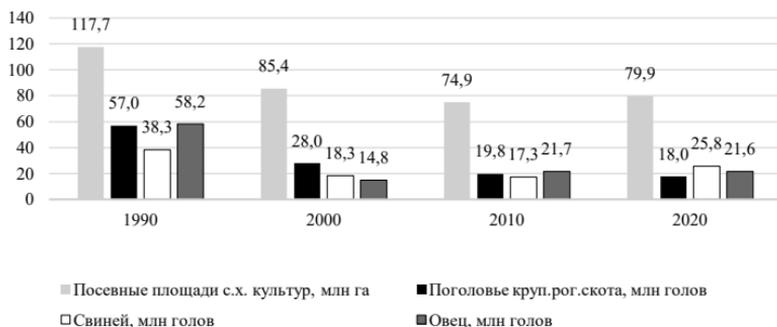
Что касается зерна и мяса, то, несмотря на некоторое увеличение в рассматриваемый период, в перспективе с их производством могут возникнуть серьезные проблемы, так как существенного восстановления посевных площадей не наблюдается,

и тенденция сокращения поголовья крупного рогатого скота не преодолена (рис. 5).

Источник. Расчеты авторов по данным: 1. Агропромышленный комплекс России в 2012 г. / Минсельхоз России. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. 605 с. 2. Агропромышленный комплекс России в 2015 г. / Минсельхоз России. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2016. 702 с. 3. Агропромышленный комплекс России в 2018 г. / Минсельхоз России. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2019. 536 с. 4. Развитие агропромышленного комплекса РСФСР/ Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информационный центр, 1991. 379 с. 5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с. 6) Российский стат. ежегодник. 2003: Стат. сб./Госкомстат России. М., 2003. 705 с.

Рис. 4. Динамика среднегодового производства основных видов сельскохозяйственной продукции в России в 1986–2020 гг., млн т

Источник. Составлено авторами по данным: 1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 863 с. 2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Рис. 5. Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур и поголовья животных в России в 1990–2020 гг.

Помимо этих проблем, отмечается недостаточное обеспечение аграрного производства новыми техникой и технологиями. По данным Росстата, к 2019 г. парк основных видов сельскохозяйственной техники составлял лишь 40–70% от нормативного¹¹. Несмотря на то, что в настоящее время ведутся разработки новейших технологий [Елаго, Глушак, 2020; Першукевич, Тю, 2018; Стратегия ..., 2018; Тю, 2019; Шкарупа, 2020; Яранцева и др., 2019], в том числе с применением биоинженерии, биоорганической химии, биофизики, клеточных технологий, биоинформатики и др.¹², эти и другие научные разработки, перспективная высокопроизводительная техника и технологии пока слабо применяются в аграрном секторе, что связано в основном с финансовыми проблемами и недостатком квалифицированных кадров. В результате уровень технической оснащенности сельскохозяйственного производства падает. В некоторых регионах Сибири износ техники, по данным СибНИИЭСХ СФНЦА РАН, достигает 80–100%, а сроки фактической эксплуатации машин и оборудования превышают нормативные в 2–3 раза.

Многие годы снижается также численность трудоспособного населения и квалифицированных кадров на селе [Якимова, 2006]. Эта тенденция сохраняется и в последние годы. Только за 2010–2020 гг. численность работников трудоспособного возраста в сельском хозяйстве сократилась более чем на миллион человек при нежелании молодежи после окончания учебных заведений работать в аграрном производстве (рис. 6). По данным исследований Corteva Agriscience, лишь 2% сельской молодежи готовы остаться работать на селе, и только 1% молодых людей из города готовы переехать в село и работать в агропромышленном секторе¹³. Среди окончивших высшие и средние профессиональные учебные заведения, по данным сибирских вузов аграрного профиля (НГАУ, СибУПК), более трети выпускников не возвращаются в село.

¹¹ Сельское хозяйство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 100 с.

¹² Институт биоорганической химии им. М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова – ИБХ РАН, Центр компетенций НТИ ИБХ РАН, Консорциум «Биоорганика», Сибирский федеральный научный центр агробιοтехнологий – СФНЦА РАН и многие другие.

¹³ Corteva Agriscience, Сельскохозяйственное подразделение DowDuPont представило основные направления стратегии развития в России // АРК News. 2018. № 12. С. 27.

Источник. Составлено авторами по данным: 1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 192 с. 2. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.

Рис. 6. Динамика численности выпускников аграрных образовательных организаций, работающих в сельской местности России в 2015–2019 гг., тыс. чел.

Во многом такой выбор молодежи объясняется низким уровнем жизни на селе, в том числе недостаточным обеспечением медицинскими, образовательными, коммунально-бытовыми услугами, плохими условиями труда и др. Одна из причин тому – недостаток финансовых ресурсов в сельскохозяйственном секторе. По состоянию на январь 2021 г. почти 23% сельхозорганизаций были убыточными, а большая часть прибыльных предприятий – низкорентабельными¹⁴. Это не позволяет им закупать новую технику и повышать заработную плату, которая остается одной из самых низких в экономике (табл. 3). Слабые местные бюджеты не справляются с задачей благоустройства территорий и повышения качества жизнедеятельности сельчан.

Таким образом, учитывая социально-экономические и политические изменения в России, наметившийся мировой социально-политический, экономический и продовольственный кризис¹⁵,

¹⁴ Сельское хозяйство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 100 с.

¹⁵ Меньше есть и больше сеять // Коммерсантъ. № 49 (7250) от 23.03.2022. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270941> (дата обращения: 23.03.2022).

а также наличие многолетних проблем в сельском хозяйстве, необходимо обратить внимание на значительно возросшие риски ослабления продовольственной безопасности страны. Для снижения этих рисков необходимо, с одной стороны, принять срочные меры на ближайшие год-два, с другой – уже сейчас начать целенаправленную работу по решению накопившихся проблем, выстраивая стратегию развития АПК на долгосрочную перспективу.

Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в РФ по видам экономической деятельности в 2017–2020 гг., руб.

Вид экономической деятельности	2017	2019	2020
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	29038	36193	39523
Добыча полезных ископаемых	76982	92541	98494
Обрабатывающие производства	43481	48720	51321
Строительство	50066	62100	65053
Транспортировка и хранение	49725	57007	59230
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	32419	43958	50638

Источник. Составлено авторами по данным: Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. // Росстат. М., 2021. 177 с.

Некоторые оперативные направления повышения продовольственной безопасности России

В качестве оперативных мер повышения продовольственной безопасности руководство страны и регионов предпринимает усилия по обеспечению экономической доступности продуктов питания для населения, предоставляя всё новые льготы, субсидии и другую поддержку нуждающимся потребителям, малому бизнесу и сельхозпроизводителям¹⁶. Помимо этого, на наш взгляд, нужны срочные меры по следующим основным направлениям.

Исходя из того, что большинство стран, введших антироссийские санкции, нарушают тем самым требования ВТО¹⁷, России

¹⁶ Меры по повышению устойчивости экономики в условиях санкций // Правительство России [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/901/events/> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁷ ВТО – Всемирная торговая организация. Соглашения ВТО [Эл. ресурс]. URL: <https://wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/> (дата обращения: 17.03.2022).

также целесообразно отказаться от запретов этой организации, не позволяющих осуществлять более эффективную господдержку аграрного сектора страны [Щетинина и др., 2019].

В 2012 г. после почти 20-летних сложнейших переговоров РФ была официально принята в ВТО, но на значительно менее выгодных условиях, чем у многих других участников. Так, США, странам ЕС, Китаю и др. разрешен более высокий уровень господдержки сельского хозяйства, чем России¹⁸. Это значительно снижает конкурентоспособность нашего аграрного сектора, пищевой и перерабатывающей промышленности по сравнению с другими странами, экспортирующими продовольствие, сокращает возможности получения доходов для российских товаропроизводителей.

Кроме того, участие в ВТО ведет к необходимости ежегодной уплаты взносов начиная с 2012 г. в пределах 4 млн долл. США¹⁹, а также к претензиям, судебным разбирательствам, штрафам и др. Так, в 2017 г. ЕС выставил требования к России о выплате 1,4 млрд евро компенсации в связи с запретом на импорт свинины из-за опасности ввоза инфекции чумы²⁰. И таких требований от разных стран за 10 лет было довольно много, тогда как российские претензии и апелляции зачастую отклонялись.

Ряд специалистов (В. Колташов, Д. Савочкин и др.) не раз за 10 лет высказывали предложения о выходе России из ВТО. Их оппоненты (М. Ю. Медведков, Я. Гончаров и др.) считали, что это приведет к новым ограничениям²¹. Однако, как показали события последних лет (особенно 2021–2022 гг.), правила ВТО не помешали нескольким десяткам стран (ЕС, США, Канада, Австралия, Япония и др.) произвольно вводить ограничения в торговле с Россией, в том числе на продовольственные товары. В связи с этим мы считаем вполне своевременным

¹⁸ Анализ мировых тенденций государственной поддержки сельского хозяйства // Департамент агропромышленной политики Евразийской экономической комиссии. М., 2015. 125 с.

¹⁹ Членские взносы России в ВТО составят около 3,7 млн долл. // Российская газета. 08.06.2012 [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/06/08/vznos-anons.html> (дата обращения: 17.03.2022).

²⁰ Подложили свинью // Российская газета. 08.01.2018 [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/01/08/rossiia-osporit-v-to-pretenzii-evrosoiuzna-na-139-mlrd-evro.html> (дата обращения: 17.03.2022).

²¹ Что ждет Россию после выхода из ВТО // Право.ру. 29 марта 2022 [Эл. ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/239997/> (дата обращения: 29.03.2022).

поступивший 21.03.2022 г. в Госдуму законопроект о возможном выходе России из этой организации²².

По нашему мнению, это позволит не только применять наиболее эффективные меры по защите внутреннего продовольственного рынка и по импортозамещению пищевой и другой продукции для АПК; но также повысит уровень, оперативность и оптимизацию направлений господдержки агропромышленного производства, поднимая тем самым его конкурентоспособность на внутреннем и в последующем на внешних рынках. Кроме того, мы получим возможность перейти к оплате экспортной сельхозпродукции в наиболее выгодной для нас валюте, включая российский рубль. Все это ведет к укреплению продовольственной безопасности страны и повышению доходов в российском аграрном секторе.

Следующая оперативная и актуальная мера – это обеспечение весенне-полевой кампании всеми необходимыми ресурсами (ГСМ, посевными материалами, кредитами и субсидиями и пр.), независимо от ранее имевшихся требований к сельхозпроизводителям и ограничений на получение господдержки. Учитывая остроту ситуации и необходимость обеспечения максимально возможного объема производства продукции в 2022 г., этот вопрос оперативно должен быть проработан на всех уровнях власти – от федерального (Минсельхоз, Минэкономразвития и др.) до регионального совместно с районными органами управления сельским хозяйством. При этом должны быть комплексно использованы возможности всех программ, затрагивающих развитие сельского хозяйства и сельских территорий, а также другие доступные варианты²³.

При решении этого вопроса госорганами управления сельского хозяйства должны учитываться такие принципы распределения ресурсов, как срочность, дифференцированный адресный подход

²² *Рябов И.* В Госдуме прокомментировали законопроект о выходе России из ВТО // Pravda.Ru 22.03.2022 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/news/politics/1692073-vto/> (дата обращения: 22.03.2022).

²³ См. 1. Национальные проекты // Правительство Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения 03.02.2022). 2. Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса // Минсельхоз России [Эл. ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/measures/> (дата обращения 03.02.2022). 3. Срочная информация для регионов о предоставлении субсидий // Минсельхоз России [Эл. ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/urgent/> (дата обращения 04.04.2022).

и строгий контроль на региональном и районном уровне их целевого использования и получения итоговых производственных результатов. Такой подход диктуют следующие факторы:

– природно-климатические и другие региональные особенности сельского хозяйства (в частности, если у регионов Сибири есть незначительный лаг времени для проработки этих вопросов, то у южных регионов России его практически не остается);

– региональные различия в потенциале сельхозпредприятий и имеющихся у них проблем; так, количество убыточных хозяйств в разных регионах колеблется от 10 до 50 и более процентов, есть большие различия в структуре АПК по типам хозяйств (в Центральной России в основном преобладают крупные сельхозорганизации, в Республике Тыва, Забайкальском крае и некоторых других регионах – хозяйства населения);

– различия в количестве хозяйств, их территориальной рассредоточенности, масштабах производства и др. (например, если в Республике Хакасия всего 8 административных районов, контроль целевого использования средств можно осуществлять преимущественно на уровне региона, то в Новосибирской области с ее 30 административными районами и значительным количеством сельхозпредприятий акцент в контроле ложится на районный уровень, при участии регионального Министерства сельского хозяйства);

– другие региональные особенности (структура и вид производства продукции и т.д.).

Учитывая недостаток квалифицированных кадров на селе и острую необходимость ускоренного проведения реиндустриализации аграрного производства, необходимо при государственной поддержке покупки новой техники и технологий выделять также адресное бюджетное финансирование на переподготовку и/или повышение квалификации кадров, которым предстоит осваивать эту технику или технологию.

На эти цели можно направить средства, предусмотренные Федеральной научно-технической программой развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы для «повышения обеспеченности системы профессионального образования программами по новым направлениям подготовки» и «на увеличение числа высокотехнологичных рабочих мест». Ежегодное финансирование по этому направлению предусмотрено в размере не менее 465 млн руб.

из федерального бюджета и столько же (50% от общей суммы) из внебюджетных источников (регионального бюджета и др.). Кроме того, по данному направлению выделяются средства в размере действовавших ранее на 2013–2020 годы Государственной программы РФ «Развитие образования» на общую сумму 931,1 млн руб. и Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на сумму 552,4 млн руб., предназначенных для передачи научных и (или) научно-технических результатов и продукции для практического использования и на повышение квалификации участников научно-технического обеспечения развития сельского хозяйства. Однако адресная господдержка соответствующей переподготовки работников сельского хозяйства при этом не предусмотрена²⁴.

Механизм адресного предоставления государственных средств для подготовки работников сельского хозяйства к освоению новой техники и технологий может быть в определенной степени аналогичен тому, что применяется при господдержке покупки технических средств и оборудования для сельскохозяйственного производства. А именно – компенсация части затрат. По нашим расчетам, в сфере подготовки или переподготовки кадров такая компенсация на период до 2025 г. может быть установлена в размере 40%. В последующем ее размер может меняться в зависимости от потребности в подготовке нужных специалистов.

Важным направлением, позволяющим максимально быстро освоить новую технику и технологии, может стать бесплатное консультирование со стороны поставщиков. Это в настоящее время практикуется некоторыми компаниями – производителями сельхозтехники. Так, ГК Ростсельмаш имеет в своём составе «Сервисный центр Ростсельмаш», гарантирующий, что его специалисты проведут инструктаж сотрудников организации-покупателя. Но у большинства поставщиков сельхозоборудования такой услуги нет, и в договорах купли-продажи подобные условия не предусмотрены.

²⁴ Меры государственной поддержки агропромышленного комплекса / Минсельхоз России [Эл. ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/measures/> (дата обращения: 14.02.2022).

Поэтому мы предлагаем такой положительный опыт распространить на всех поставщиков техники и технологических комплексов, предназначенных для АПК, и вносить в договор купли-продажи пункт о проведении инструктажа и последующего консультирования по работе с новым оборудованием или технологиями на период их освоения. Это позволит сельхозпредприятиям сократить сроки освоения новой техники и снизить риски убытков при приобретении дорогостоящего оборудования и других инновационных товаров. Например, цены на комбайны в феврале 2022 г. колебались от 1,5 до 6 млн руб., тракторов – от 1 до 12 млн руб. и выше. В случае их непрофессиональной эксплуатации хозяйства понесут значительные убытки.

Долгосрочные направления укрепления продовольственной безопасности

Для укрепления продовольственной безопасности необходимо проведение не только оперативно-тактических, но и стратегических мероприятий, нацеленных на развитие сельскохозяйственного производства в долгосрочной перспективе и улучшение условий жизни на селе.

В настоящее время, несмотря на то, что наблюдается увеличение ввода в действие жилых домов в сельской местности, их ускоренная газификация и оснащение водопроводом, реализуются 12 национальных проектов по развитию России, затрагивающих в том числе и сельские территории, количество сельских жителей продолжает сокращаться²⁵. Особенно активно покидают село молодые люди до 39 лет, которые не желают заниматься сельскохозяйственным трудом.

Это ведет к обезлюдиванию сельских территорий, снижению качества трудовых ресурсов, сокращению производства некоторых видов сельхозпродукции. Потому в интересах обеспечения продовольственной безопасности следует усилить работу с сельским

²⁵ См. 1. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // РФ. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2020. 240 с.

2. Жилищное хозяйство в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 78 с.

3. Национальные проекты // Правительство Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 03.02.2022).

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

населением. Особое внимание нужно уделить подготовке кадров, повышению престижа сельского труда, стимулированию привлечения и закрепления на селе специалистов.

Начинать решение этой проблемы необходимо с системы образования. Несмотря на то, что в России еще в 2012 г. Федеральным законом «Об образовании» было закреплено понятие непрерывного образования, которое предусматривает различные формы работы с детьми и взрослыми, для аграрного сектора оно до сих пор не сформировано. Только в 2022 г. в этом направлении начата совместная работа Минобрнауки, Минсельхоза и фонда «Иннопрактика»²⁶.

Для того чтобы сформировать эффективную систему непрерывного образования в сельском хозяйстве, мы предлагаем ввести «сквозное аграрное образование» и с самого раннего возраста, начиная с детского сада и начальных классов школы, прививать детям и школьникам интерес к сельскому труду. Для этого знакомить их с работой в поле и на ферме, проводить экскурсии, лекции по профориентации с приглашением специалистов сельхозорганизаций, родителей этих детей, работающих в сельском хозяйстве, организовывать кружки и секции соответствующей направленности и пр., повышая тем самым престиж сельского труда в глазах детей.

В настоящее время такая целенаправленная работа в дошкольных и школьных учреждениях практически не ведется. Большинство учителей считает, что они должны использовать в соответствии с доведенной до них учебной программой тот потенциал ребенка, который заложила в него семья. Этим их роль в воспитании детей и ограничивается [Гасинец и др., 2022].

Неотъемлемой частью сквозного аграрного образования является работа с абитуриентами. Положительное влияние на заинтересованность абитуриентов в обучении по аграрным направлениям могут оказать повышенная стипендия и льготные условия проживания в общежитии для большего, чем в настоящее время, количества студентов. Финансирование этих мер может осуществляться в рамках специальных федеральной

²⁶ Минобрнауки, Минсельхоз и фонд «Иннопрактика» будут вместе развивать аграрное образование // Минобрнауки РФ [Эл. ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46368 (дата обращения: 10.02.2022).

и региональных программ, с привлечением также средств Россельхозбанка (напомним, он в 2019–2021 гг. выделял на стипендии студентам 50–60 млн руб.)²⁷, предприятий АПК и других спонсорских организаций, заинтересованных в развитии сельхозпроизводства. Ключевым условием для получения повышенной стипендии, помимо успеха в учебе, должно быть обязательное возвращение в село для работы по полученной специальности на срок не менее 3–5 лет.

Важным направлением подготовки квалифицированных кадров для села может стать совместное создание с передовой научной или производственной организацией базовых аграрных кафедр во всех сельскохозяйственных учебных заведениях. Такие кафедры позволят студентам приобрести навыки решения производственных задач под руководством ученых и практиков. Сотрудники этих организаций могут участвовать в разработке образовательных программ и авторских курсов, руководить стажировкой студентов, обеспечивать повышение квалификации сотрудников сельскохозяйственных организаций. В результате будет устраняться разрыв между теорией и практикой и устанавливаться более тесное сотрудничество аграрных учебных заведений, научных организаций и сельхозпредприятий. Это повысит заинтересованность студентов и учащихся и уровень профессиональной подготовки кадров.

Для привлечения трудовых ресурсов в сельское хозяйство необходимо региональной, районной и местной администрации, а также руководству сельскохозяйственных предприятий повышать качество жизни и работы на селе и мотивированность людей к работе. Это предполагает, помимо прочего, обеспечение доступной медицинской помощью путем создания в малонаселенных сельских поселениях мобильных медицинских пунктов, организованной доставки сотрудников в медцентры для прохождения обследования, медицинских процедур и др. (опыт ЗАО Племзавод «Ирмень» Новосибирской области), расширение возможностей образовательного и культурного развития сельских жителей.

²⁷ Россельхозбанк увеличит количество стипендиатов и размер стипендии в 2020–2021 учебном году / Россельхозбанк [Эл. ресурс]. URL: <http://www.rshb.ru/news/421557/> (дата обращения: 15.01.2022).

В настоящее время по многим государственным программам предоставляются льготы разным категориям работников, трудящимся в сельской местности²⁸. В определенной степени можно надеяться, что эти меры помогут закреплению кадров в сельском хозяйстве в целом. Но в каждой сельхозорганизации в зависимости от ее финансовых возможностей и потребности в специалистах могут быть предусмотрены дополнительные стимулы для привлечения и закрепления молодых и квалифицированных работников. Можно применять стимулирующие надбавки за качество и выслугу лет, получение бесплатных или частично оплачиваемых дополнительных медицинских услуг, льготных путевок детям, разных видов материальной помощи и пр. Спектр подобного рода стимулов очень широк, но редко применяется в сельском хозяйстве.

Для оказания социальной поддержки и предоставления льгот в крупных и финансово-экономически устойчивых сельскохозяйственных организациях целесообразно сформировать специальный фонд социального обеспечения сотрудников путем отчисления 3–5% от прибыли (табл. 4).

²⁸ См. 1. Молодой специалист в сельской местности // Подборка материалов / КонсультантПлюс [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/molodoj_specialist_v_selskoj_mestnosti/ (дата обращения: 15.02.2022).

2. Получение единовременной выплаты и ежемесячной доплаты молодым специалистам в области сельского хозяйства // Категория услуг / Госуслуги [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/272056/1/info> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Государственная поддержка молодых специалистов на селе // Новости регионов / Минсельхоз России [Эл. ресурс]. URL: <https://mcs.gov.ru/press-service/regions/gosudarstvennaya-podderzhka-molodykh-spetsialistov-na-sele/> (дата обращения: 16.02.2022).

4. Льготная пенсия работникам сельского хозяйства // Подборка материалов / КонсультантПлюс [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/lgotnaya_pensiya_rabotnikam_selskogo_hozyajstva/ (дата обращения: 17.02.2022).

5. Об утверждении Правил установления и выплаты повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии лицам, проработавшим не менее 30 календарных лет в сельском хозяйстве, проживающим в сельской местности (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 29 ноября 2018 г. № 1441 / Гарант [Эл. ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72119834/#friends> (дата обращения: 17.02.2022).

6. Новые льготные кредиты для компаний и сельская ипотека для работников: как сэкономить / Учет в сельском хозяйстве // Главбух [Эл. ресурс]. URL: <https://www.glavbukh.ru/art/100260-novye-lgotnye-kredity-dlya-kompaniy-i-selskaya-ipoteka-dlya-rabotnikov-kak-sekonomit> (дата обращения: 21.02.2022).

Таблица 4. Расчетная средняя величина годового специализированного фонда социального обеспечения сотрудников хозяйства РФ

Регион	Число предприятий и организаций: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство, факт 2020 г., ед.	Фактический сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, 2020 г., млн руб.				Годовой специализированный фонд социального обеспечения сотрудников, на 1 хозяйство (5%), тыс. руб.
		растениеводства	животноводства	всего	в среднем на одно хозяйство	
РФ	95342	241028	153431	394459	4,14	206,9
СФО	11999	13119	20058	33177	2,76	138,2
<i>Республика:</i> Алтай	381	–	-45	-45	-0,12	х
Тыва	278	0,1	1	1,1	0,004	х
Хакасия	257	49	255	304	1,18	59,1
<i>Край:</i> Алтайский	1759	7107	4361	11468	6,52	326,0
Красноярский	2082	2168	5193	7361	3,54	176,8
<i>Область:</i> Иркутская	3352	178	1939	2117	0,63	31,6
Кемеровская	827	1087	248	1335	1,61	80,7
Новосибирская	1593	1038	3760	4798	3,01	150,6
Омская	828	1361	1737	3098	3,74	187,1
Томская	642	131	2609	2740	4,27	213,4

Источник. Расчеты авторов по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Слабым хозяйствам формировать подобные фонды будет проблематично. В частности, в Сибири многие хозяйства республик Алтай и Тыва в отдельные годы не имеют прибыли. В Республике Хакасия, в Иркутской и Кемеровской областях среднестатистическое хозяйство смогло бы перечислить, например, по итогам 2020 г. лишь скромные 30–80 тыс. руб. В таких случаях (это целесообразно везде, но в слабых хозяйствах – жизненно необходимо) нужно активнее применять менее

затратные, но не раз подтвердившие свою эффективность меры социально-психологической мотивации: моральное поощрение, проведение воспитательной работы, привлечение сотрудников к принятию решений, формирование у них чувства причастности к деятельности коллектива. Все это вызывает у работников удовлетворенность трудом и желание повышать эффективность работы предприятия с реальной перспективой получения более высокого дохода на вложенный труд.

Еще одним стратегически важным направлением инновационного развития сельского хозяйства является кластерный подход к процессу, суть которого – участие в разработке и внедрении инноваций, а также в долговременной совместной деятельности всех заинтересованных структур – сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, государственных, частных, корпоративных и иных организаций, не относящихся непосредственно к агропромышленному производству, но заинтересованных в его развитии. Это могут быть организации финансовой сферы (банки и страховые компании) и рыночной инфраструктуры (торговые сети, оптовые фирмы и др.), крупные предприятия, которым необходимо продовольствие и другая сельхозпродукция, предприятия – поставщики товаров и услуг для сельхозпроизводства, инновационные и научно-производственные организации и др. В рамках агропромышленного кластера формируются научно-производственные, технико-технологические, информационно-коммуникационные, финансово-экономические и другие связи и взаимодействия.

Такой подход перспективен не только с теоретической точки зрения, но и подтвержден многолетней отечественной и зарубежной практикой [Инновационно-технологические ..., 2013; Портер, 2006; Jonathan Sallet, Ed Paisley, 2009; Jonathan Sallet, 2011]. Формирование кластеров позволяет снизить транзакционные и другие издержки, повысить информационную и инновационно-внедренческую оперативность, получить другие преимущества от кооперации и интеграции участников. Однако в настоящее время в России это направление недостаточно развито, особенно в агропромышленной сфере. Причины – пассивность потенциальных компаний-лидеров, недостаточность нормативно-правовой базы (долгое время регистрировались только промышленные кластеры) и др. Все эти барьеры легко преодолимы при условии

заинтересованности госорганов в формировании и развитии территориально-отраслевых инновационных и иных кластеров в АПК.

Заключение

Эффективное развитие сельского хозяйства России в современных сложных для страны условиях требует серьезного внимания со стороны органов власти всех уровней, руководителей и специалистов аграрного сектора и АПК в целом. Предложенные нами пути решения некоторых организационных, финансово-экономических и кадровых проблем в сельском хозяйстве посредством повышения возможностей и спектра господдержки, введения «сквозного аграрного образования», более качественного и оперативного освоения новой техники и технологий, эффективной мотивации сотрудников и активизации кластерного подхода к инновационному развитию АПК позволят увеличить обеспеченность аграрного производства квалифицированными кадрами, будут способствовать решению проблемы инновационного развития сельского хозяйства и соответственно увеличению производства продукции и снижению рисков ослабления продовольственной безопасности России.

Литература

Афанасьев Е. В., Быков А. А., Головатюк С. М. Концептуальные основы развития агропродовольственного рынка Сибири // АПК: экономика, управление. 2019. № 8. С. 40–49. DOI: 10.33305/198–40.

Быков А. А. Экспорт зерна и продуктов его переработки на примере Сибирского федерального округа: сложившаяся ситуация, позитивные процессы // Проблемы агорынка. 2021. № 2. С. 138–146. DOI: 10.46666/2021–2.2708–9991.17.

Гасинец М. В., Капуза А. В., Добрякова М. С. Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 75–97. DOI: 10.17323/1814–9545–2022–1–75–97.

Елаго Т. А., Глушак Н. В. Сельское хозяйство России в эпоху цифровизации // Развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровой экономики: Сборник научных трудов II Национальной научно-практической конференции, Самара, 29–30 апреля 2020 года. Самара: Самарский государственный аграрный университет, 2020. С. 6–9.

Инновационно-технологические кластеры стран – членов МЦНТИ // Международный центр научной и технической информации. М., Февраль 2013 г. 46 с. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.icsti.su/uploaded/201304/cluster.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

Першукевич П. М., Тю Л. В. Стратегия развития АПК Сибири до 2035 года: социально-экономические аспекты // АПК: Экономика, управление. 2018. № 12. С. 4–12.

Портер М. Е. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 452 с.

Стратегия социально-экономического развития АПК Сибирского федерального округа в условиях глобализации и интеграции: монография / П. М. Першукевич, Н. И. Кашеваров [и др.]; под ред. П. М. Першукевича, Л. В. Тю / СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. Новосибирск: СФНЦА РАН, 2018. 315 с.

Тю Л. В. Совершенствование государственной поддержки инвестиций в сельское хозяйство // АПК: экономика, управление. 2019. № 11. С. 23–30.

Шкарупа Е. А. Цифровизация АПК: результаты, проблемы, направления развития // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4. С. 144–153.

Щетинина И. В., Калугина З. И., Фадеева О. П., Чупин Р. И. Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. 264 с.

Щетинина И. В. Документы новые – проблемы старые. О доступности продуктов питания в России // ЭКО. 2021. № 6. С. 77–98. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-6-77-98.

Яранцева С. Б., Герасимчук Л. Д., Шишкина М. А. Новая порода крупного рогатого скота молочного направления Сибирячка // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2019. Т. 49. № 6. С. 62–70.

Якимова Л. А. Социально-экономические проблемы сельских жителей региона // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2006. № 2. С. 46–48.

Jonathan Sallet. Innovation Clusters Create Competitive Communities // HuffPost. 25 May 2011. [Эл. ресурс]. URL: https://www.huffpost.com/entry/innovation-clusters-creat_b_293603 (дата обращения: 21.02.2022).

Jonathan Sallet, Ed Paisley. The Geography of Innovation: The Federal Government and the Growth of Regional Innovation Clusters // Science Progress. September 2009. 43 p.

Статья поступила 22.03.2022

Статья принята к публикации 27.03.2022

Для цитирования: *Щетинина И. В., Деревянко Ю. О.* Продовольственная безопасность России в свете последних политических и иных событий // ЭКО. 2022. № 6. С. 26–50. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-6-26-50

Summary

Shchetinina, I.V., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Siberian Scientific Research Institute of Agricultural Economics of Siberian Federal Scientific Center for Agrobiotechnology RAS, Derevyanko, Yu.O., Siberian Federal Research Center of Agrobiotechnologies of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Russia's Food Security in the Light of Recent Political and other Events

Abstract. Socio-political and economic changes in the country have superimposed an increase in the need for food, the export orientation of the economy on the background of a decline in the production of certain types of agricultural products, rising prices and a decrease in the economic affordability of food, financial, personnel and other problems, which have caused the risk of reducing food security of the country. To solve these problems, it is necessary to provide targeted state support, a cluster approach to the innovative development of the agro-industrial complex, provision of agricultural production with qualified personnel, modern equipment and technology. The authors consider a number of directions and specific measures that will improve the efficiency of agricultural production and food security of the country.

Keywords: *food security; food availability; agricultural production; labor resources; agrarian education; motivation; clusters; innovation; humanitarian aid*

References

Afanasyev, E.V., Bykov, A.A., Golovatyuk, S.M. (2019). Conceptual foundations of the development of the agro-food market of Siberia. *Agro-industrial complex: economics, management*. No. 8. Pp. 40–49. (In Russ.). DOI: 10.33305/198–40.

Bykov, A.A. (2021). Export of grain and its processed products on the example of the Siberian Federal District: the current situation, positive processes. *Problems of the agro-market*. No. 2. Pp. 138–146. (In Russ.). DOI: 10.46666/2021–2.2708–9991.17.

Gasinets, M.V., Kapuza, A.V., Dobryakova, M.S. (2022). The agency of teachers in shaping the educational success of schoolchildren: roles and beliefs. *Education issues*. No. 1. Pp. 75–97. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814–9545–2022–1–75–97.

Elago, T.A., Glushak N.V. (2020). Agriculture of Russia in the era of digitalization. *Development of the agro-industrial complex in the digital economy: Collection of scientific papers of the II National Scientific and Practical Conference*. Samara State Agrarian University. Samara. Pp. 6–9. (In Russ.).

Innovation and technology clusters of ICSTI member countries. (2013). *International Center for Scientific and Technical Information*. Moscow. 46 p. (In Russ.). Available at: <http://www.icsti.su/uploaded/201304/cluster.pdf> (accessed: 03.22.2022).

Jonathan, Sallet. (2011). Innovation Clusters Create Competitive Communities. *HuffPost*. Available at: https://www.huffpost.com/entry/innovation-clusters-creat_b_293603 (accessed: 21.03.2022).

Jonathan, Sallet, Ed, Paisley. (2009). The Geography of Innovation: The Federal Government and the Growth of Regional Innovation Clusters. *Science progress*. 43 p.

Pershukevich, P.M., Tyu, L.V. (2018). Development strategy of agro-industrial complex of Siberia until 2035: socio-economic aspects. *Agro-industrial complex: Economics, management*. No. 12. Pp. 4–12. (In Russ.).

Pershukevich, P.M., Kashevarov, N.I., etc. (2018). Strategy of socio-economic development of the agro-industrial complex of the Siberian Federal District in the context of globalization and integration: monograph. Edited by P.M. Pershukevich, L.V. Tyu. SIBNIIIESH SFNCA RAS. Novo-sibirsk: SFNCA RAS, 315 p. (In Russ.).

Porter, M.E. (2006). *Competitive strategy: Methods of analyzing industries and competitors: trans. from English*. 2nd ed. Moscow. Alpina Business Books. 452 p.

Shkarupa, E.A. (2020). Digitalization of the agro-industrial complex: results, problems, directions of development. *Regional economy. South of Russia*. Vol. 8. No. 4. pp. 144–153. (In Russ.).

Shchetinina, I.V., Kalugina, Z.I., Fadeeva, O.P., Chupin, R.I. (2019). Food security in Russia in the context of globalization and international restrictions. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 264 p. (In Russ.).

Shchetinina, I.V. (2021). New documents – old problems. About the availability of food in Russia. *ECO*. No. 6. pp. 77–98. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-6-77-98.

Tyu, L.V. (2019.) Improvement of state support for investments in agriculture. *Agro-industrial complex: economics, management*. No. 11. pp. 23–30. (In Russ.).

Yarantseva, S.B., Gerasimchuk, L.D., Shishkina, M.A. (2019). A new breed of cattle dairy direction Siberian. *Siberian Bulletin of Agricultural Science*. Vol. 49. No. 6. pp. 62–70. (In Russ.).

Yakimova, L.A. (2006). Socio-economic problems of rural residents of the region. *Economics of agricultural and processing enterprises*. No. 2. pp. 46–48. (In Russ.).

For citation: Shchetinina, I.V., Derevyanko, Yu.O. (2022). Russia's Food Security in the Light of Recent Political and other Events. *ECO*. No. 6. Pp. 26–50. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-26-50

Доктрина продовольственной безопасности в системе обеспечения населения рыбной продукцией

А.М. ВАСИЛЬЕВ, доктор экономических наук
E-mail: vasiliev@pgi.ru; ORCID: 0000-0001-8626-9980

Е.А. ЛИСУНОВА, инженер-исследователь.
E-mail: eliskavav@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5908-8471
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина –
ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты

Аннотация. Авторы ставят своей целью добиться повышения роли Доктрины продовольственной безопасности в обеспечении экономической доступности рыбы и рыбной продукции. Проанализированы выполнение Доктрины с 2013 г. по 2020 г. в части обеспечения рыбной продукцией и динамики цен на основные виды арктических рыб. Рассчитан уровень снижения покупательной способности рыбной продукции населением Мурманской области в 2020 г. по сравнению с 2013 г. Предложены меры корректировки ценовой политики на внутреннем рынке рыбной продукции и стимулирования выполнения Доктрины рыбаками северного бассейна. Рассмотрен зарубежный опыт по регулированию цен на рыбу и продукцию сельского хозяйства. Предложено придать Доктрине продовольственной безопасности законодательный характер.

Ключевые слова: Арктика; рыболовство; рыбная продукция; цены; доступность продовольствия; продовольственная безопасность

Введение

Изучением тех или иных аспектов продовольственной безопасности занимаются многие российские и зарубежные исследователи. Так, в статье В.Г. Ларионова [Ларионов, 2015] рассматривается состояние агропромышленного комплекса страны, анализируются объёмы поддержки сельского хозяйства развитых зарубежных стран в сравнении с российскими, формулируются задачи, стоящие перед нашим государством для обеспечения продовольственной безопасности.

В.Г. Староверов и М.Л. Варганова изучают проблему продовольственной безопасности в связи с необходимостью обеспечения устойчивого демографического роста коренного населения [Староверов, Варганова, 2019].

В книге Н.И. Шагайды и В.Я. Узуна рассмотрены проблемы мониторинга, оценки состояния и угроз продовольственной безопасности в России, предложены методики и проведены расчеты обобщенных показателей оценки продовольственной безопасности, проанализирована экономическая доступность продовольствия для групп населения с различными уровнями доходов в целом по стране и по субъектам РФ, выявлены регионы с угрозами социальной нестабильности, связанной с ограничениями экономической доступности продовольствия. Авторы также оценили влияние на продовольственную безопасность чрезмерной концентрации производства продуктов питания, перехода собственности на землю и агропродовольственных компаний под контроль иностранных юридических и физических лиц [Шагайда, Узун, 2015].

Среди этих публикаций отметим те, что затрагивают проблемы рыбохозяйственного комплекса в контексте продовольственной безопасности. Это прежде всего работа А.И. Богачева [Богачев, 2018], в которой подробно освещается этот вопрос, а также диссертация Н.М. Котова [Котов, 2016], где отмечается низкая экономическая эффективность рыбного хозяйства, несмотря на высокие розничные цены на его продукцию. Для исправления ситуации автор предлагает ввести двухуровневую модель управления, включающую административные и рыночные методы, учет спроса и предложения.

Важно, что к мнению ученых прислушивается руководство отрасли. Так, глава ФГУП «Нацрыбресурс» Игорь Ивлев в своем интервью¹ рассказал о «построении целостной транспортно-логистической цепочки поставки рыбопродукции в центральные районы России, что позволит обеспечить... граждан страны достаточным и физически доступным объемом рыбной продукции».

Из зарубежных публикаций заслуживают внимания работы норвежских учёных, хорошо знающих российское рыбное хозяйство. В аналитическом дайджесте «Российское сельское хозяйство и рыболовство» опубликована статья Frode Nilssen [Nilssen, 2017], в которой обсуждаются проблемы экономиче-

¹ Ивлев И. Логистика в рыбной отрасли – необходимый элемент продовольственной безопасности России [Эл. ресурс]. URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/logistika-v-rybnoy-otrasli---neobhodimyy-element-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii/ (дата обращения: 25.01.2022).

ской и социальной устойчивости отрасли, описывается ее связь с продовольственной безопасностью и политическими планами. Christel Elvestad рассматривает ситуацию с импортозамещением рыбной продукции [Elvestad, 2017] в контексте выполнения российской Доктрины продовольственной безопасности. Автор констатирует снижение потребления рыбы россиянами и рассматривает причины этого.

О значении Доктрины продовольственной безопасности в обеспечении населения России отечественными продуктами питания и о российской продовольственной политике много пишет Stephen K. Wegren в соавторстве с коллегами [Wegren et al., 2016; Wegren et al., 2018]. В последней его книге анализируется становление России как мировой продовольственной державы и глобальные последствия этого роста. Рассматриваются политика и практика в области мировой и региональной торговли продовольствием [Wegren, Nilssen, 2022].

Отметим, что, несмотря на некоторую политизированность публикаций норвежских авторов, они представляют объективную информацию о причинах снижения потребления рыбы в России, об импортозамещении и роли Доктрины продовольственной безопасности. Все они убедительно показывают, что важнейшую роль в снабжении продовольственной безопасности России, в том числе в обеспечении населения рыбной продукцией по доступным ценам, должна играть Доктрина продовольственной безопасности.

Правительство России, региональные власти и руководство предприятий агропродовольственного и рыбопромышленного секторов в целях обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны и населения должны руководствоваться в своей деятельности Доктриной продовольственной безопасности, утверждаемой Президентом РФ. Действующая в настоящее время Доктрина охватывает период с 2020 по 2029 гг. Она предусматривает обеспечение физической и экономической доступности продовольствия для населения страны, в том числе рыбной продукции, по научно обоснованным нормам. В частности, рыболовство и рыбоводство страны должны поставлять на внутренний рынок и реализовывать по доступным ценам рыбную продукцию и морепродукты российского производства,

в объеме 85% от научно обоснованного уровня потребления рыбы в 22,0 кг на человека в год.

К сожалению, эти рекомендации не выполняются. Доктрина 2010–2019 гг. выполнялась на 67,6–86,4%, в 2020 г. уровень исполнения составил всего 63,1%².

Цены на рыбу и ее доступность для населения

В 2014–2015 гг. в результате снижения курса рубля к доллару, приближения внутренних цен производителей рыбной продукции к экспортным, а также действий посредников и розничной торговли в России произошло беспрецедентное повышение потребительских цен на рыбу, которое существенно ограничило ее экономическую доступность для населения (табл. 1). Эта акция в той или иной степени затронула все рыбохозяйственные бассейны страны.

Резкий взлет цен на рыбу произошел в течение 2014–2015 гг., когда без изучения спроса и предложения производители подняли цены на треску более чем вдвое, на другие виды рыб – на несколько меньше. В течение 2016–2021 гг. цены незначительно менялись в русле общей повышательной тенденции³. Одним из механизмов поддержания высоких цен стала дозированная незначительная поставка рыбной продукции на внутренний рынок, вплоть до создания дефицита. Так, по данным обзоров рынка свежемороженой рыбы и морепродуктов, публикуемых в еженедельном бюллетене «Рыбный курьер-профи», некоторый ассортимент рыбы часто отсутствует в магазинах г. Мурманска.

Из представленных в таблице 1 данных видно, что оптовые цены производителей рыбной продукции в 2021 г. по сравнению с 2013 г. (последним годом с относительно стабильным курсом рубля по отношению к доллару США) повысились в 1,6–4,2 раза. Сильнее всего подорожала треска – основной экспортный вид. Розничные цены выросли еще больше – в 2,4–5,0 раза.

² Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части Арктической зоны Российской Федерации: отчет о НИР (промежут.): 0226–2019–0022 / Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; науч. рук. Васильев А. М.; отв. исполн.: Васильев А. М., Вопиловский С. С., Фадеев А. М. [и др.]. Апатиты, 2020. 128 с.

³ Там же.

Таблица 1. Динамика цен на рыбу Западной Арктики
в 2013 г., 2021 г., руб./кг

Вид продукции	2013		2021		Изменение, раз	
	оптовые	розничные	оптовые ⁶	розничные ⁷	оптовые	розничные
Треска разделанная мороженная	70,0 ¹	98,0–112,0 ⁴	270,0–297,0	350,0–583,0	в 3,8–4,2 раза	в 3,6–5,2 раза
Филе трески без шкуры	133,0 ¹	187,0 ⁴	475,0–495,0	585,0–932,0	в 3,6–3,7 раза	в 3,1–5,0 раза
Филе трески на шкуре	133 ¹	-165,0 ⁵	385,0–415,0	460,0	в 2,9–3,1 раза	-2,8 раза
Пикша разделанная мороженная	111,0 ²	80,28 ⁵ –147,0 ²	180,0–205,0	350–400	в 1,6–1,8 раза	в 4,5–2,7 раза
Пикша (филе)	130,0 ³	191,0 ⁵	320,0–380,0	600,0	в 2,5–2,9 раза	в 3,1 раза
Сельдь мороженная	50,0–60,0 ²	87,0–95,0 ² 59,8 ⁵	110,0–133,0	260,0	в 2,2 раза	в 4,3–2,7 раза
Скумбрия мороженная	46,0–72,0 ²	126,0 ² 99,7 ⁵	215,0–230,0	299,0–320,0	в 4,7–3,2 раза	в 2,4–3,2 раза

Источник. ¹ В Мурманской области средние оптовые цены... URL: <https://www.nord-news.ru/news/2013/08/13/?newsid=52617> (дата обращения: 28.01.2022); ² Узбекова А. В новом году россияне оставят без селедки. URL: <https://rg.ru/2013/12/31/giba-site.html> (дата обращения: 28.01.2022); ³ Расчеты автора; ⁴ Цены на рыбу в Мурманске URL: <https://www.рыбныймурман.рф/2013/01/22/цену-na-rybu-v-murmanske/3> (дата обращения: 28.01.2022); ⁵ Результаты еженедельного мониторинга цен на рыбопродукцию в Мурманской области. URL: <https://www.hibiny.com/news/archive/47521/> (дата обращения: 28.01.2022); ⁶ Рыбный Курьер-профи: еженедельный бюллетень о международном рыбном бизнесе 2021, № 50 (878); ⁷ По наблюдениям в магазинах авторов статьи в декабре 2021 г.

По нашим расчётам, покупательная способность населения Мурманской области в 2021 г. в сравнении с 2013 г. по рыбе мороженной разделанной (кроме лососёвых) уменьшилась на 34,9% (с 221,0 кг/мес. до 143,9 кг/мес.), по рыбе мороженной неразделанной – на 39,5% (с 495,2 кг/мес. до 299,7 кг/мес.). По России в целом покупательная способность в отношении неразделанной рыбы сократилась на 31,1% (с 298,0 кг/мес. до 205,4 кг/мес.)⁴ [Колончин и др., 2021].

Рыба входит в рацион питания 88% взрослых в России. Однако в повседневном рационе россиян ее место, вследствие высоких

⁴ О ценах на рыбу. URL: <https://www.rybazdes.ru/node/4785> (дата обращения: 26.01.2022).

цен, остается скромным: 6 из 10 потребителей едят рыбу реже одного раза в неделю, остальные не едят вовсе, – такие данные привел секретарь совета Рыбного союза Гарегин Митин на Международном рыбопромышленном форуме в 2021 г.⁵ Кроме того, из года в год потребление рыбы в России падает, что, впрочем, является общемировой тенденцией. Так, по оценке ФАО, потребление рыбы в развитых странах начиная с 2007 г. снижалось и к 2022 г. составило чуть более 20 кг на человека (против 26,4 кг в 2007 г.). В числе причин называются низкое качество продукта (минимальная степень обработки, непривлекательность упаковки) при высокой цене, неприятный запах во время приготовления, недостаточный выбор⁶.

Тренд роста цен на рыбу и морепродукты, по словам Гарегина Митина, также является общемировым. По его мнению, в России, встроенной в глобальный рынок, «рыба никогда не будет дешевой»⁷.

В России распространено мнение о закономерности повышения цен на рыбу в 2014–2015 гг., когда оптовые отпускные цены на внутреннем рынке приблизились к мировым, и невозможности их регулирования государством. Оно основано на догме о регулировании цен только рыночными методами с учётом спроса и предложения. Нам такой подход представляется в корне неверным. Во-первых, в данном случае на внутреннем рынке России фактически используются экспортные или близкие к ним цены, основанные на спросе населения ведущих стран-импортёров российской рыбы, которыми являются европейские государства. Средняя заработная плата населения этих стран с учётом покупательной способности примерно в 1,3–2,4 раза выше, чем в России⁸.

⁵ *Карабут Т.* Эксперты фиксируют снижение потребления рыбы // Российская газета. 2021. 10 сент. URL: <https://rg.ru/2021/09/10/eksperty-fiksiruiut-snizhenie-potrebleniia-ryby.html> (дата обращения: 28.01.2022).

⁶ *Карабут Т.* В России стали есть меньше рыбы // Российская газета. 2022. № 8 (8656). URL: <https://rg.ru/2022/01/16/reg-dfo/v-rossii-stali-est-menshe-ryby.html> (дата обращения: 26.01.2022).

⁷ *Карабут Т.* Эксперты фиксируют снижение потребления рыбы // Российская газета. 2021. 10 сент. URL: <https://rg.ru/2021/09/10/eksperty-fiksiruiut-snizhenie-potrebleniia-ryby.html> (дата обращения: 28.01.2022).

⁸ List of European countries by average wage. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_European_countries_by_average_wage (дата обращения: 16.02.2022).

Во-вторых, государственное регулирование цен на продукцию сельского хозяйства, рыболовства и другие товары в той или иной мере практикуют все развитые страны. Направления, формы и масштабы такого регулирования определяются характером и остротой экономических и социальных проблем в той или иной стране в конкретный период.

Зарубежный опыт регулирования цен

Реализация рыбной продукции, по нашему мнению, в наибольшей мере регулируется в *Норвегии*. Прежде всего, норвежское правительство устанавливает *минимальные* цены на рыбу, позволяющие обеспечить положительную рентабельность как промысловым судам, так и береговым перерабатывающим заводам. При этом реальные оптовые цены на мороженую продукцию, как правило, складываются значительно выше минимального уровня.

Впервые такой подход был реализован в рамках закона № 3 от 14.12.1951 г. «О сбыте рыбы-сырца», определявшем минимальные цены на свежую рыбу с прибрежного рыболовства, которым осваивается до 70% норвежской квоты трески в Баренцевом и Норвежском морях; цены изменялись 3–4 раза в год по сезонам. В последующем этот порядок был закреплен в законе № 40 «О морском промысле» от 03.06.1983 г. и в правительственном Постановлении «О реализации рыбы-сырца» от 29.06.1990 г.⁹

С 2017 г. рыба прибрежного рыболовства Норвегии оценивается по минимальным ценам, которые называются динамическими. Они рассчитываются по пятницам и вступают в силу в следующий понедельник. Периодичность поначалу составляла раз в две недели, а с января 2021 г. – каждую неделю.

В расчете используются два базовых элемента:

- 1) индекс экспорта – рассчитывается учреждением *Nofima*, обновляется в середине каждого месяца;
- 2) цена из первых рук – фактические цены рыболовства на свежую и замороженную треску за последние две недели.

На их основе рассчитываются средневзвешенные цены, которые фиксируются регулятором как минимальные до тех пор,

⁹ *Бобылов Ю. А.* Пригодится опыт Норвегии. URL: <https://biogeniy.ru/archives/1491.html> (дата обращения: 28.01.2022).

пока расчет не покажет отклонение на +/- 0,25 норвежских крон или более от предыдущей минимальной цены. Тогда вступает в силу критерий изменения. При расчёте динамической цены принимается во внимание: цена на свежую рыбу – на 80%, на замороженную – 70%. Индекс экспорта взвешивается на 60%. В итоге динамическая минимальная цена определяется по следующей формуле¹⁰:

$$\text{расчёт динамической минимальной цены для трески}^{11,12},$$

$$\left(\begin{array}{l} \text{Цена свежей трески} \\ \text{взвешена на 80 \%} \end{array} + \begin{array}{l} \text{Цена мороз. трески} \\ \text{взвешена на 70 \%} \end{array} + \begin{array}{l} \text{Экспорт. индекс} \\ \text{взвешен на 60 \%} \end{array} \right) : 3 = \begin{array}{l} \text{Новая динамическая} \\ \text{минимальная цена} \end{array} .$$

В целях сдерживания розничных цен правительство регулирует среднюю норму прибыли по отрасли (и за счет этого изымает промышленную ренту), применяет ощутимые экономические санкции против роста числа посредников в цепи сбыта рыбы и рыбопродукции, контролирует (а при необходимости и диктует) экспортные цены.

При подобной системе судовладельцы ограничены в возможностях бесконтрольного наращивания доходов. Однако они мирятся с таким положением, поскольку в их глазах это единственный путь к сохранению рыбных запасов и устойчивому рыболовству [Титова, 2007. С. 181].

Социально ориентированное правительство Финляндии через ценовые ограничения и налоговое регулирование реализует политику повышения жизненного уровня населения. Практически все национальные программы по важнейшим отраслям экономики Финляндии базируются на планово-расчетном ценообразовании, а не на рыночном [Цены и ценообразование, 2001. С. 282]. Подобные экономические механизмы существовали в рыбной отрасли в советское время и наблюдаются на прибрежном промысле сейчас, например, в Канаде и Норвегии. Цены на неконечную продукцию устанавливаются на плановой основе, в том числе договорные.

¹⁰ Beregning av dynamisk minstepris for torsk. URL: https://gammel.rafisklaget.no/portal/page/portal/RafisklagetDokumenter/DiverseInformasjon/Hvordan_beregnes_dynamisk_minstepris_torsk.pdf (дата обращения: 23.01.2022).

¹¹ Dynamiske minstepriser på torsk – forsøksordning. URL: <https://www.rafisklaget.no/rundskriv-list/31-2016> (дата обращения: 25.01.2022).

¹² Prøveordning med dynamisk minstepris på torsk. URL: <https://www.rafisklaget.no/media/qaqfqnkt/vedlegg-1-pr%C3%B8veordning-med-dynamisk-minstepris-p%C3%A5-torsk.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

В *Европейском союзе* наблюдение за ценами на подавляющую часть (88–97% по разным странам) сельскохозяйственной и животноводческой продукции, сахара-рафинада осуществляется наднациональными органами ЕС постоянно. Предложения об уровнях максимальных и минимальных цен готовит комиссия ЕС, а решение принимает Совет министров ЕС¹³.

В *Японии* законодательно запрещено устанавливать монополю высокие или низкие цены (демпинг, направленный на устранение конкурентов), есть ограничительные меры в отношении одновременного повышения цен (они распространяются на отрасли, где объем производства превышает 30 млрд иен). В целом в этой стране регулируется около 20% потребительских цен¹⁴. Законодательно установленная наценка на рыбу не может превышать 15%¹⁵.

Рост цен на рыбу и Доктрина продовольственной безопасности

В Федеральном законе от 28.12.2009 г. № 381–ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» и других документах отсутствуют сведения о допустимости использования мировых или близких к ним цен на российском рынке. Однако Доктрина продовольственной безопасности, провозгласив одним из своих принципов *экономическую доступность* продовольствия, тем самым подразумевает, что необходимо учитывать покупательную способность населения России.

В нашем случае рыбодобывающие компании, подняв в 2014–2020 гг. внутренние цены на донные виды рыбы (треска, пикша, палтус, окунь) в два и более раз, ориентировались исключительно на экспортные цены и не учитывали доходы населения России.

Известно, что в 2021 г. в России значительно выросли цены на некоторые виды пищевых продуктов и промышленных товаров. Правительство РФ и другие компетентные органы страны

¹³ Регулирование цен в странах ЕС. URL: https://vuzlit.ru/1892582/regulirovanie_stranah (дата обращения: 24.01.2022).

¹⁴ Япония. Опыт регулирования цен. URL: <https://economy-ru.com/ekonomika-tsenoobrazovanie/yaponiya-54611.html> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁵ Избыточная наценка на рыбу противозаконна. URL: <https://www.kmrp.ru/novosti/2008/667.html> (дата обращения: 26.01.2022).

предпринимали различные меры по сдерживанию роста внутренних цен, в том числе путем ограничения объемов экспорта. Для наполнения продукцией внутреннего рынка использовалось введение повышенных экспортных пошлин, различные временные договоренности. Рынок рыбной продукции эти меры не затронули. Ни резкое повышение цен в 2014–2015 гг., ни их рост в последующий период не вызвали реакции Правительства РФ.

Между тем, по нашему мнению, в распоряжении правительственных органов имеются экономические и институциональные инструменты для сдерживания цен рыболовства, что исключит их негативное влияние на внутренний рынок страны, обеспечит гармоничное развитие береговой переработки и обслуживающих рыболовство отраслей, а также повысит экономическую доступность рыбной продукции для населения. К ним можно отнести Доктрину продовольственной безопасности, правила доступа хозяйствующих субъектов к промысловым ресурсам.

В преамбуле к Доктрине продовольственной безопасности записано: «Необходимость утверждения новой Доктрины (2019–2029 гг.) продиктована... появлением новых рисков и угроз продовольственной безопасности, вызванных главным образом экономическими санкциями, повышением открытости национального продовольственного рынка...». В то же время п. 1 ст. 7 Конституции РФ гласит, что Россия – социальное государство, «политика которого направлена на создание условий, ... обеспечивающих достойную жизнь... человека». В соответствии с этими положениями пищевые продукты, по нашему мнению, должны продаваться по ценам, учитывающим покупательную способность населения. Об этом, в частности, говорил Президент России В.В. Путин на заседании президиума Госсовета по развитию рыбного хозяйства 19 ноября 2015 г. и на встречах с предпринимателями.

В действующей Доктрине продовольственная безопасность в отношении рыбной продукции определена годовым уровнем потребления рыбы и морепродуктов (в живом весе) в объеме 22,0 кг на человека, в том числе 85,0% (18,7 кг) отечественного производства. Уровень выполнения этих условий показан в таблице 2.

Таблица 2. Баланс ресурсов и использования рыбы и рыбопродуктов в живом весе по Российской Федерации в 2013–2020 гг., тыс. т

Ресурсы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Запасы на начало года	846	789	796	874	1210	1117	1086	1143
Улов рыбы и добычка других видов водных ресурсов	4522	4419	4493	4812	4951	5110	5133	5143
Импорт	2121	1979	1055	1055	1139	1214	1250	1204
Итого ресурсов	7489	7187	6344	6741	7300	7441	7469	7490
Использование								
Переработано на пищевые цели	61	48	70	103	159	209	207	213
Потери	42	44	43	47	44	45	50	53
Экспорт	2694	2491	2086	2234	2612	3132	2967	3142
Личное потребление	3915	3748	3271	3272	3368	2969	3102	2934
Запасы на конец года	777	856	874	1085	1117	1086	1143	1148
Уровень самообеспечения, %	112,6	115,1	132,8	140,6	138,7	158,5	152,8	160,7
Уровень потребления в живом весе, всего: кг/чел. в год	27,2	25,6	22,3	22,3	22,9	20,2	21,1	20,0
Уровень потребления за счёт отечественных источников: кг/чел. в год	12,5	12,1	15,1	15,1	15,2	12,0	12,6	11,8
Процент от установленной нормы	66,8	64,7	80,7	80,7	81,3	64,2	67,4	63,1

Источник. Таблица «Баланс ресурсов и использования рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырья)». URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bal_8.xls (дата обращения: 25.01.2022); Таблица модернизирована автором.

Примечание. Расчёты выполнены в соответствии с рекомендациями Доктрины продовольственной безопасности о потреблении россиянами 22 кг рыбы в неразделанном виде. Из них рыба российского производства в 2010–2019 гг. должна составлять 80%, в 2020–2019 гг. – 85%.

Из представленных данных видно, что уровень потребления рыбной продукции за счёт отечественных источников в 2010–2019 гг. выполнялся на 67,6–85,8% от установленной Доктриной нормы, а в 2020 г. (когда вступила в силу новая актуализированная версия документа) – снизился до 63,1%. Главной причиной этого

представляется чрезмерно большой экспорт рыбной продукции, который в 2020 г. достиг рекордных значений. При этом, напомним, пунктом 17ж) нынешней Доктрины предусматривается «реализация экспортного потенциала *с учётом приоритета самообеспечения страны*», а в пункте 29в) говорится о *необходимости* принятия Правительством РФ мер по достижению *пороговых значений* показателей продовольственной независимости.

Вообще, многие положения Доктрины могли бы значительно улучшить ситуацию в рыбной отрасли в случае их реализации. Так, пунктом 20а) намечено «создание сети оптово-распределительных центров для закупки продукции у сельскохозяйственных товаропроизводителей, ее подработки, переработки, хранения и сбыта через систему розничной торговли и закупок для государственных и муниципальных нужд, в том числе в рамках механизма внутренней продовольственной помощи населению». В создании подобных предприятий нуждается и рыбное хозяйство.

Пункт 7з) предусматривает недопущение ввоза на территорию России генно-инженерно-модифицированных организмов с целью их оборота; запрещает выращивание и разведение животных, генетическая программа которых изменена методами генной инженерии. В то же время там ничего не говорится о генно-модифицированном лососе, который выращивается в России и поставляется из-за рубежа, и продаётся населению без каких-либо предупреждений.

В Доктрине продовольственной безопасности многократно говорится о необходимости обеспечения экономической доступности продуктов питания населению страны. Однако в отношении рыбной продукции эта цель при сложившихся ценах не достигается, и российское Правительство по этому поводу не предпринимает никаких мер.

По нашему мнению, если уж ориентироваться на мировые цены на рыбу на внутреннем рынке России, их нужно, как минимум, корректировать по индексу, полученному путём отношения средних доходов россиян к средневзвешенным доходам населения основных стран-импортёров рыбной продукции. В данном случае это шесть европейских государств: Нидерланды, Норвегия, Германия, Великобритания, Дания и Швейцария, в которые в 2018 г. было экспортировано (по стоимости) 79,9% рыбной

продукции, в 2019 г. – 86,0% и в 2020 г. – 78,7%¹⁶. Средний уровень валового внутреннего продукта (по паритету покупательной способности) на душу населения в 2020 г. в названных странах составлял 59098 долл. США, а в России – 28053 долл. На основании этих данных можно считать, что покупательная способность населения России ниже уровня её у населения основных стран-экспортёров рыбной продукции мурманских производителей примерно в два раза¹⁷.

Для того чтобы достичь целевых показателей Доктрины по самообеспечению населения страны рыбной продукцией, необходимо поставлять на внутренний рынок 2744,0 тыс. т рыбы и морепродуктов – 55% от общего вылова. Для Северного бассейна при солидарной ответственности – 349,0 тыс.т (55% от среднегодового вылова за 2018–2020 гг.). По нашему мнению, придание Доктрине продовольственной безопасности законодательного характера, стало бы хорошим стимулом для соблюдения ее рекомендаций. Опыт хозяйствования в рыночных условиях показывает, что владельцы рыбодобывающих предприятий законодательные акты нарушают редко.

Кроме того, при наделении хозяйствующих субъектов долями квот на вылов водных биоресурсов целесообразно указывать отдельно доли уловов, подлежащие поставке на российский берег. В целях стимулирования выполнения этой нормы предлагается соответствующие объёмы уловов освободить от оплаты сборов за пользование биоресурсами, в то время как на долю улова, поставляемого на экспорт, установить плату в повышенных размерах.

Как известно, поиском и анализом методов корректировки цен на продукты питания в Российской Федерации занимается Правительство. Оно может оценить сформулированное в статье предложение и сделать соответствующие выводы.

¹⁶ Рыбохозяйственная деятельность в Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области / Мурманскстат, 2021. 50 с.

¹⁷ Список стран по ВВП (ППС) на душу населения. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(ППС\)_на_душу_населения](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС)_на_душу_населения) (дата обращения: 22.04.2022).

Заключение

Проведенный анализ выполнения Доктрины продовольственной безопасности в 2010–2020 гг. показал, что ее положения в части объема поставок рыбной продукции отечественного производства для выполнения рекомендаций по питанию в соответствии с установленными медицинскими нормами не выполняются. При этом оптовые и розничные цены на рыбную продукцию за исследуемый период выросли в несколько раз, и ее экономическая доступность уменьшилась почти на 40%, что усугубляет ситуацию с невыполнением положений Доктрины и подрывает продовольственную безопасность страны.

В целях достижения продовольственной безопасности и независимости страны предлагается придать Доктрине продовольственной безопасности законодательный характер, ввести институциональные и экономические стимулы для рыбодобывающих компаний по соблюдению ее рекомендаций и установок.

Верхний предел цен на рыбную продукцию на внутреннем рынке целесообразно определять в соответствии с предложенной выше корректировкой, учитывающей разницу доходов населения России и основных стран-экспортеров.

Такой подход вписывается в рамки мировой практики государственного регулирования цен на стратегически важную продукцию, включая продовольствие. Рассмотренный опыт ряда стран показывает, что Доктрину продовольственной безопасности можно выполнять и сделать пищевую продукцию, в том числе рыбную, доступной для населения без ущерба для развития отрасли.

Литература

Богачев А.И. Современный рыбохозяйственный комплекс России и его роль в обеспечении продовольственной безопасности страны // Рыбоводство и рыбное хозяйство. 2018. № 10 (153). С. 8–17.

Колончин К.В., Бетин О.И., Волошин Г.А., Горбунова М.А. Мониторинг цен на рыбу мороженую на внутреннем рынке. Анализ динамики, определение факторов изменения // Вопросы рыболовства. 2021. Т. 22. № 3. С. 97–110.

Котов Н.М. Совершенствование государственного управления развитием региональных рыбохозяйственных комплексов Дальнего Востока: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. / Н.М. Котов. М., 2016. 169 с.

Ларионов В.Г. Продовольственная безопасность России // Продовольственная политика и безопасность. 2015. Т. 2. № 1. С. 47–58. DOI: 10.18334/ppib.2.1.456.

Староверов В. Г., Вартанова М. Л. Продовольственная безопасность России – важнейшая составляющая демографической политики страны // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 2851–2862. DOI: 10.18334/eo.9.4.41461

Тумова Г. Д. Биоэкономические проблемы рыболовства в зонах национальной юрисдикции. СПб: Издательство «ВВМ», 2007. 368 с.

Цены и ценообразование / Под ред. И. К. Салимжанова. М.: ЗАО «Финстатинформ», 2001. 304 с.

Шагайда Н. И., Узун В. Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы / Н. И. Шагайда, В. Я. Узун. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с.

Elvestad C. A Sustainable Russian Fishing Industry: Feeding Russia with (Russian) Seafood? // Russian agriculture and fisheries. 2017. No. 204. Pp. 14–17.

Nilssen F. Sustainability in Russian Fisheries? // Russian agriculture and fisheries. 2017. No. 204. Pp. 6–9.

Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table. “Lexington Books” Publ. 2018. 330 p.

Wegren S., Nilssen F. Russia’s Role in the Contemporary International Agri-Food Trade System. Cham. Publ.: Palgrave Macmillan, 2022. 343 p. DOI: 10.1007/978-3-030-77451-6

Wegren S., Nilssen F., Elvestad C. The impact of Russian food security policy on the performance of the food system // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. Iss. 6. Pp. 671–699. DOI: 10.1080/15387216.2016.1222299

Статья поступила 07.02.2022

Статья принята к публикации 11.03.2022

Для цитирования: *Васильев А. М., Лисунова Е. А.* Доктрина продовольственной безопасности в системе обеспечения населения рыбной продукцией // ЭКО. 2022. № 6. С. 51–66. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-51-66

Summary

Vasiliev, A.M., *Doct. Sci. (Econ.), Lisunova, E.A.,* *research engineer, G. P. Luzin Institute for Economic Studies, Apatity*

The Doctrine of Food Security in the System of Providing the Population with Fish Products

Abstract. The authors aim to increase the role of the Food Security Doctrine in ensuring the economic availability of fish and fish products. The authors analyze the implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation from 2013 to 2020 in terms of the provision of fish products and the dynamics of prices for the main types of Arctic fish. The level of decline in the purchasing power of fish products by the population of the Murmansk Oblast in 2020 in comparison with 2013 is calculated. The measures to adjust the price policy in the domestic market of fish products and to stimulate the implementation of the Doctrine by the fishermen of the northern basin are suggested. Foreign experience in the regulation of prices for fish and agricultural products is considered. It is proposed to give the Food Security Doctrine a legislative character.

Keywords: *Arctic; fishery; fish products; prices; food availability; food security*

References

Bogachev, A.I. (2018). The modern fishery complex of Russia and its role in ensuring the food security of the country. *Rybovodstvo i rybnoe khozyaistvo*. No. 10 (153). Pp. 8–17. (In Russ.).

Kolonchin, K.V., Betin, O.I., Voloshin, G.A., Gorbunova, M.A. (2021). Monitoring prices for frozen fish in the domestic market. Analysis of dynamics, determination of factors of change. *Voprosy rybolovstva*. Vol. 22. No. 3. Pp. 97–110. (In Russ.).

Kotov, N.M. (2016). *Improving the state management of the development of regional fishery complexes of the Far East*: dis. ... cand. economy Sciences: 08.00.05. Moscow. 169 p.

Larionov, V.G. (2015). Food security of Russia. *Prodoval'stvennaya politika i bezopasnost'*. Vol. 2. No. 1. Pp. 47–58. (In Russ.). DOI: 10.18334/ppib.2.1.456.

Staroverov, V.G., Vartanova, M.L. (2019). Russia's food security is the most important component of the country's demographic policy. *Ekonomicheskie otnosheniya*. Vol. 9. No. 4. Pp. 2851–2862. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.9.4.41461.

Titova, G.D. (2007). *Bioeconomic problems of fisheries in areas of national jurisdiction*. St. Petersburg, "VVM" Publ. 368 p. (In Russ.).

Prices and pricing. (2001). Ed. I.K. Salimzhanov. Moscow, ZAO "Finstatinform" Publ., 304 p. (In Russ.).

Shagaida, N.I., Uzun, V. Ya. (2015). *Food security in Russia: monitoring, trends and threats*. Moscow, "Delo" Publ. 110 p. (In Russ.).

Elvestad, C. (2017). A Sustainable Russian Fishing Industry: Feeding Russia with (Russian) Seafood? *Russian agriculture and fisheries*. No. 204. Pp. 14–17.

Nilssen, F. (2017). Sustainability in Russian Fisheries? *Russian agriculture and fisheries*. No. 204. Pp. 6–9.

Wegren, S., Nikulin, A., Trotsuk, I. (2018). *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*. "Lexington Books" Publ. 330 p.

Wegren, S., Nilssen, F. (2022). *Russia's Role in the Contemporary International Agri-Food Trade System. Palgrave Advances in Bioeconomy: Economics and Policies*. Cham, Palgrave Macmillan Publ. 343 p. DOI: 10.1007/978-3-030-77451-6

Wegren, S., Nilssen, F., Elvestad, C. (2016). The impact of Russian food security policy on the performance of the food system. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 57. Iss. 6. Pp. 671–699. DOI: 10.1080/15387216.2016.1222299

For citation: Vasiliev, A.M., Lisunova, E.A. (2022). The Doctrine of Food Security in the System of Providing the Population with Fish Products. *ECO*. No. 6. Pp. 51–66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-51-66

Поведенческий империализм и три стадии развития поведенческой экономики

А.А. УПРАВИТЕЛЕВ

E-mail: a.a.upravitelev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6404-799X

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Поведенческая экономика получила в последние годы значительное развитие. Автор предлагает оригинальную периодизацию этого направления, базирующуюся на методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Обосновано выделение трех стадий: в течение первой происходило формирование жёсткого концептуального ядра поведенческой экономики, во время второй (формирование защитного пояса) были созданы ключевые теории поведенческой микро-, макроэкономики и поведенческих финансов. Третья стадия характеризуется обширным проникновением элементов поведенческой экономики в сферу экономической политики и другие социальные дисциплины. По аналогии с экономическим империализмом XX века, основывавшемся на неоклассической теории, предлагается назвать эту экспансию поведенческим империализмом.

Ключевые слова: поведенческая экономика; экономическая методология; ограниченная рациональность; теория перспектив; поведенческий патернализм

Введение

Поведенческая экономика как направление экономической мысли появилась в 50-е годы XX века, и со временем неизбежно должен был возникнуть вопрос о её периодизации.

Ключевые теории поведенческой экономики – это концепция ограниченной рациональности Г. Саймона и теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски. Существующие подходы к периодизации поведенческой экономики разделяют ее на два периода, опираясь на их развитие. Так, известный историк экономической мысли Э.-М. Сент [Sent, 2004] определяет поведенческую экономику Г. Саймона и Д. Катоны, т.е. существовавшую до распространения теории перспектив, как *старую*, а ту, которая стала развиваться после публикации теории перспектив, как *новую* поведенческую экономику.

Этой же модели придерживаются и другие исследователи. По мнению Дж. Лёвенштейна и Э. Ангнера [Angner, Loewenshtein, 2006], эти два периода имеют достаточно чёткий раздел ввиду того, что появлению новой поведенческой экономики предшествовало активное развитие исследований процессов принятия решений в когнитивной психологии, и новизна Канемана и Тверски состояла в том, что они привнесли элементы этой теории в экономику. В свою очередь Н. Гигер [Geiger, 2017] указывает, что старая поведенческая экономика была значительно более оппозиционной неоклассике, чем новая.

М. Рабин имеет другую позицию относительно периодизации, но также указывает на две волны развития поведенческой экономики [Rabin, 2002. P. 658]. Вторую волну он характеризует следующим образом: «Двигается за пределы указания проблем актуальных экономических допущений, и даже за пределы формулирования альтернатив, но систематично и формально исследует альтернативы с практически той же самой чувствительностью и теми же самыми методами, с которыми экономисты хорошо знакомы». В качестве примеров он приводит модели предпочтений по времени и модели социальных предпочтений.

На наш взгляд, имеющиеся модели периодизации поведенческой экономики имеют существенный недостаток. Они не учитывают современный этап развития этой исследовательской программы, а именно – развитие ее приложений к различным сферам экономической и других социальных наук.

Мы хотели бы предложить свою периодизацию поведенческой экономики, исходя из ее развития как научно-исследовательской программы, обладающей своим жёстким ядром и защитным поясом теорий – согласно концепции И. Лакатоса.

По Лакатосу [Lakatos, 1978], каждая научно-исследовательская программа обладает жёстким теоретическим ядром, которое является сердцевиной программы. Предпосылки ядра неопровержимы согласно консенсусу. Следующий слой – это защитный пояс, набор вспомогательных теорий, опирающихся на теории и предпосылки жёсткого ядра. Этот пояс защищает ядро от проверок. Теории пояса могут устаревать и заменять друг друга, но жёсткое ядро остаётся неизменным. При опровержении теорий жёсткого ядра вся научно-исследовательская программа признаётся устаревшей.

В своей периодизации поведенческой экономики мы выделяем три стадии: создания жёсткого концептуального ядра, формирования защитного пояса и стадию империализма – формирования приложений теорий поведенческой экономики к различным областям поведенческой экономики.

Протостадия, предтеча поведенческой экономики

Для наглядности предлагаемого подхода к периодизации мы бы хотели сопоставить развитие поведенческой экономики с аналогичным стадийным развитием неоклассической экономики.

Общепринято, что возникновению любой теории предшествует некая протостадия, в ходе которой накапливается массив знаний и суждений, на основе которых формируются теории жёсткого ядра. Так, к представителям протостадии неоклассики Р. Экелунд и Р. Эберт относят следующих теоретиков.

Французская школа:

- А. Курно (математическая теория спроса и предложения),
- Ж.-Б. Сей (взаимосвязь спроса и полезности),
- Ж. Дюпюи (расширенный анализ спроса на основе полезности).

Немецкая школа:

- И.Г. фон Тюнен (размещение и распределение ресурсов на основе принципа предельной производительности),
- Г. Госсен (закон убывающей предельной полезности, закон взвешенных предельных полезностей),
- Х. фон Мангольдт (математическая теория цен, частичные равновесия).

Английская школа:

- Дж. С. Милль (утилитаризм),
- У. Эввелл (математический анализ рикардианской экономики),
- М. Лонгфилд (теория распределения предельной производительности).

Ключевые произведения этих и других авторов, сформировавших основы для возникновения ядра неоклассической теории, приходится на 1820–1860 гг. [Ekelund, Hebert, 2002].

Что касается протостадии поведенческой экономики, она связана с именами М. Алле, Х. Лейбенштейна и Д. Катона, опубликовавших свои ключевые работы в начале 1950-х годов.

Французский экономист Морис Алле в своей статье «Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы» [Allais, 1953] указывает на несостоятельность как теории Неймана-Моргенштерна о принятии решений в условиях риска, так и принципа замещения П. Самуэльсона. Принципиальное отличие метода Алле состояло в том, что он искал экспериментальное подтверждение математическим или дедуктивным представлениям о поведении человека. Один из его ключевых выводов – «психологическая теория риска американской школы, начиная с ее исходных аксиом, пренебрегает специфическим элементом психологии риска, а именно – дисперсией психологических значений выигрышей. Сложность и научная ценность (формальных) дедукций ни при каких условиях не может придавать научную ценность их предпосылкам». То есть Алле указывает на принципиальную значимость психологических реакций на выигрыши, что идёт вразрез с предпосылками неоклассической теории принятия решений в условиях риска. Успешная исследовательская работа принесла Морису Алле Нобелевскую премию в 1988 г.

В книге Джорджа Катона «Психологический анализ экономического поведения» [Katona, 1951] объясняется, почему психология и экономика так сильно разошлись в XX веке. С одной стороны, психологи отвергли рационалистично-гедонистичную модель принятия решений и заинтересовались отклонениями от нормы, бессознательными и физиологическими процессами. С другой – экономисты были убеждены, что психологические факторы поведения не поддаются измерению и рассматривали экономику как точную науку [Frantz, 2020]. Катона также является одним из создателей Мичиганского центра, исследующего индекс потребительских настроений, который способен предсказывать спад или рост экономической активности граждан на основе их ожиданий, что оказывает значительное влияние на экономический рост.

Харви Лейбенштейн в работе «Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса» [Leibenstein, 1950] вводит понятие нефункционального

спроса, при котором спрос на товар зависит от того, покупают ли этот товар другие. В глазах одних покупателей полезность товара от этого возрастает (присоединение к большинству), в глазах других, наоборот, уменьшается (эффект сноба). Потребление может носить и демонстративный характер, этот феномен получил название эффект Веблена. Первые два эффекта зависят от поведения других людей, последний – от цены на товар. Харви Лейбенштайн также зафиксировал иррациональный спрос, возникающий под влиянием минутного желания, каприза, и ввел понятие демонстративной цены – той, что по мнению покупателя, остальные принимают за действительно им уплаченную. Она может совпадать с реальной ценой, но при показательном потреблении разница между ними может иметь принципиальное значение. И та, и другая цена влияют на спрос. Таким образом, Лейбенштайн систематизировал феномены, противоречащие неоклассической трактовке индивидуальной полезности.

Эти исследования, которые можно отнести к стадии протоповеденческой экономики, доказывают, что неоклассическое допущение о мотивах экономического человека слишком абстрактно и не учитывает социальные и психологические факторы экономического поведения.

Стадия формирования жёсткого ядра

На стадии жёсткого ядра выделяются теории, формирующие основу научно-исследовательской программы. Продолжая аналогию с развитием неоклассики, определим сначала ее жёсткое ядро.

Оно было сформировано в 1870–1890-е годы и включает в себя микроэкономику К. Менгера, теорию общего равновесия Л. Вальраса и теорию поведения потребителей У.С. Джевонса. Объединил их Альфред Маршалл, связавший идеи маржинализма с работами классиков политической экономии.

Как выразился историк экономической мысли Марк Блауг, в 1940–1950-е годы неоклассическая экономика изменилась настолько сильно, что понадобилось изобрести новое понятие для обозначения мейнстрима экономической мысли [Blaug, 1998]. Таким понятием стал неоклассический синтез, объединяющий неоклассику с кейнсианством. Произошло это в трудах Д. Хикса

«Стоимость и капитал» (1939) и П. Самуэльсона «Основания экономического анализа» (1947).

Точкой отсчёта поведенческой экономики, на наш взгляд, можно обозначить 1955 г., когда Герберт Саймон впервые озвучил свои идеи об ограниченной рациональности экономического поведения [Simon, 1955]. Завершилось формирование жёсткого ядра в 1979 г., когда была опубликована статья Д. Канемана и А. Тверски «Теория перспектив» [Kahneman, Tverski, 1979].

Вводя понятие ограниченной рациональности, Саймон противопоставил свою концепцию экономического поведения абсолютной рациональности неоклассики. По его мнению, экономические субъекты стремятся действовать рационально, но в действительности обладают этой способностью лишь в ограниченной степени.

Концепция ограниченной рациональности включает в себя ряд положений-элементов, на основе которых возникли теории защитного пояса.

1. Процесс поиска альтернативных вариантов имеет свою цену и не может быть безграничным (ограничения могут быть временными, финансовыми, физическими и т.д.). С увеличением количества вариантов возрастают издержки на поиск.

2. Субъекты стремятся не максимизировать прибыль, а добиться некоторого удовлетворительного варианта. Поиск альтернатив прекращается, когда лучший из предложенных вариантов превосходит уровень притязаний, причём этот уровень может корректироваться с течением времени.

3. Сложность принятия решений – не абсолютная величина. Одни и те же решения кому-то даются легче, кому-то – сложнее.

4. Внимание – ограниченный ресурс. Огромное информационное поле часто не позволяет человеку в достаточной степени сконцентрироваться на проблеме, требующей рационального решения.

Вклад Г. Саймона в экономику был отмечен Нобелевской премией в 1978 г.

Второй основополагающий элемент жёсткого ядра поведенческой экономики – теория перспектив. Авторы – израильские психологи Дэниел Канеман и Амос Тверски – представили её в статье «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска» [Kahneman, Tversky, 1979]. Эта работа описывает

результаты серии экспериментов, показывающих, что люди систематически нарушают предсказания теории ожидаемой полезности и вытекающей из нее теории принятия решений в условиях риска. О значимости исследования говорят результаты библиометрического анализа, проведенного в 2016 г. [Meigro et al., 2016]: на тот момент эта статья была самой цитируемой из всех научных публикаций по экономике и бизнесу.

Теория перспектив включает в себя четыре компонента.

1. Зависимость от точки отсчёта. Исходное состояние на момент принятия решения имеет значение – люди по-разному реагируют на эквивалентные перспективы выгоды или потери в зависимости от того, уже потеряли они или выиграли.

2. Неприятие потерь. Людям свойственно уклоняться от потерь: в случае убытков индивид оценивает ценность выбора отрицательной, в случае выигрыша – положительной.

3. Снижение чувствительности. Предельная ценность как выигрышей, так и потерь уменьшается с увеличением их размера.

4. Нелинейное взвешивание вероятности. Люди склонны переоценивать малые вероятности и недооценивать большие.

Д. Канеман получил Нобелевскую премию в 2002 г. Его постоянный соавтор А. Тверски также мог бы добиться этого признания, но умер в 1996 г.

Итак, к первой стадии развития поведенческой экономики мы относим фазу формирования жёсткого концептуального ядра, в которое входят концепция ограниченной рациональности и теория перспектив.

Стадия формирования защитного пояса теорий

За стадией формирования жёсткого ядра следует стадия защитного пояса – выдвижения вспомогательных теорий. В неоклассике такими теориями стали теория ожидаемой полезности Неймана-Моргештерна (1953), теория рациональных ожиданий Мута (1961), модель Эрроу-Дебре (1954), гипотеза эффективных рынков Фамы (1965), модель роста Солоу-Свана (1956) и другие.

В поведенческой экономике рубеж между двумя фазами развития виден очень чётко. Так, Ричард Талер указывает, что имела огромное значение грантовая поддержка фондов Р. Сейджа и А. Слоана, существовавшая в 1984–1992-е годы: «В 1983–1984 году поведенческой экономики почти не существовало.

Канеман и Тверски опубликовали свою статью в журнале “Эконометрика”, но её мало кто заметил. Однако не стоит пренебрегать значением программ поддержки поведенческой экономики фондов Рассела Сейджа и Альфреда Слоана. Эти программы создали у её участников чувство миссии». Историк поведенческой экономики Ф. Хёкелом [Heukelom, 2012], цитирующий эти слова из переписки Талера, указывает, что миссия участников программы заключалась в создании нового направления в экономической науке.

Помимо Дэниела Канемана, Амоса Тверски и Ричарда Талера, участниками программ были Джордж Акерлоф, Джордж Лёвенштейн, Роберт Шиллер, Вернон Смит, Колин Камерер и многие другие. Благодаря этим ученым и их последователям с начала 1980-х по середину 2000-х гг., поведенческая экономика сформировалась в мощную исследовательскую программу, применимую к широкому полю научных областей. Выдвинутые ими теории сформировали защитный пояс поведенческой экономики.

Чтобы продемонстрировать их значение для науки, мы использовали библиометрический анализ. В таблице указаны данные о количестве цитирования тех статей, в которых опубликованы названные теории, в системе Web of Science по состоянию на 29.01.2022.

Число цитирования в статьях теории защитного пояса поведенческой экономики, ед.

Теория	Статья	Кол-во цитирований, ед.
Настроения инвесторов	Barberis N., Shleifer A., Vishny R. (1998) A model of investor sentiment	1706
Теория справедливости, взаимобразности и конкуренции	Bolton G.E., Ockenfels A. (2000). ERC: A Theory of Equity, Reciprocity, and Competition	2266
Эффект чрезмерной реакции	De Bondt W., Thaler R. (1985) Does the Stock Market Overreact?	2236
Теория взаимобразности	Falk A., Fischbacher U. (2006) A theory of reciprocity	1005
Сотрудничество и наказания	Fehr E., Gächter S. (2000) Cooperation and punishment in public goods experiments	1908
Теория взаимобразности	Fehr E., Gächter S. (2000) Fairness and Retaliation: The economics of reciprocity	1380
Теория честности, конкуренции и сотрудничества	Fehr E., Schmidt K. (1999) A theory of fairness, competition, and cooperation	4794
Временное дисконтирование	Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. (2002) Time discounting and time preference: A critical review	2663

Теория	Статья	Кол-во цитирований, ед.
Модель предпочтений, зависимых от точки отсчёта	Kőszegi B., Rabin M. (2006) A model of reference-dependent preferences	1073
Гиперболическое дисконтирование	Laibson D. (1997) Golden eggs and hyperbolic discounting.	2265
Висцеральные факторы поведения	Loewenstein G. (1996) Out of control: Visceral influences on behavior	1380
Гипотеза риска как чувств	Loewenstein G. et al. (2001) Risk as feelings	3101
Теория честности	Rabin M. (1993) Incorporating Fairness into Game Theory and Economics	2237
Либертарианский патернализм	Thaler R., Sunstein C. (2003) Libertarian Paternalism. Sunstein C., Thaler R. (2003) Libertarian Paternalism Is not an Oxymoron	1687 (876 + 811)
Ментальная бухгалтерия	Thaler R.H. (1999) Mental accounting matters. Thaler R. H. (1985) Mental accounting and consumer choice	3661 (1204+2457)
Эффект наделённости	Thaler, R. (1980) Toward a positive theory of consumer choice	2439
Теория эвристик	Tversky A., Kahneman D. (1974) Judgment under uncertainty: Heuristics and biases	15700
Фрейминг	Tversky A., Kahneman D. (1985) The framing of decisions and the psychology of choice	8384

Таким образом, на второй стадии развития поведенческой экономики был сформирован защитный пояс теорий, которые опираются на элементы теорий концептуального ядра и одновременно сами служат основой для поведенческой микро- и макроэкономики. Огромную роль в их развитии сыграла грантовая поддержка фондов Сейджа и Слоана.

Стадия поведенческого империализма

К середине 2000-х годов поведенческая экономика превратилась в мощную исследовательскую программу. Ее теории стали влиять на широкий спектр экономических дисциплин, что, на наш взгляд, можно охарактеризовать как поведенческий империализм, выделив одноименную стадию развития, которая продолжается по сей день.

Концепция империализма применяется в значении произошедшей в 1960–1980-е гг. экспансии неоклассической парадигмы в социологию, политологию, право, психологию, антропологию и другие науки об обществе и человеке [Гуриев, 2008]. С.М. Гуриев ёмко формулирует идею империализма следующим образом: «Уже сейчас экономику следует определять не по предмету,

а по методу исследования», – и далее, приводя в пример программу ежегодной конференции Американской экономической ассоциации, – «отделить собственно экономические исследования от финансовой экономики, экономики контрактов и других аспектов юриспруденции уже невозможно».

В качестве примера проникновения поведенческой парадигмы в социальные науки можно привести программу конференции Общества по продвижению поведенческой экономики (SABE) за 2020 г.¹ Мероприятие включало в себя доклады об исследованиях, посвящённых темам поведения на рынке труда, налогообложению, экологической политике, поведенческим финансам, морали, макроэкономике, дискриминации, гендеру, пенсиям и т.д. (подробнее см. [Управителей, 2020]). Этот спектр тем показывает, насколько широк охват сфер экономических и социальных наук, к которым применима поведенческая парадигма.

Сравнение экспансии поведенческой экономики с неоклассическим империализмом представляется вполне уместным. Если методологически сопоставить эти научно-исследовательские программы, легко обнаружить, что поведенческая экономика опирается на другую – более точную – модель человека. И если какая-либо сфера научного знания сначала находилась под влиянием неоклассической парадигмы, исходные предпосылки которой были признаны неточными, логично предположить, что эта же сфера может испытать влияние альтернативной парадигмы.

Переход от неоклассического в сторону поведенческого империализма прослеживается в работе «Поведенческий подход к праву и экономике» [Jolls et al., 1998]. Авторы исследования предлагают заменить в системе права неоклассические предпосылки о рациональном максимизирующем поведении человека идеями ограниченности человеческой рациональности, личной заинтересованности и силы воли. Отказ от неоклассических предпосылок объяснён тем, что они иногда полезны, но зачастую ошибочны.

Э. Ангнер предлагает другой взгляд на экспансию поведенческой парадигмы. В своей статье со звучным названием «Мы все теперь поведенческие экономисты» он характеризует этот процесс как поведенческий синтез, по аналогии с неоклассическим

¹ URL: <https://www.hse.ru/data/2020/07/18/1597942171/Programme.pdf>

синтезом Самуэльсона, который внедрил в неоклассику кейнсианство, причём если у Самуэльсона неоклассика поглотила кейнсианство, то в наши дни уже неоклассика оказалась поглощённой поведенческой экономикой. Из чего автор делает вывод, что все экономисты-теоретики сегодня стали поведенческими экономистами [Angner, 2019].

В свою очередь Н. Барберис в статье, посвящённой Нобелевской премии Ричарда Талера, пишет, что лауреат всегда хотел увидеть «конец» поведенческой экономики – тот момент, когда не нужно будет отделять курсы и конференции по поведенческой экономике в отдельную нишу – идеи поведенческой экономики будут интегрированы в финансовую экономику, экономику труда, макроэкономику и т.д. Автор приходит к заключению, что этот «конец» поведенческой экономики уже близок [Barberis, 2018].

Какие же изменения произошли в различных сферах экономики и иных социальных дисциплинах под воздействием поведенческой парадигмы?

Поведенческие финансы

Большое количество эффектов ограниченно рационального поведения было обнаружено на финансовых рынках. Так, Х. Шефрин и М. Стетман [Shefrin, Statman, 1985] открыли феномен эффекта диспозиции (disposition effect). Трейдеры склонны быстро продавать растущие акции и неохотно расстаются с ценными бумагами, которые теряют в цене. Это объясняется тем, что агенты избегают рисков в области прибыли, но при росте убытка от акции недостаточно чувствуют нарастающие потери и продолжают рисковать. Есть и другое объяснение: инвесторы избегают продажи убыточных акций потому, что такое решение указывает, что их первоначальное суждение об их прибыльности было ошибочным, а люди не хотят признавать свои ошибки, им свойственно стремление к гордости за себя и избегание сожаления. Т. Одеан подтвердил наличие этого эффекта, проанализировав операции более 10 000 трейдинговых аккаунтов с 1987 г. по 1993 г. [Odean, 1998].

Ш. Бенарци и Р. Талер обнаружили феномен близорукого избегания потерь (myopic loss aversion). Риски по акциям в краткосрочной перспективе значительно выше, чем по облигациям, и те инвесторы, которые стремятся избежать рисков, покупают облигации, хотя их доходность в долгосрочной перспективе

заметно ниже. Инвесторы не желают заглядывать вдаль и делать долгосрочную оценку акций, их более интересуют краткие сроки и минимальные риски [Benartzi, Thaler, 1995].

В. Де Бондт и Р. Талер указали на важный феномен чрезмерной реакции (*overreaction*) – люди слишком сильно реагируют на неожиданные и драматические новости, что делает их менее чувствительными к потрясениям прошлого [De Bondt, Thaler, 1985]. В свою очередь Х. Хонг, Дж. Стайн ввели понятие недостаточной реакции (*underreaction*) [Hong, Stein, 1999]. Под ним понимается то, как позитивные новости (например, годовой отчёт о доходах) влияют на цены. Как правило, это происходит очень медленно (в течение 1–12 месяцев). Пока влияние позитивных новостей не примет максимальное значение, рынок будет отражать недостаточную реакцию.

Г. Хьюберман и Т. Регев описывают эффект толпы (*herding effect*) на фондовом рынке на примере акций компании *Entremed*. Случайная публикация, не имеющая в своей основе новой информации, способна создать необычайный рост стоимости акций компании, а этот рост, в свою очередь, может спровоцировать рост акций тех компаний, которые не имеют отношения к опубликованным новостям [Huberman, Reggev, 2001].

В 1999 г. Ричард Талер выразил мысль, что в ближайшем будущем термин «поведенческие финансы» станет избыточным, потому что поведенческая теория настолько сильно изменит финансовую науку, что других финансов, помимо поведенческих, просто не будет [Thaler, 1999].

Нейроэкономика

Одной из крупнейших областей применения поведенческой парадигмы стала сфера исследований на стыке экономики и нейрофизиологии принятия решений – нейроэкономика. Нейроэкономические исследования опровергают постулаты неоклассической теории выявленных предпочтений. Очень многим людям свойственно сначала аффективно принимать решение, а потом уже подгонять его под какую-либо логику. Доказано, что значительное влияние на принятие решений оказывают нейромодуляторы (допамин, серотонин, норадреналин и пр.), искажая предпочтения риска, времени, а также просоциальные приоритеты [Crockett, Fehr, 2014].

Гормоны тоже воздействуют на экономическое поведение. Эксперименты показывают, что уровень окситоцина влияет на межличностное доверие при инвестировании, причём окситоцин увеличивает доверие именно при социальных взаимодействиях, а не просто усиливает стремление преодолевать риск [Kosfeld et al., 2005]. Есть данные о том, что мужчины-трейдеры с более высоким уровнем тестостерона приносят более высокую прибыль. Объясняется это тем, что успешно проведённая сделка подталкивает к более лёгкому принятию риска в новой сделке (так называемый «эффект победителя»), что является следствием повышения уровня тестостерона после достижения успеха [Coates, Herbert, 2008].

Дж. Лёвенштейн ввёл понятие висцеральных факторов экономического поведения, среди которых такие физиологические состояния, как голод, жажда, сексуальное влечение, боль, тяга к наркотику, от которого есть зависимость. Эти состояния сильно влияют на эмоциональный фон человека, а значит, и на принятие им экономических решений [Loewenstein, 1996]. Не менее важный фактор влияния на экономическое поведение – эмоции (гнев, ненависть, сожаление, разочарование, страх, наслаждение, влюблённость и пр.) [Elster, 1998].

Экспериментально доказано, что люди склонны подгонять логику под уже сформировавшееся решение. Так, врачи уверены, что подарки, которые они получают от фармацевтических компаний, не влияют на выбор того, какое лекарство назначить пациенту. Однако исследование утверждает, что это влияние происходит [Dana, Loewenstein, 2003].

Поведенческая экономическая политика

Другое бурно развивающееся направление – поведенческая экономическая политика. Поведенческая экономика дала макроэкономистам важную предпосылку: люди ведут себя нерационально, могут действовать в ущерб собственной долгосрочной выгоде, и их массовое поведение может способствовать возникновению экономических кризисов.

Это стало толчком к развитию *поведенческого патернализма*. Под патернализмом подразумевается вмешательство государства в экономические и социальные процессы в интересах всего общества или отдельных уязвимых групп. В качестве

примеров можно назвать введение обязательного пенсионного и социального страхования, ограничение продаж алкогольных напитков и табачных изделий, высокие акцизы на них и т.д. Наиболее ярко государство борется с потреблением наркотиков, азартными играми и проституцией. Во многих странах также существуют запреты аборт, продаж некоторых книг и пр.

Ключевые методы традиционной патерналистской политики – запрет и штраф, а ее важнейшая проблема – невозможность избавиться от нежелательного явления полностью. В ответ на запреты возникают чёрные рынки, организованная преступность.

Решения поведенческих экономистов позволяют преодолевать такие негативные проявления, как ограниченная рациональность, медленная обучаемость, фрейминг (искажение восприятия под влиянием подачи информации), недостаток самоконтроля. Основной метод поведенческой патерналистской политики – это так называемое подталкивание. В отличие от традиционного патернализма поведенческий не вводит жёсткие запреты, а некоторым образом направляет к рациональному поведению, вмешиваясь в сам процесс принятия решения. Примером «мягкого» патернализма может быть опция выбора «по умолчанию».

Есть несколько концепций поведенческого патернализма, незначительно различающихся между собой.

Признанные авторитеты в сфере поведенческой экономики, К. Камерер и С. Иссачарофф [Camerer, Issacharoff, 2003], предложили концепцию «асимметричного патернализма». Регулирование тогда становится асимметрично патерналистским, когда создаёт преимущества для тех, кто совершает ошибки и в то же время не приносит вреда тем, кто полностью рационален и действует в собственных интересах. Нередко такой подход позиционируется как наиболее аккуратный, осторожный вариант патернализма.

Гарвардские исследователи Д. Бенджамин и Д. Лэйбсон [Benjamin, Laibson, 2003] предложили концепцию «добротного патернализма», который поощряет желаемое поведение, но не исключает возможность потребителей поступать по-своему. Эта политика работает путём установления нежестких барьеров для контрпродуктивного выбора. В качестве примера такого подхода они приводят регулирование азартных игр: жесткий патернализм в этой сфере не работает, так как люди

начинают играть нелегально, что снижает правовую культуру в обществе и питает организованную преступность. Полностью либертарианский отказ от какой-либо регуляции также вреден, так как зависимые от игр люди не могут себя контролировать. «Добрый патернализм» должен найти промежуточную стадию между полными либерализацией и криминализацией. Бенджамин и Лэйбсон предлагают в качестве решения предложить каждому игроку заранее (например, за неделю до игры) самостоятельно определить некий лимит затрат, при достижении которого он не сможет больше играть. Списание средств могло бы происходить со специального банковского счёта, заданный лимит трат по которому не может быть превышен в процессе игры. Это поможет игрокам самим себя ограничивать.

В целом, большинство апологетов поведенческой патерналистской политики строго следуют предпосылке асимметричного патернализма о том, что государственные интервенции должны оказывать сильный эффект на иррациональных агентов и слабый – на рациональных. В их понимании государственное вмешательство должно обязательно сочетаться со свободой выбора.

Дж. Лёвенштейн и Э. Хейсли [Loewenstein, Haisley, 2006] предложили концепцию для политики «лёгкого патернализма», расширяющую индивидуальный выбор. Они называют поведенческих экономистов своеобразными «терапевтами», рекомендации которых оказывают благоприятное воздействие на экономических агентов, не затрагивая их индивидуальную автономность.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет «либертарианский патернализм» Р. Талера и К. Санстейна [Thaler, Sunstein, 2003], которые существенно популяризировали поведенческую экономическую политику благодаря своему труду «Nudge. Архитектура выбора». Понятие nudge – это то самое подталкивание менее рациональных экономических агентов теми, кто более рационален. Во многом благодаря авторству теории подталкивания Ричард Талер получил в 2017 г. Нобелевскую премию по экономике.

Ключевое понятие патернализма Талера и Санстейна – «архитектура выбора». Оно предполагает формирование такой ситуации, в которой наиболее полезный для экономического агента вариант идёт «по умолчанию» – по пути наименьшего сопротивления. Например, при установке программного

обеспечения стандартные для обычного пользователя настройки уже отмечены галочками; банкоматы, чтобы люди не забывали в них свои карточки после снятия наличных (так называемая «ошибка завершения»), сначала выдают карточки, и только после этого – сами деньги.

Во многих странах в настоящее время созданы экспертные центры поведенческой экономической политики, использующие те или иные концепции поведенческого патернализма для решения широкого спектра социально-экономических проблем.

Группы поведенческого регулирования могут быть организованы в рамках централизованной или децентрализованной модели. В первом случае подразделение входит в структуру госорганов или является обособленным государственным учреждением (это характерно для стран, которые первыми стали применять методы поведенческой экономики в госуправлении – США, Великобритания, Австралия и некоторые другие). Во втором случае подразделение либо не входит в структуру госорганов и представляет собой некоммерческую организацию, либо единое подразделение отсутствует, а в каждом госоргане созданы свои отделы, департаменты и т.п., реализующие политику патернализма (такой подход характерен для европейских стран, самая сильная группа находится в Дании).

Одной из наиболее крупных групп первого типа является британская Behavioural Insights Team, образованная в 2010 г. Группа работает с правительством, местными властями, частным бизнесом и благотворительными фондами. Ее работа охватывает широкий спектр направлений: от здравоохранения и гуманитарной помощи, до образования, социального капитала, работы с потребителями и экономического роста.

Количество организаций, применяющих поведенческие инсайты, постоянно растёт во всем мире, как и число сфер и областей применения методов поведенческой экономики. По состоянию на 2017 г. ОЭСР выделяет 10 ключевых на основе конкретных кейсов².

1. Защита потребителей – более понятные счета за услуги, повышение прозрачности информации о займах, о ценообразовании

² Behavioural Insights and Public Policy Lessons from Around the World – Paris: OECD Publishing, 2017.

на энергию, защита от недобросовестной рекламы, информирование об уменьшении производителями стандартных упаковок и т.д.

2. Образование – популяризация программ послешкольного дополнительного образования, увеличение грамотности взрослых и пр.

3. Потребление энергии – оптимизация потребления конечными потребителями, популяризация ВИЭ, повышение эффективности использования.

4. Окружающая среда – сокращение потребления воды, изменение социальных норм в части потребления природных ресурсов, популяризация ремонта вместо приобретения новых вещей, сокращение объемов продовольственных отходов путём дополнительного информирования о сроках годности и пр.

5. Финансовые продукты – разъяснение рисков инвестирования в сложные финансовые продукты, упрощение информации о финансовых продуктах и услугах, обучение инвестированию, снижение нагрузки на краудфандинг-проекты, повышение доверия к благотворительным фондам, препятствование закредитованности слоёв населения с низким доходом, подталкивание к более осознанному пенсионному планированию, препятствование завышенной оценке рисков при страховании, помощь в подборе наиболее выгодных сберегательных счетов и т.д.

6. Здоровье и безопасность – подталкивание к участию в программах донорства органов, борьба с курением, ожирением, потреблением фастфуда и газированных напитков, снижение вероятности стать пассивным курильщиком, повышение продаж овощей, упрощение информации о рисках заражения ВИЧ, популяризация спорта среди офисных работников и т.п.

7. Рынок труда – сокращение зависимости от пособий по безработице, более эффективное совмещение работодателей и претендентов на рабочие места, обучение менторов для среднего и малого бизнеса, популяризация участия в программах поддержки бизнеса и пр.

8. Общественные службы – обновление лицензий на автомобили онлайн, упрощение регистрации предпринимателей, стимулирование предпринимателей отвечать на письма от государственных структур, создание служб «одного окна», повышение доверия к госорганам и др.

9. Налоги – подталкивание к своевременной сдаче налоговых деклараций и уплате налогов.

10. Телекоммуникации – упрощение контрактов, повышение доступности информации о тарифах, подталкивание к своевременной оплате счетов, внедрение автоматически продляемых контрактов на услуги и пр.

Этот далеко не полный ряд даёт некоторое представление о том, насколько глубоко проникли идеи и концепции поведенческой экономики в самые разные экономические и социальные сферы. Такая экспансия дает нам основание охарактеризовать третью фазу развития поведенческой экономики как стадию поведенческого империализма. Она началась в середине 2000-х и продолжается по сей день.

Заключение

Мы рассмотрели существующие подходы к периодизации поведенческой экономики и, используя методологию научно-исследовательских программ, предложили собственную периодизацию, включающую современный период. По нашему мнению, развитие поведенческой экономики можно разделить на три ярко выраженные стадии: 1) формирование жесткого ядра, 2) создание защитного пояса, 3) империализм. Неоклассическая экономика прошла эти же стадии развития, и в статье приведено сопоставление этих научно-исследовательских программ. Большую значимость поведенческой экономики для современной экономической науки подчёркивает библиометрический анализ наиболее цитируемых статей, относящихся к этой отрасли знания.

Предложенная нами классификация устанавливает методологические связи внутри научного знания и открывает новые горизонты будущим исследователям. На наш взгляд, поведенческая научно-исследовательская программа ещё не достигла пика своего развития, а значит, несёт в себе значительные перспективы новых открытий.

Литература/ References

Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность.* 2008. № 3. С. 134–141.

Guriev, S.M. (2008). Three Sources and Three Components of Economic Imperialism. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. Pp. 134–141. (In Russ.).

Управителей А. А. Ежегодная конференция Общества по развитию поведенческой экономики (SABE) // Журнал НЭА. 2020. № 4 (48). С. 229–231.

Upravitelev, A. (2020). Society for the Advancement of Behavioral Economics (SABE) Annual Conference. *The Journal of the New Economic Association*. No. 4 (48). Pp. 299–231. (In Russ.).

Allais, M. (1953). Le comportement de l'homme rationnel devant le risque: critique des postulats et axiomes de l'école Américaine. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. Pp. 503–546.

Angner, E. (2019). We're all behavioral economists now. *Journal of Economic Methodology*. No. 26, 3. Pp. 195–207.

Angner, E., Loewenshtein, G. (2006). Behavioral Economics. In Elsevier's Handbook of the Philosophy of Science. North Holland: Elsevier.

Barberis, N. (2018), Richard Thaler and the Rise of Behavioral Economics. *Scand. J. of Economics*. No. 120. Pp. 661–684.

Barberis, N., Shleifer, A., Vishny, R. (1998). A model of investor sentiment. *Journal of Financial Economics*. No. 49, 3. Pp. 307–343.

Benartzi, S., & Thaler, R. H. (1995). Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 110,1. Pp. 73–92.

Benjamin, D., Laibson, D. (2003). *Good policies for bad governments: behavioral political economy*. Boston Fed Conference on Behavioral Economics Proceedings, 48(Jun).

Blaug, M. (1998). *Economic Theory in Retrospect*. New York: Cambridge University Press.

Bolton, G.E., Ockenfels, A. (2000). ERC: A Theory of Equity, Reciprocity, and Competition. *The American Economic Review*. No. 90, 1. Pp. 166–193.

Camerer, C., Issacharoff, S. et al. (2003). Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for 'Asymmetric Paternalism'. *University of Pennsylvania Law Review*. (151). Pp. 1211–1254.

Coates, J.M., Herbert, J. (2008). Endogenous Steroids and Financial Risk Taking on a London Trading Floor. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. No. 105, 16. Pp. 6167–6172.

Crockett, M.J., Fehr, E. (2014). Pharmacology of economic and social decision making. In: *Neuroeconomics*. Vol 2. P.W. Glimcher and E. Fehr (eds.). London: Elsevier Inc. Pp. 257–279.

Dana, J., Lowenstein, G. (2003). A psychological perspective on the influence of gifts to physicians from industry. *Journal of the American Medical Association*. No. 290, 2. Pp. 252–255.

De Bondt, W., Thaler, R. (1985). Does the Stock Market Overreact? *The Journal of Finance*. No. 40, 3. Pp. 793–805.

Ekelund, R.B., & Hébert, R.F. (2002). Retrospectives: The Origins of Neoclassical Microeconomics. *The Journal of Economic Perspectives*. No. 16(3). Pp. 197–215.

Elster, Jon, (1998). Emotions and Economic Theory. *Journal of Economic Literature*. No. 36, issue 1. Pp. 47–74.

- Falk, A., Fischbacher, U. (2006). A theory of reciprocity. *Games and Economic Behavior*. No. 54, 2. Pp. 293–315.
- Fehr, E., Gächter, S. (2000). Cooperation and punishment in public goods experiments, *The American Economic Review*. No. 90(4). Pp. 980–994.
- Fehr, E., Gächter, S. (2000). Fairness and Retaliation: The economics of reciprocity. *Journal of Economic Perspectives*. No.14, 3. Pp. 159–181.
- Fehr, E., Schmidt, K. (1999). A theory of fairness, competition, and cooperation. *Quarterly Journal of Economics*. No. 114, 3. Pp. 817–868.
- Frantz, R. (2020). *The “Big 3.” Simon, Katona, Leibenstein*. The Beginnings of Behavioral Economics, Academic Press. Pp. 25–45.
- Frederick, S., Loewenstein, G., O’Donoghue, T. (2002). Time discounting and time preference: A critical review. *Journal of Economic Literature*. No. 40, 2. Pp. 351–401.
- Geiger, N. (2017). The rise of behavioral economics: a quantitative assessment. *Social Science History*, (3). Pp. 555–583.
- Guriev, S. (2008). The Three Sources and Three Components of Economic Imperialism. *Social Sciences and Contemporary World*. (3). Pp. 134–141.
- Heukelom, F. (2012). The Alfred P. Sloan and Russell Sage Foundations’ Behavioral Economics Program, 1984–1992. *Science in Context*, 25(2). Pp. 263–286.
- Hong, H., Stein, J. (1999). Unified Theory of Underreaction, Momentum Trading and Overreaction in Asset Markets. *Journal of Finance*. No. 54, 6. Pp. 2143–2184.
- Huberman, G., Regev, T. (2001). Contagious Speculation and a Cure for Cancer: a Nonevent that Made Stock Prices Soar. *Journal of Finance*. No. 56, 1. Pp. 387–396.
- Jolls, C., Sunstein, C. R., & Thaler, R. (1998). A Behavioral Approach to Law and Economics. *Stanford Law Review*. No. 50(5). Pp. 1471–1550.
- Kahneman, D., Tverski, A. (1979.) Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. No. 47. Pp. 263–291.
- Katona, G. (1951). *Psychological analysis of economic behavior*. McGraw-Hill.
- Kosfeld, M., Heinrichs, M., Zak, P.J, Fischbacher, U., Fehr, E. (2005). Oxytocin increases trust in humans. *Nature*. No. 435, 7042. Pp. 673–676.
- Kőszegi, B., Rabin, M. (2006). A model of reference-dependent preferences. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 121, 4. Pp. 1133–1165.
- Laibson, D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *Quarterly Journal of Economics*. No. 112, 2. Pp. 443–78.
- Lakatos, I. (1978). *The Methodology of Scientific Research Programmes: Philosophical Papers Vol. 1*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leibenstein, H. (1950). Bandwagon, Snob, and Veblen Effects in the Theory of Consumers’ Demand. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 64(2). Pp. 183–207.
- Loewenstein, G. (1996). Out of control: Visceral influences on behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. No. 65, 3. Pp. 272–292.
- Loewenstein, G. et al. (2001). Risk as feelings Psychological Bulletin 127(2). Pp. 267–286.
- Loewenstein, G., Haisley, E. (2006). *The Economist as Therapist: Methodological Ramifications of ‘Light’ Paternalism*. in Perspectives on the Future of Economics: Positive and Normative Foundations. The Handbook of Economic Methodologies. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press.

Merigo, J.M., Rocafort, A. & Aznar-Alarcón, J. (2016). Bibliometric Overview of Business & Economics Research. *Journal of Business Economics and Management*. No. 17. Pp. 397–413.

Odean, T. (1998). Are Investors Reluctant to Realize Their Losses? *Journal of Finance*. No. 53, 5. Pp. 1775–1798.

Rabin, M. (1993). Incorporating Fairness into Game Theory and Economics. *American Economic Review*. No. 83, 5. Pp. 1281–1302.

Rabin, M., (2002). A Perspective on Psychology and Economics. *European Economic Review*. No. 46(4–5). Pp. 657–685.

Sent, E.-M. (2004). Behavioral Economics: How Psychology Made Its (Limited) Way Back Into Economics. *History of Political Economy*. No. 36(4). Pp. 735–760.

Shefrin, H., Statman M. (1985). The Disposition to Sell Winners Too Early and Ride Losers Too Long: Theory and Evidence. *Journal of Finance*. No. 40, 3. Pp. 777–790.

Simon, H. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69, No. 1. Pp. 99–118.

Sunstein, C., Thaler, R. (2003). Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*. No. 70, 4. Pp. 1159–1202.

Thaler, R. H. (1999). *The End of Behavioral Finance*. *Financial Analysts Journal*. No. 55(6). Pp. 12–17.

Thaler, R., Sunstein, C. (2003). Libertarian Paternalism. *American Economic Review*. No. 93, 2. Pp. 175–179.

Thaler, R.H. (1999). Mental accounting matters. *Journal of Behavioral Decision Making*. No. 12. Pp. 183–206.

Thaler, Richard (1980). Toward a positive theory of consumer choice. *Journal of Economic Behavior & Organization*. No. 1, 1. Pp. 39–60.

Thaler, Richard (1985). Mental Accounting and Consumer Choice. *Marketing Science*. No. 4, issue 3. Pp. 199–214.

Tversky A., Kahneman D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*. No. 185, 4157. Pp. 1124–1131.

Tversky, A., Kahneman, D. (1985). The framing of decisions and the psychology of choice. *Behavioral decision making*. Springer, Boston, MA. Pp. 25–41.

Статья поступила 17.12.2021

Статья принята к публикации 02.02.2022

Для цитирования: Управителей А. А. Поведенческий империализм и три стадии развития поведенческой экономики // ЭКО. 2022. № 6. С. 67–88. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-67-88

For citation: Upravitelev, A.A. (2022). Behavioral Imperialism and the Three Stages of Behavioral Economics. *ECO*. No. 6. Pp. 67–88. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-67-88

Summary

Upravitelev, A., Saint Petersburg University, Saint Petersburg

Behavioral Imperialism and the Three Stages of Behavioral Economics

Abstract. Behavioral economics has developed significantly in recent years. The author offers an original periodization of this direction, based on the methodology of research programs of I. Lakatos. Three stages are distinguished: during the first one the rigid conceptual core of behavioral economics was formed, during the second one (the stage of formation of the protective belt) the key theories of behavioral micro-, macroeconomics and behavioral finance were created. The third stage is characterized by extensive penetration of elements of behavioral economics into the sphere of economic policy and other social disciplines. By analogy with the economic imperialism of the 20th century, which was based on neoclassical theory, it is proposed to call this expansion behavioral imperialism.

Keywords: *behavioral economics; economic methodology; bounded rationality; prospect theory; behavioral paternalism*

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие?

Часть I. Теоретико-методический взгляд¹

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук²

E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. На рубеже тысячелетий стала отчетливо видна смена приоритетов в социально-экономическом развитии территорий – стран и регионов. Цели увеличения объемов производства и наращивания монетарного богатства уступают свое место новым, связанным с сохранением окружающей природной среды, преодолением бедности и социального неравенства, развитием человеческого потенциала и стремлением к инновациям. Изменение парадигмы роста порождает вопрос об адекватности традиционных статистических методов измерения и оценки результатов социально-экономического развития. В статье приводится краткий анализ господствующих идей по их реформированию и предлагается подход, основанный на совместном учете факторов экономического благосостояния, устойчивости, инклюзивности и инновационности. Последние рассматриваются как слагаемые гармоничного социально-экономического развития, результаты которого предлагается оценивать с помощью специально построенного композитного индекса.

Ключевые слова: территория; экономический рост; социально-экономическое развитие; экономическое благосостояние; устойчивость; инклюзивность; инновации; гармоничное развитие; индекс гармоничного развития

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, проводимых в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН по Проекту 5.6.3.2. (0260–2021–0004) «Ресурсные территории Востока России и Арктической зоны: особенности процессов взаимодействия и обеспечения связанности региональных экономик в условиях современных научно-технологических и социальных вызовов».

² При подготовке статьи использованы материалы и результаты выпускных квалификационных работ Алексея Мамона (2020 г.) и Анастасии Сатлаевой (2021 г.), защищенных на экономическом факультете Новосибирского государственного университета под научным руководством автора.

«Экономический рост» vs. «социально-экономическое развитие»

Экономический рост и социально-экономическое развитие – это далеко не синонимичные понятия. В общем смысле экономический рост является основой социального развития и решения социальных задач и проблем, с которыми сталкиваются те или иные страны и регионы. Вполне очевидно, что чем богаче территория (страна или регион), тем больше ее потенциальные возможности в решении социальных задач. Но само по себе богатство – это еще не гарантия надлежащего использования имеющегося потенциала.

Поэтому прежде попробуем уточнить, в чем состоит различие рассматриваемых понятий. В самом непосредственном смысле, в базовых определениях: экономический рост – это увеличение по сравнению с предыдущим периодом величины ВВП (на региональном уровне – ВРП), приходящегося на душу населения [Лавров, Капогузов, 2006]; или же это долгосрочная тенденция увеличения реального ВВП [Матвеева, 2007]. Конечной целью экономического роста, во-первых, является увеличение материального благосостояния населения; а во-вторых, обычно подразумевается, что должно происходить улучшение качественных показателей социально-экономической системы (совершенствование отраслевой структуры экономики, повышение образовательного уровня и показателей здоровья населения, нарастание степени социальной стабильности и зрелости экономических институтов). Это подводит нас к определению экономического развития, неотъемлемой частью которого является экономический рост.

Экономическое развитие ассоциируется с повышением качества и уровня жизни населения, а также рассматривается как долгосрочный процесс, влекущий увеличение подушевого ВВП или национального дохода [Черемисинова, 2017]. Результаты экономического роста могут быть основой для повышения материального благосостояния населения, однако в действительности последнее далеко не всегда увеличивается с ростом экономики (во всяком случае, темпы роста экономики и доходов граждан не обязательно совпадают или близки). Кроме того, с каждым годом все более важными становятся аспекты устойчивости и инклюзивности экономического роста с решением таких задач,

как обеспечение равных возможностей для граждан, улучшение качества жизни и экологической безопасности, расширение эффективной занятости и сокращение бедности [Пахомова, Малышков, 2016].

Нетождественность экономического роста и социально-экономического развития порождает научную проблему измерения (оценки) уровня и динамики последнего. Проблема измерения состоит в том, что сейчас нет общепринятых универсальных индикаторов для комплексной, обобщающей оценки результатов социально-экономического развития, учитывающей различные аспекты этого процесса. Чаще всего в качестве таковых используются показатели системы национальных счетов (СНС) «во главе» с показателем валового продукта (национального, регионального) – суммарного или в расчете на душу населения, в номинальных, сопоставимых или паритетных ценах.

Однако исследователи и практики к показателям ВВП/ВРП в настоящее время предъявляют множество претензий – и не только по части их «социальной индифферентности», но и в силу несоответствия целому ряду новых реалий экономической жизни, сложившихся в последние два-три десятилетия. Во всяком случае, согласно Д. Койл, показатель ВВП был, возможно, хорош для XX столетия – эпохи физического массового производства, – но кажется неадекватным для XXI века с его проблемами измерения устойчивости, инноваций и нематериальных благ [Coyle, 2014]. Нынешнее столетие ассоциируется со сменой приоритетов в экономическом развитии. Новые цели требуют новых показателей для измерения результатов деятельности; в свою очередь, новые критерии могут трансформировать оценку благополучия той или иной страны, того или иного региона [Новиков, Новикова, 2019]. Главное же заключается во взаимосвязанности целей развития и показателей, которые позволяют судить о степени их достижения.

Чем плох показатель валового продукта для оценки социально-экономического развития?

В статье не ставится задача дать развернутую критику показателя ВВП/ВРП, попытаемся лишь резюмировать основные

замечания, родившиеся в ходе дискуссий по вопросу измерения экономического роста и результатов экономического развития.

Критике индикаторов валового продукта, причем весьма обоснованной, посвящено уже большое число работ. Своего рода вершиной этой критической волны можно назвать исследование группы экспертов во главе с нобелевским лауреатом Джозефом Стиглицем в конце 2000-х гг. Комиссия по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (комиссия Стиглица – Сена – Фитусси) была создана в 2008 г. по инициативе тогдашнего президента Франции Николя Саркози специально с целью разработки критериев оценки социально-экономического процесса, не опираясь на ВВП. По результатам ее работы был подготовлен доклад, впоследствии опубликованный в виде монографии *Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up* [Stiglitz et al., 2010] и переведенный в том числе на русский язык³.

Каковы же главные претензии к валовым показателям? Измерение экономического роста на их основе не позволяет выйти за рамки монетарной оценки производимых товаров и услуг. И хотя, в принципе, валовые стоимостные индикаторы дают возможность соизмерять разнородные вещи в стоимостной форме, а затем анализировать производство и потребление в обществе, далеко не все аспекты создания и выбытия стоимости находят в них адекватное отражение. Более серьезные и труднопреодолимые недостатки валового измерителя связаны с недоучетом стоимости, создаваемой в финансовом секторе и, тем более, в современной инновационно-цифровой экономике; с пробелами учета экономики совместного использования, нематериальных инвестиций, качественных изменений в экономике [Bean, 2016]. Таким образом, как отмечают критики показателя ВВП, данный индикатор систематически недооценивает рост, поскольку не может полностью учесть расширение номенклатуры товаров и услуг, производимых в экономике [Coyle, 2015].

В том, что касается социальных эффектов, главная проблема использования валовых статистических показателей заключается в невозможности должным образом учесть процессы, вызывающие экономическое неравенство (неравномерное распределение

³ Стиглиц Д., Сена А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

создаваемого дохода в обществе, бедность, ограничения на участие в экономической деятельности для тех или иных групп и слоев населения и проч.) [Coyle, 2014; Stiglitz et al., 2009].

Образно говоря, в картине мира, рисуемой с помощью красок валовых показателей, слишком слабо выражены тона социальности, экологичности и инновационности, т.е. критически важных аспектов современного социально-экономического развития.

Экологические факторы неразрывно связаны с требованиями и задачами обеспечения устойчивого социально-экономического развития, возможности поддержания достигнутого уровня благосостояния в отдаленном будущем. В аспекте социальности наиболее значимо неравенство в обществе – не только в распределении доходов и собственности (при этом не выполняется требование справедливости), но и в возможностях участия в экономической жизни, доступа ко всему многообразию социальных благ и т.п., что интерпретируется в терминах инклюзивности. Инновационность выражается, с одной стороны, в динамике создания разнообразных инноваций (прежде всего технологических), а с другой – в масштабах их применения и скорости замещения традиционных технологических укладов либо создания принципиально новых.

Факторы инклюзивности, инновационности и устойчивости в социально-экономическом развитии тесно связаны с аспектами, относящимися к накоплению человеческого капитала. Но если с экологией связаны в первую очередь условия (благоприятные или неблагоприятные через влияние на здоровье людей) для накопления человеческого капитала, то инклюзивность и инновационность оказывают непосредственное воздействие на сам процесс накопления. Налицо и значимая положительная обратная связь между накоплением человеческого капитала и рассматриваемыми аспектами экономического развития.

Идеи модернизации и замещения валовых показателей связаны с попытками учета (тем или иным способом) перечисленных факторов. Следует отметить, что исследование комиссии Стиглица – Сена – Фитусси имеет ярко выраженный конструктивный характер: наряду с критикой валовых индикаторов экономического роста авторы представили и обсудили множество альтернативных подходов и методик. При этом показано, что реформирование системы экономических измерений, вероятнее всего, должно

пойти по пути построения панелей индикаторов либо составных (комплексных) индикаторов, а не выбора какого-то индивидуального статистического показателя, способного заменить собой показатель ВВП. Но авторы видят и возникающие при этом проблемы. В случае панелей и составных индикаторов общая проблема – это указание на причинные связи их элементов с тем, что является результатом измерения, например устойчивостью. Недостатки панелей связаны с их гетерогенностью, а зачастую – эклектичностью. Кроме того, естественно возникает проблема их сведения к некоторому агрегатному показателю, позволяющему проводить зримые, понятные сравнения (по аналогии с использованием показателя ВВП) между странами и территориями, как в статике, так и в динамике. Для комплексных же индикаторов нередко представляет проблему произвольность процедур взвешивания составляющих компонент [Stiglitz et al., 2009].

Каковы реальные альтернативы?

К настоящему времени разработано немало подходов к измерению результатов социально-экономического развития стран и территорий, которые выдвигаются в качестве альтернативы валовых показателей. Известные подходы, как правило, предполагают построение комплексных индикаторов или панелей индикаторов с выведением агрегированного результирующего показателя. В их числе отметим оценку «зеленого» ВРП, построение индекса развития человеческого потенциала, эколого-экономический индекс регионов, индекс инклюзивного развития. Но все они подвергаются критике, поскольку в той или иной степени не справляются с поставленными задачами. Развернутые характеристики многих из них приведены в работах [Россия в зеркале, 2019; Павлова и др., 2018; Балашова, Нахатакян, 2017].

На практике построение альтернатив в основном происходит двумя путями.

Первый – формирование нового индикатора путем коррекции одного из базовых показателей СНС (стоимости внутреннего или национального продукта, конечного потребления) с вычитанием нежелательных, «достойных сожаления» составляющих (расходов на оборону, стоимостной оценки загрязнения окружающей среды и проч.), но с добавлением неучтенных компонент

(стоимостной оценки свободного времени граждан и результатов нерыночной деятельности, теневой экономики и т.д.). В качестве примеров можно привести следующие.

Оценка *«Меры экономического благосостояния» (Measure of Economic Welfare / MEW)*, предложенная Нордхаусом и Тобином еще в начале 1970-х годов [Nordhaus, Tobin, 1972] и в дальнейшем преобразованная в индикатор «Чистого экономического благосостояния» (Net Economic Welfare / NEW) – о чем упоминается в классическом учебнике «Экономика» Пола Самуэльсона [Самуэльсон, Нордхаус, 1997].

Индекс *«Устойчивого экономического благосостояния» (Index of Sustainable Economic Welfare / ISEW)*, корректирующий величину личного потребления с учетом ряда социально-экономических параметров, включая (со знаком минус) затраты, возникающие вследствие ухудшения состояния окружающей среды, и амортизацию природного капитала [Daly, Cobb, 1989].

Индикатор *«Подлинного прогресса» (Genuine Progress Indicator / GPI)*, представляющий собой некоторое усовершенствование ISEW [Kubiszewski, 2019], оценки которого в конце 1990-х – начале 2000-х годов были сделаны для большого числа стран мира и ряда регионов США, Канады, Италии, Австралии, Китая.

Индикатор *«Скорректированных (истинных) чистых сбережений» (Adjusted Net Savings / ANS)* – относительный показатель, который строится на основе коррекции величины валовых накоплений (за вычетом потребления основного капитала, истощения природных ресурсов, ущерба от загрязнения окружающей среды; с прибавлением затрат на развитие человеческого капитала) и рассчитывается в процентном отношении к величине валового национального дохода [Bolt et al., 2002]. Показатель систематически калькулируется для большинства стран мира и присутствует, например, в статистической базе Всемирного банка⁴. На основе методологии ANS Российским представителем Всемирного фонда дикой природы рассчитывался «Эколого-экономический индекс регионов РФ», являющийся

⁴ См.: World Bank Open Data – Adjusted net savings, including particulate emission damage (% of GNI). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.ADJ.SVNG.GN.ZS> (дата обращения: 15.02.2022).

адаптированной версии скорректированных чистых сбережений для регионального уровня [Бобылев и др., 2012].

Показатели «зеленого» (*устойчивого, экологически скорректированного*) **ВВП** или **ВНП** подправляют соответствующие базовые показатели СНС на величину стоимостных оценок выбытия природных ресурсов, деградации окружающей среды и расходов на ее охрану [Wu, Wu, 2010]. Оценки базируются на методологии, рекомендованной Статистическим отделом ООН в рамках системы эколого-экономического учета⁵. К настоящему времени опубликовано большое число исследований с результатами оценок и сравнением базовых и экологически скорректированных показателей на национальном (к примеру для развитых и развивающихся стран [Stijepanovic et al., 2019]) и региональном уровнях (для российских регионов, например [Рюмина, Аникина, 2009]).

Второй путь связан с построением композитных индексов на базе панелей индикаторов, отражающих различные аспекты экономического и социального развития, инновационной деятельности, воздействия на окружающую среду и природоохранной деятельности. При составлении таких индексов используются разнообразные источники исходных данных: статистическая информация, экспертные оценки, результаты опросов общественного мнения и проч. Итоговые агрегаты выводятся путем взвешивания частных компонент или субиндексов (по установленным разработчиками правилам) с последующим построением рейтингов и рэнкингов.

Среди известных и весьма многочисленных примеров прежде всего следует назвать «*Индекс глобальной конкурентоспособности*» (*Global Competitiveness Index / GCI*), представляемый Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) в регулярных отчетах, начиная с 2004 г. И хотя в исследовании ВЭФ проводится рейтингование стран мира по уровню конкурентоспособности национальных экономик, название индекса не должно вводить в заблуждение. В сущности, он дает межстрановое сравнение по уровню экономического развития с учетом многих факторов

⁵ System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Central Framework. (2014). New York: United Nations, 346+xxix p. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/EconStatKB/KnowledgebaseArticle10385.aspx> (accessed 15.02.2022).

(социальных, экологических, инновационных), которые не охватываются показателями СНС⁶.

«Индекс инклюзивного развития» (Inclusive Development Index / IDI) предстает как интегральный показатель оценивания количественных и качественных аспектов экономического роста. Он опирается на три группы переменных, отражающих экономический рост, инклюзивность (включая показатели неравенства по доходам и собственности, уровня бедности и медианного дохода) и устойчивость развития. Глобальная оценка индекса также является «продуктом» ВЭФ⁷. Опубликованы и оценки индекса для регионов России, выполненные в РАНХиГС [Барина, Земцов, 2019] и ИЭОПП СО РАН [Севастьянова и др., 2017].

«Индекс социального прогресса» (The Social Progress Index / SPI) дает рейтинговую оценку того, в какой мере обеспечиваются важнейшие социальные и экологические потребности граждан, охватывая три группы признаков («Основные потребности человека» / Basic human needs; «Основы благополучия» / Foundations of wellbeing; «Возможности» / Opportunity). Разработчики индекса делают особый акцент на том, что не используют (в отличие от других) традиционные экономические показатели (ВВП и проч.), ориентируясь на социальные индикаторы⁸.

«Индекс человеческого развития» (Human Development Index / HDI) – агрегированный композитный индекс, который измеряет ключевые аспекты человеческого развития, объединяемые в три группы (продолжительность жизни и состояние здоровья; доступ к образованию; уровень жизни, измеряемый с помощью показателя ВНД по паритету покупательной способности на душу населения). Международные оценки выполняются в рамках Программы развития ООН⁹. В России на региональном уровне индекс рассчитывается с 1998 г. с публикацией результатов

⁶ The Global Competitiveness Report 2019. (2019). Geneva: World Economic, 648 p. Available at: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2019> (accessed 15.02.2022).

⁷ The Inclusive Development Index 2018. (2018). Geneva: World Economic, 26 p. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018> (accessed 15.02.2022).

⁸ Social Progress Index – 2021. (2021). Washington, DC: Social Progress Imperative, Available at: <https://www.socialprogress.org/index/global> (accessed 15.02.2022).

⁹ Human Development (2020). Report 2020. The next frontier: Human development and the Anthropocene. New York: United Nations Development Programme, 397 p. Available at: <https://hdr.undp.org/en/2020-report> (accessed 15.02.2022).

в Докладах о человеческом развитии в Российской Федерации, издаваемых Аналитическим центром при Правительстве РФ¹⁰.

«Индекс лучшей жизни» (*Better Life Index / BLI*) рассчитывается на базе информационной панели, которая предоставляет данные о ключевых показателях, измеряющих такие области, как благополучие, качество окружающей среды, качество государственных услуг и безопасность. «Провайдером» индекса является ОЭСР¹¹.

Можно назвать еще целый ряд индексов, отражающих те или иные качественные аспекты социально-экономического развития, расширяющие рамки традиционного стоимостного учета: устойчивости¹², инновационности¹³, развития информационного общества¹⁴, «простого» человеческого счастья¹⁵ и др.

В целом же реализация современных подходов к улучшению измерителей социально-экономического развития сопряжена с немалыми проблемами и трудностями. Так, реформирование измерителей в составе СНС представляет собой весьма «ресурсоемкую» работу, требующую больших усилий и затрат времени (в особенности в том, что касается перевода национальных статистик на «новые «рельсы»»). При этом качество модернизированных индикаторов подвергается справедливой критике. Например, по мнению Стиглица, фундаментальная проблема «зеленого» ВВП и родственных ему индикаторов MEW, ISEW, GPI заключается в том, что они не характеризуют устойчивость как таковую [Stiglitz et al., 2009]. Неслучайно поэтому Европейская

¹⁰ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М: АЦ при Правительстве РФ, 2018. 172 с. URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/13773> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ How's Life? (2020). 2020: Measuring Well-being. Paris: OECD Publishing, 247 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9870c393-en>

¹² Индекс прогресса по целям устойчивого развития (Sustainable Development Goals Index – URL: <https://www.sdgindex.org>).

¹³ Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index – URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home>) и Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (ВИЭ – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>).

¹⁴ Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index – URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/IDI/default.aspx>).

¹⁵ Happy Planet Index (Wellbeing Economy Alliance – URL: <https://happyplanetindex.org>) и Ranking of Happiness / World Happiness Report (Sustainable Development Solutions Network – URL: <https://worldhappiness.report>). Следует при этом отметить, что названные страновые рейтинги по уровню счастья граждан дают во многом противоположные результаты, что говорит об известной субъективности построения подобных индексов.

комиссия до сих пор отслеживает выполнение стратегических целей устойчивого, инклюзивного и инновационного развития (*smarter, greener, more inclusive*), опираясь на представительный набор основных и вспомогательных статистических показателей в области занятости, исследований и разработок, изменения климата и энергетики, образования и сокращения бедности¹⁶. В свою очередь, в рекомендациях МВФ по развитию статистического учета благосостояния указывается: для того, чтобы статистика стала более «ориентированной на людей», необходимо дальнейшее развитие и заполнение пробелов в СНС относительно данных, касающихся показателей экономического благосостояния, распределения доходов, потребления и богатства, эффектов цифровизации (имея в виду ее воздействие на уровень и темпы роста благосостояния) [Reinsdorf, 2020].

Композитные индексы, являющиеся чаще всего целевыми, по мнению автора, грешат неполнотой и несбалансированностью отражения разнообразных аспектов социально-экономического развития и обычно имеют «уклон» в сторону каких-либо отдельных параметров (устойчивости, инновационности, инклюзивности, человеческого капитала). Но всем им свойствен тройственный субъективизм: (1) исследовательский субъективизм в выборе частных индикаторов, на основе которых составляется итоговый агрегат; (2) субъективность исходных данных, каковыми зачастую являются результаты экспертных и социологических опросов (в том числе среди представителей бизнес-сообществ) – в противовес статистической информации¹⁷; (3) субъективность процедур агрегирования частных показателей – выведения удельных весов (например, по оценкам экспертов) или усреднения тем или иным способом. Отмеченные недостатки известных индексов естественным образом подталкивают к поиску новых решений.

¹⁶ Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy – 2019 edition. (2019). Luxembourg: Eurostat, Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-books/-/ks-04-19-559> (accessed 15.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.2785/379691>

¹⁷ Статистические учетные данные зачастую тоже грешат необъективностью и ошибками, но в целом – по сравнению с экспертными и социологическими опросами – не столь подвержены влиянию «человеческого фактора», который может оказывать серьезные искажающие воздействия. Пример тому – кардинальные различия в результатах построения двух известных глобальных индексов счастья от Wellbeing Economy Alliance и Sustainable Development Solutions Network (см. выше).

Особенности и трудности оценки результатов регионального социально-экономического развития в России

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...»*

Ф.И. Тютчев

На региональном уровне одним из основных индикаторов СНС является показатель ВРП, который используется для анализа социально-экономической ситуации в регионах, например, для мониторинга экономического роста, сопоставления регионов друг с другом и выявления отстающих, а также для построения прогнозов на будущее. Нельзя не видеть, что индикатор ВРП, будучи региональным эквивалентом показателя ВВП, страдает теми же недостатками: оценивает рыночное производство и слабо пригоден в качестве меры экономического благосостояния, поскольку при измерении упускается из виду уровень жизни населения (в различных его аспектах, включая неравенство), состояние окружающей среды, внедрение инноваций и проч.

Вообще расчет показателей СНС на региональном уровне (ВРП, показателей фактического конечного потребления и валового накопления основного капитала и др.) представляет большую сложность, чем на макроуровне. Это связано с проблемами пространственного распределения создаваемой стоимости, ее территориальной привязки, что в свою очередь обуславливается открытостью региональных экономик и деятельностью не только монорегиональных, но и мультирегиональных и национальных институциональных единиц. Как справедливо отмечают некоторые авторы [Михеева, 2020], специфическую проблему представляет учет деятельности резидентных и нерезидентных единиц в ВРП. Из определения ВРП следует, что при его расчете учитываются конечные товары и услуги, произведенные резидентами региона. Но поскольку экономика любого региона является открытой, некоторые экономические операции могут осуществляться нерезидентами рассматриваемого региона на его территории. В связи с этим возникают сложности в распределении операций мультирегиональных компаний между регионами. Проблемы распределения типичны при учете, например, услуг финансовых посредников (банков) или добавленной стоимости внешней торговли.

В ВРП не учитываются некоторые виды операций, которые отражаются в ВВП. Речь идет о государственных «коллективных услугах», имеющих нерыночный характер (например, об услугах обороны и государственного управления). Такие услуги производятся национальными институциональными единицами (центральным правительством, некоторые – государственными или федеральными корпорациями), непосредственная деятельность которых локализуется в тех или иных регионах, а результаты распространяются на всю страну. Стоимостную оценку этих результатов довольно сложно распределить между регионами России. Как следствие, суммарный ВРП по субъектам РФ меньше величины ВВП страны.

Свои трудности имеет и оценка теневой экономики. Включение ее в расчет ВРП, а также оценка масштабов в принципе являются непростыми задачами для национальных статистических служб. Так, Росстат включает оценки валовой добавленной стоимости ненаблюдаемой экономики в рассчитываемый ВРП начиная с 1997 г., однако величины этих досчетов не раскрываются [Зайцева, 2012]. Из-за неполноты публикуемых данных, пробелов в ведении региональной экономической статистики затруднена коррекция недостатков показателя валового дохода по методикам, применяемым на национальном уровне. В частности, это касается оценок чистых сбережений и выбытия капитала. Вообще в ВРП не отражаются (или слабо отражаются) услуги, которым сложно дать денежную оценку, т.е. неформальная деятельность, осуществляемая вне рынка (например, воспитание детей в семье или производство продукции подсобного хозяйства). Однако эта деятельность вносит свой вклад в индивидуальное благосостояние людей и требует своей оценки.

В России, точно так же как и в мировой практике, недостатки измерения в рамках СНС отчасти компенсируются путем построения модифицированных показателей и композитных индексов. Российские индексные рейтинги и рэнкинги, позволяющие в той или иной степени оценивать результаты социально-экономического развития регионов страны, не столь многочисленны в сравнении с международными. Но будучи аналогами мировых индексов, имеют практически те же самые недостатки.

Прежде всего следует указать на неполноту (ограниченность числа) факторов, принимаемых во внимание при проведении

оценок. Наиболее узко представлены факторы, отражающие инновационные процессы, происходящие в экономике. В свою очередь, в рейтингах и индексах инновационного развития регионов практически не учитываются социальные и экологические параметры, что хорошо видно на примере одного из самых представительных исследований, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний ВШЭ¹⁸. Другой существенный недостаток выражается в далеко не полной временной систематичности исследований и получаемых в результате оценок. Например, эколого-экономический индекс регионов [Бобылев и др., 2012] рассчитан только для периода 2000–2008 гг. Известные оценки инклюзивности развития регионов России охватывают периоды 1998–2015 [Баринаова, Земцов, 2019] и 2008–2014 гг. [Севастьянова и др., 2017]. Построение подобных индексов наталкивается на информационные трудности, связанные с неполнотой доступной региональной статистики (прежде всего по показателям, необходимым для оценки чистых накоплений).

Недостатки отдельных подходов могут быть связаны с методическим несовершенством выбора и оценивания измерителей. В качестве примера можно привести Эколого-экономический индекс регионов России [Бобылев и др., 2012], равно как и некоторые другие оценки, основанные на расчете истинных сбережений [Сырцова и др., 2016]. Вследствие завышения стоимости истощения запасов полезных ископаемых, выстраиваемые рейтинги устойчивости в экономическом отношении фактически превращаются в рейтинги «антиразвития»: лидерами становятся депрессивные регионы со слабо развитой промышленностью (Республики Алтай и Тыва, Ингушетия, Еврейская АО), а аутсайдерами – такие экономически сильные и сравнительно быстро развивающиеся регионы, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Сахалинская область. По мнению автора, неправомерно рассчитывать степень истощения запасов по стоимости добытой продукции в рыночных ценах (как в работе [Бобылев и др., 2012]) или даже по величине прибыли (т.е. разницы между стоимостью и себестоимостью продукции

¹⁸ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (ВШЭ – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir>).

[Сырцова и др., 2016]). Такой расчет следует делать на основе величины стоимости запасов как капитализированной ренты за весь период освоения (прошедшего и предстоящего), ведь именно рента представляет собой тот «неустойчивый» доход, который образуется при инвестировании в ресурсоэксплуатирующие производства по сравнению с альтернативными направлениями вложений. Собственно говоря, авторы методики сами акцентируют внимание на том, что наиболее спорным и сложным в расчетах компонентом истинных сбережений является оценка «истощения запасов природных ресурсов» [Сырцова и др., 2016].

Отмеченные выше обстоятельства в сочетании с общими для валовых измерителей (независимо от уровня – национального или регионального) недостатками, которые связаны с проблемой учета фактора инноваций, качества жизни или, к примеру, экологических внешних эффектов (экстерналий) и истощения природных ресурсов, еще в большей степени актуализируют поиск новых решений в области измерения (оценки) результатов социально-экономического развития российских регионов. Одним из таких направлений может стать формирование региональных индексов гармоничного развития с учетом факторов устойчивости, инклюзивности и инновационности в сочетании с фактором экономического благосостояния.

Индекс гармоничного социально-экономического развития

Наше исследование нацелено на выработку возможного решения следующей проблемы: как, имея набор частных индикаторов, которые характеризуют те или иные аспекты социально-экономического развития, получить агрегированный результирующий показатель, интерпретируемый в соответствии с критерием «гармоничного» социально-экономического развития? То есть мы движемся по известному пути построения композитного индекса, но, в отличие от рассмотренных выше вариантов, стараемся расширить состав учитываемых факторов, не делая крена в сторону какого-либо из аспектов.

В нашем понимании «гармоничное развитие» – это процесс преобразования социально-экономической ситуации в стране или в регионе, не только ведущий к росту благосостояния граждан, но и удовлетворяющий требованиям устойчивости,

инклюзивности и инновационности [Крюков и др., 2017]. В таком случае результирующий комплексный индикатор, помимо факторов экономического роста (благополучия, доходов), должен отражать и названные выше дополнительные факторы. Не претендуя на истинность в конечной инстанции, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об одном из возможных подходов, вероятно, далеко не идеальном, но, по мнению автора, заслуживающем внимания.

Отметим, что сама по себе идея гармоничности, подразумевающая связность различных компонент в социально-экономическом развитии, не нова и не только привлекает к себе внимание исследователей, но и находит практическое применение. Например, в Китае идея движения к «гармоничному миру» на основе традиционных ценностей не только политически декларируется [Бодрова, 2013; Poole, 2014], но и выражается в формировании новых практических целей социально-экономического развития на основе измеримых критериев, «индекса гармоничного развития», который рассчитывается для конкретных административно-территориальных образований¹⁹ [Ну, 2012]. Среди отечественных исследователей также складывается мнение, что в современных условиях в России проблема гармоничного развития региональных социально-экономических систем должна привлечь к себе надлежащее внимание со стороны общества и государства [Муратов, 2012].

Для оценки степени (меры), в которой характер социально-экономического развития различных территорий (стран и регионов) соответствует требованиям или критериям гармоничности в изложенном выше понимании, целесообразно использовать композитный индекс с охватом четырех блоков индикаторов оценивания, а именно: «Экономическое благополучие/Развитие», «Устойчивость», «Инклюзивность», «Инновации». Включение перечисленных блоков индикаторов для оценки индекса гармоничного развития является, в известном смысле, и ответом на критику валовых показателей экономического роста. То есть мы идем по пути нивелирования наиболее критикуемых

¹⁹ Outcome of the First National Index Evaluating both Scientific and Harmonious Development in the Cities. (2010). Release of Index of the Harmonious Development in Cities of China. Shanghai: East China University of Science and Technology. Available at: https://www2.ecust.edu.cn/_t41/2007/1108/c841a14163/page.htm (accessed 15.02.2022).

слабых мест, связанных с недостаточным учетом экологических и инновационных факторов развития, а также фактора неравенства в распределении доходов.

При построении индекса гармоничного развития мы опираемся исключительно на статистические данные, не прибегая к помощи экспертов. Использование статистики позволяет, на наш взгляд, повысить надежность оценок – естественно, в пределах надежности самой статистической информации. Современная статистика дает множество показателей, которые могут быть отнесены к тому или иному из указанных выше блоков. Поэтому на стадии подготовки практических расчетов потребуется решить вопрос о выборе конкретных индикаторов для каждого из них, равно как и об общем числе учитываемых показателей. Априорно можно сказать, что выбор во многом будет зависеть от уровня оценивания – национального или регионального, – что связано с особенностями организации статистического учета и доступностью исходных данных.

Заключение

Вплоть до настоящего времени главным индикатором, отражающим благополучие стран и регионов и характеризующим их экономическое развитие, остается показатель валового продукта (внутреннего или регионального). Однако его использование в качестве меры благосостояния населения и социально-экономического прогресса подвергается серьезной критике в силу многих причин. Поэтому для комплексной оценки результатов социально-экономического развития с учетом широкого круга факторов, определяющих устойчивость, экологическую безопасность и инклюзивность роста, степень его инновационности, показатель валового продукта целесообразно дополнить другими индикаторами, которые активно разрабатываются, начиная с 1990-х годов.

При этом, по мнению автора, было бы преждевременно говорить о необходимости полной замены базовых показателей системы национальных счетов каким-либо альтернативными индикаторами. Достаточно сказать, что указанные индикаторы (или их комплексы, панели) еще не вышли из стадии разработки, в большей степени являются предметом научных исследований, нежели объектом действительного внедрения в практику

статистических наблюдений и экономического анализа. Да и сколько-нибудь радикальное реформирование системы СНС, на которой базируется деятельность статистических институтов едва ли не всех стран мира, неизбежно будет сопряжена с большими затратами ресурсов и времени. Новые методы измерения, по крайней мере, если рассуждать о ближайшем будущем, должны дополнить традиционные, способствовать устранению тех пробелов и недостатков, которые свойственны общепринятым показателям. Сказанное в полной мере относится и к предложенному нами индексу гармоничного развития, расчеты которого направлены на расширение представлений о результатах социально-экономического развития территорий.

Результаты расчетов индекса для национального и регионального уровней планируется опубликовать в ближайших выпусках «ЭКО».

Литература / References

Балашова С. А., Нахатакян Е. О. Систематизация подходов к оценке социально-экономического развития стран по индексу благосостояния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 2. С. 219–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2017-25-2-219-232>

Balashova, S.A., Nakhatakyan, E.O. (2017). Systematization of the approaches assessing socio-economic development of the countries by using welfare index. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 25 (2). Pp. 219–232. (In Russ).

Баринова В. А., Земцов С. П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–46.

Barinova, V.A., Zemtsov, S.P. (2019). Inclusive growth and regional resilience in Russia. *Region: Economics & Sociology*. No. 1 (101). Pp. 23–46. (In Russ).

Бобылев С. Н., Минаков В. С., Соловьева С. В., Третьяков В. В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. М.: WWF России; РИА Новости, 2012. 150 с. URL: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/ekologo-ekonomicheskii-indeks-regionov-rf/> (дата обращения: 15.02.2022).

Bobylev, S.N., Minakov, V.S. Solov'yeva, S.V., Tret'yakov, V.V. (2012). *Ecological and economic index of the regions of the Russian Federation*. Moscow, WWF Russia, RIA Novosti. 150 p. Available at: <https://wwf.ru/resources/publications/booklets/ekologo-ekonomicheskii-indeks-regionov-rf/> (accessed 15.02.2022). (In Russ).

Бодрова О. И. Опыт Китая в построении культуры «гармоничного мира» // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3. С. 139–144.

Boдрova, O.I. (2013). The experience of China in creation of culture of the “harmonious peace”. *Vestnik VSGUTU [ESSUTM Bulletin]*. No. 3. Pp. 139–144. (In Russ.).

Зайцева Ю. С. Валовой региональный продукт: что и как мы измеряем // ЭКО. 2012. № 4. С. 86–103.

Zaytseva, Yu.S. (2012). Gross regional product: what and how we measure. *ECO*. No. 4. Pp. 86–103. (In Russ.).

Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1. С. 93–105.

Kryukov, V.A., Sevastyanova, A.Ye., Tokarev, A.N., Shmat, V.V. (2017). A Modern Approach to the Elaboration and Selection of Strategic Alternatives for Resource Regions. *Economy of Region*. Vol. 13. No. 1. Pp. 93–105.

Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост. Теории и проблемы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 214 с.

Lavrov, E.I., Kapoguzov, E.A. (2006). *The economic growth. Theories and problems*. Omsk, Publishing house of OmSU. 214 p. (In Russ.).

Матвеева Т. Ю. Введение в макроэкономику. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 511 с.

Matveyeva, T. Yu. (2007). *Introduction to Macroeconomics*. Moscow, HSE Ed. House. 511 p. (In Russ.).

Мухеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 32–42.

Mikheyeva, N.N. (2020). Possible Alternatives to the Gross Regional Product Indicator. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 31. No. 1. Pp. 24–30.

Муратов А. С. Проблемы гармоничного развития предприятий и территориальных образований / сб. науч. трудов под общ. ред. А. С. Муратова. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2012. 269 с.

Muratov, A.S. (2012). *Problems of harmonious development of enterprises and territorial entities*. Novokuznetsk. 269 p. (In Russ.).

Новиков А. В., Новикова И. Я. ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста // ЭКО. № 9. 2019. С. 165–187. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-165-187>

Novikov, A.V., Novikova, I. Ya. (2019). GDP as the value of measuring the size of the economy and the country's economic growth. *ECO*. No. 9. Pp. 165–187. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-165-187>

Павлова И. А., Гумеников И. В., Монастырный Е. А., Шарма Д. Что стоит за интегральными индексами благополучия? // Вестник науки Сибири. 2018. № 4 (31). С. 230–254.

Pavlova, I.A., Gumennikov, I.V., Monastyrny, E.A., Sharma, D. (2018). What is behind composite wellbeing indices? *Siberian Journal of Science*. No. 4 (31). Pp. 230–254. (In Russ.).

Пахомова Н. В., Малышков Г. Б. Инклюзивный устойчивый рост и стратегия новой индустриализации: институциональные рамки для согласования // Экономика и управление. 2016. № 1 (123). С. 29–37.

Pakhomova, N.V., Malyshev, G.B. (2016). Inclusive Sustainable Growth and New Industrialization Strategy: Institutional Framework for Harmonization. *Economics and Management*. No. 1 (123). Pp. 29–37. (In Russ.).

Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / Отв. ред. В. И. Сулов, научн. ред. О. В. Валиева, Н. А. Кравченко (ИЭОПП СО РАН). Новосибирск: Параллель, 2019. 171 с.

Russia in the mirror of international ratings. Information and reference issue (2019). Ed. Suslov, V.I., Valieva, O.V., Kravchenko, N.A. Novosibirsk. 171 p. (In Russ.).

Рюмина Е. В., Аникина А. М. Экологически скорректированная оценка экономического развития регионов // Проблемы прогнозирования. 2009. № 2. С. 78–94.

Ryumina, E.V., Anikina, A.M. (2009). Environmentally Adjusted Evaluation of Regional Economic Growth. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 20. No. 2. Pp.169–180. (In Russ.).

Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика / Пер. с англ. М.: «БИНОМ», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. 800 с.

Samuelson, P.A., Nordhaus W.D. (1995). *Economics. 15th ed.* New York. McGraw-Hill. 832 p. (In Russ.).

Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 213–236.

Sevast'yanova, A. E., Tokarev, A.N., Shmat, V.V. (2017). Application Features of Inclusive Development Concept in Resource Regions. *Region: Economics and Sociology*. No. 1. Pp. 213–236. (In Russ.).

Сырцова Е. А., Пыжжев А. И., Зандер Е. В. Истинные сбережения регионов Сибири: новые оценки, старые проблемы // ЭКО. 2016. № 6. С. 109–129.

Syrtsova, E.A., Pyzhev, A.I., Zander, E.V. (2016). Genuine savings for Siberian Regions: new estimates, old problems. *ECO*. No. 6. Pp. 109–129. (In Russ.).

Черемисинова Д. В. Современное развитие дефиниций «экономический рост» и «экономическое развитие» // Economics. 2017. № 3 (24). С. 6–13.

Cheremisinova, D.V. (2017). Modern development of the definitions of “economic growth” and “economic development”. *Economics*. No. 3 (24). Pp. 6–13. (In Russ.).

Bean, C. Independent Review of UK Economic Statistics. London School of Economics, 2016. 259 p. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/independent-review-of-uk-economic-statistics-final-report> (accessed 15.02.2022).

Bolt, K., Clemens, M.A., Matete M. (2010). Manual for calculating adjusted net savings. Washington, D.C.: World Bank Group, 23 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/436351468320071776/Manual-for-calculating-adjusted-net-savings> (accessed 15.02.2022).

Coyle, D. (2014). *GDP: A Brief but Affectionate History*. Princeton University Press, 168 p.

Coyle, D. (2015). Modernising Economic Statistics: Why It Matters // *National Institute Economic Review*. No. 234. Nov. Pp. F4–F7.

Daly, H.E. and Cobb, Jr., J.B. (1989). *For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston: Beacon Press, 482 p.

Hu, Y. (2012). Study of the Construction of the Harmonious Development of the Regional Economic Index System. Proceedings of the 20123rd International Conference on E-Business and E-Government. Vol. 03. Shanghai, China. Pp. 858–861.

Kubiszewski, I. (2019). *The Genuine Progress Indicator: A Measure of Net Economic Welfare*. Encyclopedia of Ecology (Second Edition). Ed. Fath B. Elsevier. Pp. 327–325. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-409548-9.10609-8>

Nordhaus, W.D., Tobin, J. (1972). Is Growth Obsolete? *Economic Research: Retrospect and Prospect*, Vol. 5, Economic Growth. Cambridge, MA: NBER, Pp. 1–80. Available at: <https://www.nber.org/books-and-chapters/economic-research-retrospect-and-prospect-volume-5-economic-growth/growth-obsolete> (accessed 15.02.2022).

Poole, R.E. (2014). China's 'Harmonious World' in the Era of the Rising East. *Inquiries Journal*. Vol. 6. No. 10. Available at: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/932/chinas-harmonious-world-in-the-era-of-the-rising-east> (accessed 15.02.2022).

Reinsdorf, M. (2020). Measuring Economic Welfare: What and How? IMF Policy Paper No. 2020/028. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 49 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2020/05/18/Measuring-Economic-Welfare-What-and-How-49438> (accessed 15.02.2022).

Stiglitz, J., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2010). Mis-measuring our lives. Why GDP doesn't add up. New York: The New Press, 176 p.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Paris, 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (accessed 15.02.2022).

Stjepanović, S., Tomic, D., Skare, M. (2019). Green GDP: an analysis for developing and developed countries. *E+M Ekonomie a Management*. Vol XXII. Is. 4. P. 4–17. DOI: <https://dx.doi.org/10.15240/tul/001/2019-4-001>

Wu, J., Wu, T. (2010). Green GDP // *Berkshire Encyclopedia of Sustainability*. Vol. II. The Business of Sustainability. Great Barrington, MA: Berkshire Publishing Group, Pp. 248–250. DOI: <https://doi.org/10.1093/acref/9780190622664.001.000>

Статья поступила 12.04.2022

Статья принята к публикации 21.04.2022

Для цитирования: Шмат В. В. Экономический рост или гармоничное социально-экономическое развитие? Часть I. Теоретико-методический взгляд // ЭКО. 2022. № 6. С. 89–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

For citation: Shmat, V.V. (2022). Economic Growth or Harmonious Socio-economic Development? Part I. Theoretical and Methodological View. *ECO*. No. 6. Pp. 89–110. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-89-110

Summary

Shmat, V.V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

**Economic Growth or Harmonious Socio-Economic Development?
Part I. Theoretical and Methodological View**

Abstract. At the turn of the millennium, a change in the priorities of socio-economic development of territories, countries and regions has become clearly visible. The goals of increasing production volumes and increasing monetary wealth are giving way to new ones associated with the preservation of the natural environment, overcoming poverty and social inequality, human development and the desire to innovate. The change in the growth paradigm raises the question of the adequacy of traditional statistical approaches to the measurement and evaluation of the results of socio-economic development, has put forward the task of developing and implementing new, more appropriate to modern conditions, indicators and methods of evaluation.

The paper provides a brief analysis of the prevailing ideas to reform the traditional methods of measuring and evaluating the results of socio-economic development of territories and proposes an approach based on the combined consideration of the factors of economic welfare, sustainability, inclusiveness and innovativeness. These factors are considered as the most important characteristics of economic growth and as the components of harmonious socio-economic development, the results of which are proposed to be assessed by means of a specially constructed composite index.

Keywords: *territory; economic growth; socio-economic development; economic welfare; sustainability; inclusiveness; innovation; harmonious development; index of harmonious development*

Ключевые неотложные шаги и меры по преодолению кризисной ситуации в экономике страны¹

Политико-экономические изменения совершенно иначе высветили целый ряд проблем и вопросов современного экономического развития России. Значительная часть и вызовов, и угроз, стоящих перед российской экономикой, является не столько следствием санкционного давления со стороны недружественных стран, сколько результатом накопленных на протяжении последних 35 лет внутренних ограничений развития.

Основные вызовы, стоящие перед экономикой России:

- кардинальное изменение ценовых пропорций на основные товары и услуги в экономике и невозможность сохранения ориентации на внутреннем рынке на ценовые индикаторы, определяемые внешнеэкономической конъюнктурой;
- необходимость смещения основного акцента в структурной политике на меры, определяемые приоритетами отдельных промышленно-финансовых групп и конгломератов, без увязки их в единый стратегический замысел развития экономики;
- низкий уровень востребованности отечественного научно-технического потенциала; общее технологическое отставание базового ядра российской экономики, недостаточный уровень локализации критически важных видов продукции и направлений создания активов;
- нарастание фрагментации экономического пространства страны и, в целом, ослабление связанности экономик ее регионов;
- негативные демографические тенденции, в том числе обусловленные деградацией систем обеспечения жизнедеятельности восточных и северных территорий.

Преодоление отмеченных негативных воздействий на экономическое развитие страны предполагает реализацию комплекса мер не только краткосрочного (оперативного), но и средне-долгосрочного реагирования на структурные (производственно-отраслевые и пространственные) и технологические вызовы развитию российской экономике.

¹ Аналитическая записка подготовлена по итогам IV Всероссийской научно-практической конференции «Анализ и прогнозирование развития экономики России» (совместный форум ИЭОПП СО РАН и ИНП РАН) (24–25 марта 2022 года, г. Белокуриха, Алтайский край).

В сфере уменьшения воздействия на экономику страны внешнеэкономических ограничений

- Активизация работы по формированию систем международных взаиморасчетов, альтернативных существующей. Разработка единой расчетной единицы в торговле со странами ЕАЭС и другими дружественными странами.
- Переход от политики наращивания экспорта к сбалансированности внешней торговли.
- Формирование устойчивых каналов поставки критического импорта из дружественных стран и через дружественные страны.
- Развитие валютного рынка и финансового обеспечения перевода части экспорта с недружественными странами к торговле за рубли, развитие механизмов снижения волатильности курса рубля.
- Системный и реальный разворот внешнеэкономических связей на Восток – расширение сферы использования (действия) совместных проектов и программ взаимного участия в активах проектов различной направленности – от инфраструктурных до создания и производства современной высокотехнологичной продукции.
- В рамках проведения политики импортозамещения – развитие внутреннего рынка ключевых технологий и оборудования, в том числе для освоения и развития территорий восточных районов страны. Реализация проектов промышленной сборки с компаниями дружественных стран на территории Сибири и Дальнего Востока.

В структурной политике

- насыщение ликвидностью и активное использование механизмов многоканальности финансовой системы для создания, обновления и развития основных активов в высокотехнологичных производствах и отраслях. Обеспечение кредитования проектов импортозамещения по ставке не более 5%, для проектов развития производственно-технологической кооперации и развития инфраструктуры – не более 10%.
- Реализация проектов на принципах и условиях обязательного формирования и развития отечественного ресурсного, кадрового и технологического потенциала на всех этапах их осуществления с акцентом на создание производств с высоким уровнем добавленной стоимости и значимыми эффектами на занятость и развитие социальной сферы. Переход от финансово-экономического к социально-экономическому обоснованию эффективности инвестиционных проектов, поддерживаемых государством.
- Формирование комплексных проектов, предполагающих не только последовательно сменяющие друг друга стадии создания добавленной стоимости в процессе переработки ресурсов, но и формирование и развитие в рамках этого процесса научно-технической и кадровой составляющей этих проектов.

- Создание и развитие системы научно-технической экспертизы проектов на всех этапах их осуществления, повышение значимости и качественного уровня такой экспертизы в финансовых и банковских структурах. Увязка системы и комплекса различных мер стимулирования и финансирования проектов с текущим состоянием отечественного научно-технического и кадрового потенциалов и динамикой, и качеством выполнения условий, обеспечивающих развитие (укрепление) этих потенциалов.

- Использование массовых доступных ресурсов для компенсации снизившейся доступности качественных импортных (за счет расширения масштабов социального, инфраструктурного и жилищного строительства, модернизации сектора жилищно-коммунального хозяйства).

- Формирование единой системы мониторинга и прогнозирования научно-технической деятельности в стране на основе информации органов государственной власти науки и бизнеса. Создание федерального органа исполнительной власти, определяющего ключевые направления научно-технологического развития страны.

- Переход к активной инвестиционной политике, связанной с созданием и развитием производственно-технологических комплексов и систем на базе освоения и использования ресурсов уникальных объектов Востока страны (Томторское месторождение редкоземельных металлов, Попигаевская астроблема импактных алмазов; ресурсы литиевых рассолов Восточной Сибири; потенциал гелия месторождений углеводородного сырья и т.д.).

- Обеспечение увязки развития производственно-экономических комплексов и систем с целями, задачами и динамикой развития на макроэкономическом уровне (экономики страны в целом и ее макрорегионов). При этом особое внимание должно быть уделено учету взаимосвязей и сквозных взаимодействий — в первую очередь, в транспортном комплексе и при освоении и использовании природных ресурсов (как лесных, так и минерально-сырьевых).

- Отход от системы ценообразования на продукцию экспортных товаров и услуг на внутреннем рынке на основе принципа экспортного паритета (net-back) и переход к формированию цен на основе учета уровня и динамики ключевых составляющих затрат на выпуск данной продукции внутри страны. Разработка эффективных механизмов налоговой системы и антимонопольной политики, позволяющих эффективно балансировать цены на сырьевую продукцию.

В пространственной политике

- Повышение роли и значимости пространственно-связанных цепочек создания добавленной стоимости как одного из основных инструментов повышения уровня связанности и взаимодополняемости экономик различных

регионов страны. Развитие на основе качественно новой кооперационной системы в производственной сфере среднего и малого бизнеса.

- Разработка и использование в практической деятельности (при определении мер стимулирования и поддержки бизнес-проектов) региональных стандартов качества жизни, учитывающих современные требования к условиям жизнедеятельности населения, в том числе особенности среды проживания, климатические, исторические и культурные традиции конкретного региона (территории).

- При определении направления развития транспортной инфраструктуры требуется обеспечение приоритета развития системы межрегиональной интеграции и кооперации, учитывающей и использующей особенности и преимущества современного социально-экономического потенциала различных субъектов Российской Федерации и возможности его развития в средне- и долгосрочной перспективе.

- Реализация процедур и подходов, направленных на активное участие регионов и муниципалитетов в вопросах освоения и использования их природно-ресурсного потенциала; в том числе возможное создание соответствующих полномочных региональных офисов федеральных органов власти.

- Создание условий для саморазвития и реализации творческого потенциала населения сельских поселений и удаленных населенных пунктов, в том числе использование мер стимулирования поддержки и расширения соответствующих правомочий (налогообложения, земле- и ресурсопользования).

- Обеспечение преимущественной направленности климатической политики на решение проблем повышения качества жизни населения – с точки зрения влияния на условия труда; акцентирование мер климатической повестки на реализацию адаптационных мероприятий, значимость которых для обеспечения устойчивого (в том числе, климатически и экологического) развития регионов страны существенно недооценена.

В целом, пакет антикризисной поддержки, позволяющий существенно снизить негативное воздействие санкционного давления на российскую экономику в 2022 г., оценивается нами в 3–4% ВВП. Эти ресурсы у государства есть. Основные средства должны быть направлены на социальную поддержку, инвестиции, поддержку критического импорта.

Эффективная контрциклическая политика в 2022 г. позволит в последующие годы перейти к последовательному преодолению технологических и финансовых ограничений на основе реализации программ научно-технологического развития. Итоговой целью среднесрочной экономической политики может выступать структурно-технологическая перестройка российской экономики с опорой на внутренний рынок и выход к 2025 г. на устойчивые темпы экономического роста – не менее 3%.

Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки¹

Л.А. БЕЗРУКОВ, доктор географических наук

E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru; ORCID: 0000-0003-3459-8488

А.Н. ФАРТЫШЕВ, кандидат географических наук

E-mail: fartyshev.an@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5392-8633

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

Аннотация. На примере медной промышленности рассмотрена проблема конкурентоспособности монгольских и российских (восточносибирских) минерально-сырьевых товаров на внешних рынках. Дан анализ конъюнктуры мирового рынка меди и места на нем Китая, России и Монголии. Представлена сравнительная характеристика разрабатываемых и подготавливаемых к освоению крупных месторождений меди Монголии (Эрдэнэтийн овоо и Оюу-Толгой) и Восточной Сибири России (Быстринское, Удоканское, Ак-Сугское, Кингашское). Обосновано предположение о возможности обострения соперничества между экспортерами медной продукции Монголии и России за внешние рынки сбыта, прежде всего китайский. Проведена оценка транспортно-географического положения месторождений относительно ближайших китайских промышленных центров и морских экспортных портов, показавшая преимущества месторождений Монголии по сравнению с восточносибирскими. С помощью SWOT-анализа подтверждено, что углубление переработки сырья обеспечивает более благоприятные условия выхода медной продукции Восточной Сибири на внешние рынки, в том числе ослабляет риски конкуренции с Монголией.

Ключевые слова: Монголия; Россия; Китай; медь; экспорт; импорт; внешние рынки; транспортные издержки; конкурентоспособность; транспортно-географическое положение

Реализация восточного вектора развития России требует серьезного научного сопровождения. Без ускоренного подъема Сибири и Дальнего Востока невозможны реальный разворот хозяйственных связей России в восточном направлении и успешная вовлеченность ее в евразийские интеграционные структуры. Одним из важнейших факторов этого подъема выступает активное международное сотрудничество. Отрадно отметить, что

¹ Исследование выполнено за счет государственного задания (№ государственной регистрации: АААА-А21-121012190018-2) и при финансовой поддержке РФФИ и МОНМСМ в рамках проекта № 20-55-44023.

в структуре СО РАН создан Международный центр по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии, нацеленный на выработку государственной политики усиления экономических связей сибирско-дальневосточных регионов с сопредельными странами [Пармон и др., 2020]. Особенно актуален этот вопрос вследствие активизации давления на Россию Запада и введения им жестких антироссийских экономических санкций в связи с событиями 2022 г. на Украине.

Между тем ситуация с Монголией – непосредственным соседом и давним партнером России – говорит о том, что в плане укрепления трансграничного сотрудничества имеются серьезные проблемы. В силу ряда причин с начала 1990-х гг. российско-монгольские отношения существенно ослабли: с 1990 по 2019 гг. доля РФ во внешнеторговом обороте Монголии упала с 78,2% до 12,8%, в том числе в экспорте – до 0,4%, в импорте – до 28,2% [Безруков, Фартышев, 2022]. Сильнее всего сократились связи Монголии с восточными регионами России. Если еще недавно подавляющая часть импортируемых из России товаров поступала туда из Восточной Сибири (нефтепродукты, электроэнергия, другая продукция производственно-технического назначения), то в настоящее время доля всей Сибири в монгольском импорте из РФ снизилась до 26%, и вероятно, будет сокращаться и дальше. Во-первых, в Монголии близится окончание строительства нефтеперерабатывающего завода на базе местного сырья, что позволит полностью закрыть потребность в нефтепродуктах; во-вторых, планируется развитие национальной гидро- и теплоэнергетики, что будет означать сокращение или полное прекращение экспорта российской электроэнергии [Макаров и др., 2019].

Более того, вследствие явной недооценки потенциала Монголии до сих пор ни в российском научном сообществе, ни в экономико-политическом истеблишменте не сложилось представление о том, что она по ряду минерально-сырьевых товаров превращается в сильнейшего конкурента России на внешних рынках, особенно на китайском. Обладая значительной минерально-сырьевой базой (каменный уголь, медь, железная руда, золото, нефть, цинк, свинец, молибден, вольфрам, плавиковый шпат, олово, уран и др.), Монголия добывает и экспортирует в больших масштабах пока в основном каменный уголь и медный

концентрат. Это происходит за счет перехода в активную фазу разработки крупнейших в мире «стратегических» месторождений на юге страны – угольных (Таван-Толгой и Нарийн-Сухайт) и медно-золотоносного (Оюу-Толгой). Все они контролируются зарубежным капиталом – австралийскими, американскими и китайскими компаниями – и ориентированы на поставки в Китай.

Возможности наращивания экспорта угля и меди экспортерами восточных регионов России выглядят не менее внушительно, но нужно учитывать, что вследствие однотипности осваиваемых природных ресурсов и экспортной специализации Монголия и восточные регионы России уже сегодня не столько взаимодополняют друг друга, сколько начинают конкурировать между собой на рынках минерально-сырьевых товаров.

Основная цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на примере медной промышленности уточнить конкурентоспособность монгольских и российских (восточносибирских) минерально-сырьевых товаров на внешних рынках. Для этого мы проанализировали конъюнктуру мирового рынка меди, провели сравнительную характеристику разрабатываемых и подготавливаемых к освоению крупных месторождений меди Монголии и Восточной Сибири, оценку их транспортно-географического положения относительно внешних рынков сбыта, SWOT-анализ факторов выхода медной продукции Восточной Сибири на эти рынки.

Мировой рынок меди и место на нем Китая, России и Монголии

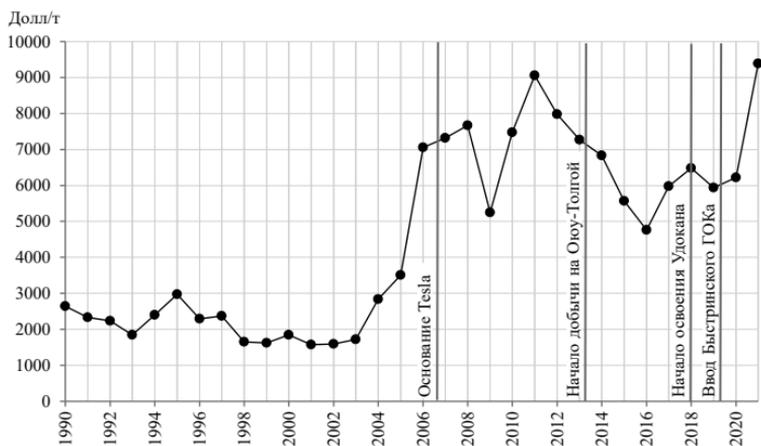
Мировой рынок меди демонстрирует в последние десятилетия уверенный рост. Добыча этого металла с 1990 по 2020 гг. увеличилась с 9,2 до 20,4 млн т, т.е. в 2,2 раза². Производство рафинированной меди за тот же период выросло с 10,8 до 24,5 млн т (в 2,3 раза), потребление меди – с 10,9 до 25,0 млн т (тоже в 2,3 раза).

При средней цене за 2020 г. в 6,2 тыс. долл./т и указанном уровне потребления (25 млн т) годовая емкость глобального рынка только рафинированной («чистой») меди составляет

² The World Copper Factbook 2021. Lisbon: International Copper Study Group [Эл. ресурс]. URL: <https://icsg.org/wp-content/uploads/2021/11/ICSG-Factbook-2021.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

155 млрд долл. Если же оценивать этот рынок с учетом резкого повышения цен в 2021–2022 гг. (средняя цена на начало апреля 2022 г. составила 10,4 тыс. долл./т), его емкость увеличивается почти в 1,7 раза – до 260 млрд долл.

О возрастании значимости меди в современной экономике убедительно свидетельствует динамика среднегодовых мировых цен на нее в течение трех последних десятилетий (рис. 1). В 2021 г. в результате очередного скачка цены преодолели исторический максимум 2011 г. В 2022 г. медь торгуется уже по ценам выше 10 тыс. долл./т. Согласно имеющимся прогнозам³, мировые цены на медь в ближайшие годы будут лишь расти. Это связано как с текущими конъюнктурными причинами, так и с более фундаментальными факторами развития экономики.

Источник. Составлено по данным Лондонской биржи металлов.

Рис. 1. Среднегодовые мировые цены на медь за 1990–2020 гг., долл./т

К числу текущих причин роста цен на медь можно отнести возникновение дефицита металла на рынке из-за «ковидных» ограничений и сбоя логистических цепочек, на фоне роста спроса из-за восстановления глобальной экономики после пандемийного спада [Турунцев, Обухова, 2022]. Сюда же относится

³ Медь захватывает рынок. Станет ли металл новым золотом? 2022. 28 января [Эл. ресурс]. URL: <https://dprom.online/metallurgy/med-stanet-novym-zolotom/> (дата обращения: 15.03.2022).

повышение налоговой нагрузки на добычу меди (в 1,5–2 раза) в ключевых странах-производителях – Чили и Перу⁴, на которые в 2020 г. пришлось почти 40% всей мировой добычи⁵. К росту себестоимости добычи и, соответственно, цен на металл ведут ужесточение экологических требований, обеднение руды и истощение целого ряда разрабатываемых месторождений, свою лепту вносят и конфликты горнодобывающих компаний с местными властями и коренным населением [Горячев, 2021].

Фундаментальным фактором роста цен является то обстоятельство, что именно медь играет одну из ключевых ролей в мировой экономике, занимая третье место среди металлов по значимости после железа и алюминия [Кондратьев и др., 2019; Чупина, 2022]. Благодаря своим потребительским качествам (высокая электро- и теплопроводность, пониженная химическая активность и др.), медь широко используется в электротехнической и электронной промышленности, машиностроении, средствах связи и бытовой технике, строительстве, транспорте и т.д. Важно, что этот металл применяется во всех основных разрабатываемых технологиях низкоуглеродной энергетики, причем медеемкость возобновляемой электрогенерации почти в семь раз выше, чем в традиционной энергетике [Чупина, 2022].

Взрывной рост спроса на медь ожидается со стороны электротранспорта: электромобили, как одна из ключевых технологий «зеленой экономики», содержат в среднем в четыре раза больше меди, чем традиционные авто с двигателем внутреннего сгорания⁶ [Кудияров, 2018; Кондратьев и др, 2019; Чупина, 2022]. Начиная с 2006 г., когда компания Tesla выпустила первую модель своих электрокаров, наблюдается экспоненциальный рост производства электромобилей. Если в 2018 г. объем мировых продаж электрических и гибридных автомобилей составлял 2 млн единиц, то в 2021 г. он достиг 4,7, а в 2022 г. ожидается рост до 6,4 млн единиц, причем около половины всех продаваемых

⁴ Зайнуллин Е. Медь обогатили налогами // Коммерсантъ. 2021. 7 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3499972> (дата обращения: 15.03.2022).

⁵ United States Geological Survey. Mineral Commodities Summary. 2021 [Эл. ресурс]. URL: <https://pubs.er.usgs.gov/publication/mcs2021> (дата обращения: 15.03.2022).

⁶ Кожин П. Свернуть медные горы // Коммерсантъ. 2017. 22 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/gallery/3499972> (дата обращения: 15.03.2022).

в мире электромобилей приходится на Китай⁷. Значительное количество меди потребуется при этом для создания зарядной инфраструктуры. Более массово используется медь и в новом поколении самолетов и поездов. Так, высокоскоростные электропоезда содержат в среднем в два раза больше меди по сравнению с обычными [Кондратьев и др., 2019]. Мировая добыча не успевает за таким быстрым ростом потребления, что подстегивает ввод в эксплуатацию новых месторождений.

Второй фундаментальный фактор роста цен – это повышающая волна циклического процесса в мировой экономике, в частности, среднесрочного цикла Жюгляра с периодом 7–11 лет [Капустина и др., 2018]. Цена на медь является бенчмарком состояния всей мировой промышленности, между развитием которой и изменением цен на медь существует положительная связь. Так, при увеличении мирового промышленного производства на 1% цена меди растет на 2,3% [Капустина и др., 2018].

Крупнейший производитель и одновременно импортер и потребитель меди – Китай. В 2020 г. на него приходилось 39,2% (9,8 млн т) мирового производства рафинированной меди; 38,6% (82,8 млрд долл.) мирового импорта меди, ее руд и концентратов; 56,3% (13,8 млн т) мирового потребления⁸. При этом доля Китая в указанных показателях неуклонно растет. Например, его удельный вес в мировом потреблении меди всего за пять лет с 2016 по 2020 гг. увеличился с 49,5 до 56,3%⁹. Поэтому процессы, происходящие в китайской экономике, имеют принципиальное значение для развития мировой медной промышленности (как, впрочем, и всего горнодобывающего сектора). Вполне естественно, что наибольший эффект от расширения внешнеторгового сотрудничества с Китаем должны получать его ближайшие соседи, в том числе Россия и Монголия.

⁷ Холодов А. Обзор рынка электрокаров в 2022 году. 2022. 2 февраля [Эл. ресурс]. URL: <https://investfuture.ru/articles/id/obzor-rynka-elektrokarov-v-2022-godu> (дата обращения: 15.03.2022).

⁸ The World Copper Factbook 2021. Lisbon: International Copper Study Group [Эл. ресурс]. URL: <https://icsg.org/wp-content/uploads/2021/11/ICSG-Factbook-2021.pdf> (дата обращения: 15.03.2022). United States Geological Survey. Mineral Commodity Summary. 2021. Мировой экспорт/импорт товаров. 2020 [Эл. ресурс]. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2 (дата обращения: 15.03.2022).

⁹ Рынок меди в 2020 г.: аналитический обзор УГМК [Эл. ресурс]. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/123977> (дата обращения: 15.03.2022).

В настоящее время (2020 г.) по *добыче меди* Китай находится на 3-м месте в мире после Чили и Перу, Россия – на 6-м, пропускающая вперед еще Демократическую Республику Конго и США, Монголия – на 15-м¹⁰. По *производству рафинированной меди* 1-е место заслуженно принадлежит Китаю, 5-е – России (после Китая, Чили, Японии и Конго), тогда как Монголия стоит примерно в середине третьего десятка стран.

За счет собственного сырья Китай в 2020 г. обеспечивал лишь 17,3% потребностей своего медеплавильного производства, а оставшиеся 82,7% покрывались за счет импорта меди в концентрате. Основными поставщиками товаров группы «руды и концентраты медные» на китайский рынок (34,3 млрд долл.) служат Чили, Перу, Мексика, Монголия, Австралия и Казахстан, на которые приходится чуть более 3/4 стоимостного объема¹¹. В первую шестерку поставщиков в группе «медь и изделия из нее» (48,5 млрд долл.) входят Чили, Япония, Конго, Республика Корея, Замбия и Россия (в сумме около половины объема). В общем импорте Китаем товаров двух этих групп доли России и Монголии сравнительно невелики: по нашей оценке, соответственно 4,2% (3,45 млрд долл.) и 2,2% (1,84 млрд долл.). При этом Россия экспортирует в Китай на 80% медь и изделия из нее и на 20% медные концентраты, Монголия – почти исключительно концентраты.

По объемам запасов меди Россия (61 млн т) превосходит Монголию (19 млн т) в 3,2 раза, по объемам добычи в 2020 г. – в 2,6 раза (924 и 350 тыс. т соответственно), экспорта – в 3,4 раза (6,26 и 1,85 млрд долл.)¹². Однако с учетом географических направлений экспорта превосходство России уменьшается. Российско-монгольская конкуренция возможна прежде всего на рынке меди Китая, а в перспективе – почти всех стран Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. В настоящее время в Китай уходит чуть более половины российского экспорта меди и почти весь монгольский экспорт, а разница в объемах сокращается уже до 1,9 раза. С учетом ориентации на емкий китайский рынок

¹⁰ The World Copper Factbook 2021. United States Geological Survey. Mineral Commodities Summary. 2021. Якубчук А. С. Российская добыча меди – 30 лет. Спецобзор Вестника Золотопромышленника [Эл. ресурс]. URL: <https://gold.lprime.ru/reviews/20220112/438608.html> (дата обращения: 15.03.2022).

¹¹ United States Geological Survey. Mineral Commodities Summary. 2021. Мировой экспорт/импорт товаров. 2020.

¹² Там же. Якубчук А. С. Российская добыча меди – 30 лет.

разрабатываемых и вовлекаемых в эксплуатацию месторождений Восточной Сибири России и Монголии понятно, что потенциал наращивания экспорта и, соответственно, обострения соперничества здесь очень значителен.

Сравнение месторождений меди Монголии и Восточной Сибири

Исходя из расположения месторождений меди относительно рынков стран Азии, обострение соперничества с монгольскими экспортерами наиболее вероятно для российских компаний, ведущих добычу в южной части Восточной Сибири (в зоне тяготения к Транссибу и БАМу). Поэтому в данной работе не рассматриваются месторождения Таймыра на севере Красноярского края – его продукция ориентирована преимущественно на рынок Западной Европы и транспортную схему с участием Северного морского пути.

В Монголии и Восточной Сибири есть несколько крупных месторождений меди (табл. 1). В Монголии это Эрдэнэтийн овоо на севере и Оюу-Толгой – на юге; в Восточной Сибири – Быстринское и Удоканское в Забайкальском крае, Ак-Сугское в Республике Тыва, Кингашское (с Верхнекингашским) в Красноярском крае (рис. 2).

Таблица 1. Показатели месторождений меди (Монголия и Восточная Сибирь) и их эксплуатации в 1978–2026 гг.

№ п/п	Месторождение	Ввод в промышленную эксплуатацию	Запасы меди на 01.01.2021 г., млн т	Проектная годовая мощность	
				по руде, млн т	по меди, тыс. т
1	Эрдэнэтийн овоо	1978	5,1*	38	155
2	Оюу-Толгой	2013	11,0*	54	480–500
3	Быстринское	2018	2,1**	10	60–70
4	Удоканское	2022	20,1**	48	540
5	Ак-Сугское	2024	3,6**	24	150
6	Кингашское	2026	1,1**	20	115

Примечание. *Запасы подтвержденные (proved + probable). **Запасы разведанные и предварительно оцененные (по категориям АВС₁ + С₂).

Источник. Составлено по данным: Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 году. М.: МПР РФ–Роснедра, 2021. 572 с.; Официальные сайты соответствующих компаний и ГОКов.

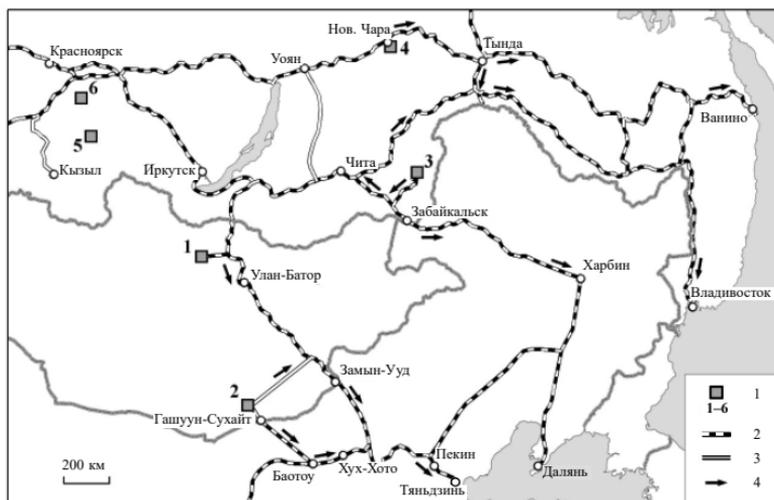

Рис. 2. Транспортно-географическое положение основных месторождений меди Монголии и Восточной Сибири: 1 – основные месторождения меди (номера согласно табл.1); железные дороги: 2 – действующие, 3 – строящиеся и проектируемые; 4 – направления экспортных поставок меди.

На базе месторождения Эрдэнэтийн овоо работает крупное предприятие по добыче и обогащению медно-молибденовой руды «Эрдэнэт», основанное ещё в 1978 г. совместными силами СССР и Монголии [Данилов и др., 2019]. После распада СССР предприятие продолжало быть совместным до 2016 г., когда госкорпорация «Ростех» продала российскую долю «Монгольской медной корпорации». Весь объем получаемого на «Эрдэнэте» медного концентрата поставляется в Китай.

В 2013 г. в Монголии началась разработка нового медно-золотоносного месторождения Оюу-Толгой, которое по запасам меди входит в пятерку крупнейших в мире. Добыча ведется как открытым, так и подземным способами (подземный медный рудник открыт в январе 2022 г.)¹³. Весь медный концентрат также экспортируется в Китай. На данный момент работы ведет американо-канадская компания Turquoise Hill Resources,

¹³ В Монголии заработал подземный медный рудник «Оюу Толгой» // ИА «Regnum» [Эл. ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3487209.html> (дата обращения: 03.03.2022).

принадлежащая второй по величине в мире транснациональной горно-металлургической компании «Рио Тинто».

В России компания ООО «ГРК “Быстринское”» с 2018 г. производит медный, железорудный и золотосодержащий концентраты на Быстринском месторождении, расположенном на юго-востоке Забайкальского края [Лабыкин, 2018]. Быстринский ГОК, занимающийся добычей и обогащением руды, принадлежит «Норникелю» с участием китайского и другого зарубежного капитала. Основная часть его продукции поставляется в Китай.

В 2018 г. началось освоение одного из крупнейших в мире месторождений меди – Удоканского на севере Забайкальского края, вблизи линии БАМа. Отличительной особенностью этого проекта является запланированное в его рамках строительство горно-металлургического комбината по выпуску сульфидного концентрата с содержанием меди 45% и катодной меди – продукции более высокой степени передела [Ульянов, 2019]. Проект реализует компания ООО «Удоканская медь» (прежнее название – «Байкальская горная компания»), входящая в группу USM А. Усманова. В качестве основных рынков сбыта удоканской меди рассматриваются страны Восточной Азии – Китай, Япония и Республика Корея.

Значительными запасами меди обладают также месторождения Ак-Сугское комплексное в Республике Тыва и Кингашское (с Верхнекингашским) медно-никелевое на юге Красноярского края¹⁴. Их освоение со строительством соответствующих ГОКов планируется в составе комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь», утвержденного Правительством РФ в 2019 г.¹⁵ Разработка данных месторождений будет осуществляться компанией ООО «УК “Интергео”», которая входит в группу «Онэксим» М. Прохорова, а наиболее перспективным направлением экспорта продукции считается также Китай.

¹⁴ Проект по разработке крупного месторождения комплексных руд Ак-Суг в Республике Тыва и месторождений Кингашское и Верхнекингашское в Красноярском крае [Эл. ресурс]. URL: <https://rcbc.ru/ru/projects/proekt-po-razrabotke-krupnogo-mestorozhdeniya-kompleksnyh-rud-ak-sug-v-respublike-tyva-i-mestorozhdenij-kingashskoe-i-verhnekingashskoe-v-krasnoyarskom-krae/> (дата обращения: 03.03.2022).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 571-р об одобрении перечня инвестиционных проектов, реализуемых в составе комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» [Эл. ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/36231/> (дата обращения: 11.01.2022).

Вследствие труднодоступности месторождений необходимы значительные затраты на создание автодорожной и энергетической инфраструктуры, что существенно снижает экономическую эффективность проектов.

Как видим, все рассмотренные проекты запланированы в расчете на экспорт продукции в Китай. Три месторождения – Эрдэнэтийн овоо, Оюу-Толгой и Быстринское – уже вовсю разрабатываются, причем действующие на их базе ГОКи продолжают наращивать свои мощности. В ближайшем будущем ожидаются запуск промышленной эксплуатации Удоканского месторождения и ввод Удоканского комбината. Необходимо учитывать, что из двух крупнейших проектов, рассматриваемых в этой статье, – Удоканского и Оюу-Толгой – первый обладает более высоким порогом окупаемости по сравнению со вторым, так как освоение Удокана удорожается вследствие сложного рельефа, многолетней мерзлоты, высокой сейсмичности района. При выходе на полную проектную мощность только этих двух месторождений мировая добыча меди вырастет на 4,4% к уровню 2020 г.

Менее оптимистична ситуация с освоением труднодоступных и потому более затратных месторождений «Енисейской Сибири», инвестиционная привлекательность которых будет зависеть от динамики мировых цен на медь.

Транспортно-географическое положение месторождений меди Монголии и Восточной Сибири

Одним из важнейших факторов, определяющих экономическую эффективность производства многотоннажного минерального сырья, является транспортно-географическое положение (ТГП) месторождений относительно рынков сбыта. При невыгодном ТГП транспортные издержки выступают весьма значительной статьёй расходов в структуре себестоимости продукции, снижая ее ценовую конкурентоспособность, прибыль и рентабельность работы производителей.

С этой точки зрения следует признать, что у монгольских экспортеров меди в Китай есть преимущество перед их российскими конкурентами – вследствие географической близости месторождений к рынку сбыта. Оценим разницу транспортных издержек монгольских и российских экспортеров

по фактическим железнодорожным расстояниям перевозки медного концентрата от рассматриваемых месторождений (за исключением труднодоступных Ак-Сугского и Кингашского) до важнейших экономических пунктов – пограничных переходов в Китай, его ближайших промышленных центров потребления медной продукции, морских экспортных портов (табл. 2).

Таблица 2. Расстояния от месторождений меди Монголии и Восточной Сибири до важнейших экономических пунктов, км

Место-рождение	Ближайший пограничный переход с Китаем		Ближайший промышленный центр Китая		Ближайший морской порт	
Эрдэнэтийн овоо	Замын-Ууд	1120	Хух-Хото	1590	Тяньцзинь (КНР) Владивосток (РФ)	1940 4230
Оюу-Толгой	Гашуун-Сухайт	95*	Баотоу Хух-Хото	430 620	Тяньцзинь (КНР)	1240
Быстринское	Забайкальск	340	Харбин	1280	Владивосток (РФ) Ванино (РФ)	3450 3460
Удоканское	Забайкальск	2190	Харбин	3120	Владивосток (РФ) Ванино (РФ)	2860 2600

Источник. Составлено авторами.

Примечание. *Ввиду отсутствия железной дороги Оюу-Толгой–Гашуун-Сухайт указано расстояние по действующей автодороге.

При ориентации на китайский рынок в качестве ближайших промышленных центров потребления меди рассматривались, с одной стороны, индустриальные города автономного района Внутренняя Монголия – Баотоу (там расположены два крупных машиностроительных завода китайской госкорпорации Norinco) и Хух-Хото (отделение аэрокосмической корпорации China Aerospace Science & Industry Corporation Limited), с другой стороны, центр провинции Хэйлунцзян – Харбин (автомобильные заводы FAW и Hafei, авиационный завод Harbin Aircraft Industry Group, крупные предприятия военно-промышленного комплекса) [Иванов, 2013].

На другие внешние рынки экспорт медной продукции пойдет через морские порты – российские дальневосточные (Владивосток, Ванино, Восточный, Находка и др.) и китайские (Тяньцзинь, Далянь, Цзиньчжоу, Циньхуандао и др.). В качестве ближайших оценивались порты Владивосток, Ванино и Тяньцзинь.

Для экспортеров медной продукции Восточной Сибири по сравнению с экспортерами Монголии характерен в целом намного более протяженный и, соответственно, затратный выход на внешние рынки. Сравнительно близки между собой лишь расстояния от месторождений Эрдэнэтийн овоо и Быстринского до ближайших промышленных центров Китая, однако монгольское месторождение в 1,8 раза ближе к экспортному порту Тяньцзинь, чем российское – к портам Владивосток и Ванино.

Важное конкурентное преимущество в виде выгодного ТПП следует отметить у месторождения Оюу-Толгой: расстояния перевозки медного концентрата к ближайшим промышленным центрам – Баотоу и Хух-Хото – составляют всего 430–620 км, что дает огромные экономические преимущества экспорту ввиду минимизации транспортных затрат. Правда, вследствие широкого участия автомобильного транспорта в перевозках в настоящее время экспорт его продукции в Китай также подвержен довольно высоким транспортным расходам, обременительным таможенно-пограничным процедурам и серьезным задержкам. Однако после завершения строительства подъездной железнодорожной линии от месторождения к пограничному переходу Гашуун-Сухайт и соединения с железнодорожной сетью Китая транспортные издержки резко снизятся, а возможности экспорта еще более возрастут. В то же время от сравнимого с Оюу-Толгой по мощности Удоканского месторождения путь к ближайшему промышленному центру Китая – Харбину – длиннее в 5–7,2 раза.

Учитывая, что зависимость от одного торгового партнера в лице Китая опасна из-за угрозы возможного демпинга, для таких крупных месторождений важен также выход к мировому рынку через морские порты. Разница в дальности перевозок удоканской меди в порт Ванино (2,6 тыс. км) и монгольской меди Оюу-Толгой в Тяньцзинь (1,24 тыс. км) также довольно значительна (2,1 раза). К тому же нужно иметь в виду, что порты Приморского и тем более Хабаровского краев России находятся дальше от стран Восточной и Юго-Восточной Азии, чем порты Желтого моря Китая. Дополнительным ограничительным фактором для экспорта российской меди в этом направлении выступают относительно небольшая пропускная способность и перегруженность БАМа.

Ослабление рисков конкуренции за счет углубления переработки

Таким образом, имеются реальные предпосылки возникновения рисков конкуренции Монголии и России на внешних рынках меди. Решение данной проблемы возможно, по нашему мнению, за счет увеличения глубины переработки медного сырья (концентрата) в полуфабрикаты или готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Например, в 2019 г. средняя экспортная цена медного концентрата Монголии составляла 1280 долл./т, тогда как цена катодной меди (полуфабриката) – 5770 долл./т, т.е. в 4,5 раза больше. Для обоснования этого направления используем общеизвестный метод стратегического менеджмента – SWOT-анализ, который позволяет качественно оценить основные благоприятные и неблагоприятные факторы вывоза медной продукции из Восточной Сибири на внешние рынки.

К сильным сторонам (S) факторов внутренней среды экспортеров Восточной Сибири нужно отнести следующие: наличие крупных месторождений меди; растущие объемы ее добычи; освоение месторождений силами российских компаний; наличие в стране магистральной транспортной инфраструктуры со свободным выходом к отечественным морским портам.

Слабой стороной (W) факторов внутренней среды является установка экспортеров на производство и вывоз за рубеж в основном сырья – медного концентрата (кроме Удоканского комбината, продукцией которого частично будет полуфабрикат), что ограничивает рентабельную дальность транспортировки продукции.

К угрозам (Т) или неблагоприятным факторам внешней среды принадлежат: антироссийские экономические санкции ряда стран со «свертыванием» внешнеторговых связей; большая удаленность от внешних рынков сбыта, определяющая высокий уровень транспортных издержек; перегруженность железнодорожных магистралей; недостаточная емкость внутреннего рынка, обуславливающая жесткую привязку к внешним рынкам; суровость природно-климатических условий и труднодоступность ряда месторождений, удорожающие строительство и эксплуатацию новых горнодобывающих предприятий; вероятные потери вследствие закрепления зависимости от главного (или даже единственного) импортера – Китая; возникновение рисков

конкуренции с компаниями Монголии при экспорте медного концентрата на китайский рынок.

В число благоприятных возможностей внешней среды (O) войдут: взрывной рост мирового спроса на медь; неуклонное повышение доли Китая в мировом импорте и потреблении меди; увеличение глубины переработки медного сырья (концентрата) в полуфабрикаты или готовую продукцию.

Отнесение последнего фактора к внешним обусловлено тем обстоятельством, что реализация данной возможности потребует, очевидно, государственной поддержки строительства металлургических комбинатов.

Увеличение глубины переработки приведет к значительным позитивным результатам.

Во-первых, с преодолением сырьевой специализации (слабой стороны) на транспортные издержки будет приходиться гораздо меньшая часть конечной стоимости товаров, вследствие чего рентабельные расстояния перевозки многократно увеличиваются, а размеры рынков сбыта расширяются. Резервы сокращения транспортных издержек в зависимости от глубины переработки сырья поистине огромны. Так, по нашим подсчетам [Безруков, 2008], удельный вес транспортных издержек в России в конечных ценах сырьевых видов продукции достигает 70–80%, тогда как в ценах полуфабрикатов составляет 10–30%, а в ценах готовых изделий не превышает 2–5%.

Центральное направление модернизации сибирской индустрии как раз и заключается в углублении переработки сырья на месте путем формирования верхних «этажей» многих базовых производств. По такому же пути целесообразно пойти и Монголии, это позволит устранить жесткую прикрепленность экспорта ее массового сырья к близлежащим регионам Китая и ослабить остроту конкуренции с Россией на рынке КНР.

Во-вторых, при перевозке полуфабрикатов и готовой продукции вместо сырья заметно снижается нагрузка на железнодорожные магистрали. Так, катодная медь по сравнению с медным концентратом, содержащим такое же количество металла, весит в четыре раза меньше и занимает примерно в четыре раза меньший объем, соответственно требуя во столько же раз меньше железнодорожных вагонов для транспортировки.

В-третьих, благодаря увеличению глубины переработки, преодолевается зависимость от китайского рынка сбыта, поскольку возрастает экономическая эффективность поставок медной продукции на рынки более удаленных азиатских стран. Китай наращивает собственную выплавку меди и потому предъявляет спрос в первую очередь на медный концентрат. Большие его объемы импортируют также Япония и Республика Корея, но эти страны в марте 2022 г. присоединились к антироссийским санкциям, и потому более перспективно ориентироваться на потребности тех государств, которые импортируют преимущественно медь и изделия из нее, а не руды и концентраты. Так, доля всего лишь четырех стран Южной и Юго-Восточной Азии – Индии, Таиланда, Вьетнама и Малайзии – в мировом импорте меди и изделий из нее в 2020 г. составила, по нашей оценке, около 9%. Значительная емкость их рынка позволяет принять весь объем рафинированной меди, который можно получить из месторождений Восточной Сибири и Монголии.

Заключение

При существенном ослаблении российско-монгольских внешнеторговых связей Монголия по ряду минерально-сырьевых товаров, прежде всего по углю и меди, превращается в сильнейшего конкурента России на внешних рынках, особенно на китайском. Значительные риски конкуренции возникают вследствие жесткой ориентации на емкий китайский рынок разрабатываемых и вовлекаемых в эксплуатацию крупных месторождений меди Восточной Сибири и Монголии. При этом ключевым фактором преимущества монгольских экспортеров меди перед российскими относительно рынка КНР является более выгодное транспортно-географическое положение месторождений благодаря географической близости и, соответственно, меньшей величине транспортных издержек.

Увеличение глубины переработки медного сырья в полуфабрикаты или готовую продукцию позволит расширить размеры рынков сбыта, снизить нагрузку на железнодорожные магистрали, преодолеть зависимость от китайского рынка. Проведенный SWOT-анализ показывает, что при углублении переработки сырья благоприятные факторы в значительной мере перевешивают и даже «гасят» большинство неблагоприятных. Преодоление

сырьевой специализации медной промышленности Восточной Сибири следует считать тем магистральным направлением ее развития, которое обеспечивает намного более выгодные и паритетные условия выхода продукции на внешние рынки, в том числе ослабляет риски конкуренции с Монголией на рынке КНР.

Литература

Безруков Л., Фартышев А. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 3. С. 101–109. DOI: 10.20542/0131–2227–2022–66–3–101–109

Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.

Горячев Н. Н. Китайские горнодобывающие компании в Перу: существует ли единая причина проблем? // *Российско-китайские исследования*. 2021. Т. 5. № 3. С. 141–150. DOI: 10.17150/2587–7445.2021.5(3).141–150

Данилов Ю. Г., Никифорова В. В., Леонтьев С. П., Константинов Н. Н., Хосоев Д. В. ГОК «Эрдэнэт»: история и перспективы развития // *Горная промышленность*. 2019. № 5. С. 24–27.

Иванов А. Основные направления развития военной промышленности КНР // *Зарубежное военное обозрение*. 2013. № 2. С. 18–30.

Капустина Л. М., Фальченко О. Д., Древалев А. А. Влияние экономического цикла на конъюнктуру мирового рынка меди // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2018. Т. 211. № 3. С. 481–498.

Кондратьев В. Б., Попов В. В., Кедрова Г. В. Глобальный рынок меди (продолжение) // *Горная промышленность*. 2019. № 4. С. 100–104. DOI: 10.30686/1609–9192–2019–4–100–101

Кудияров С. С верой в электромобили // *Эксперт*. 2018. № 40. С. 22–23.

Лобыкин А. Быстринский ГОК набирает обороты // *Эксперт*. 2018. № 39. С. 55–56.

Макаров А. В., Макарова Е. В., Михеева А. С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // *ЭКО*. 2019. № 6. С. 62–82. DOI: 10.30680/ЕСО031–7652–2019–6–62–82

Пармон В. Н., Крюков В. А., Селиверстов В. Е. Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // *Регион: экономика и социология*. 2020. № 2. С. 226–258. DOI: 10.15372/REG20200210

Турунцев А., Обухова Е. Сырьевой шторм // *Эксперт*. 2022. № 1–2. С. 53–55.

Ульянов Н. За медный грош // *Эксперт*. 2019. № 15. С. 22–24.

Чутина Д. А. Влияние «зеленого» курса на импорт меди из России в ЕС // *Вопросы экономики*. 2022. № 1. С. 110–125. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–1–110–125

Статья поступила 11.04.2022

Статья принята к публикации 14.04.2022

Для цитирования: Безруков Л. А., Фартышев А. Н. Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки // ЭКО. 2022. № 6. С. 115–133. DOI: 10.30680/ЕСС00131-7652-2022-6-115-133

Summary

Bezrukov, L.A., Doct. Sci. (Geography), Fartyshhev, A.N., Cand. Sci. (Geography), V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Development of Copper Industry in Russia and Mongolia: The Problem of Access to Foreign Markets

Abstract. The paper considered the problem of competitiveness of Mongolian and Russian (East Siberian) mineral commodities on foreign markets is considered through the example of copper industry. The analysis of world copper market conditions and the place of China, Russia and Mongolia on it is given. Comparative characteristics of large copper deposits developed and being prepared for development in Mongolia (Erdenetin Ovoo and Oyuu Tolgoi) and Eastern Siberia of Russia (Bystrinskoye, Udokanskoye, Ak-Sugskoye, Kingashskoye) are presented. The assumption that the rivalry between Mongolian and Russian copper exporters for foreign markets, primarily Chinese, may intensify has been substantiated. An assessment of the transport and geographic location of the deposits relative to the nearest Chinese industrial centers and sea export ports was made, which showed the advantages of Mongolia's deposits compared to those in eastern Siberia. The SWOT analysis confirmed that deeper processing of raw materials provides more favorable conditions for the East Siberian copper products to enter foreign markets, including easing the risks of competition with Mongolia.

Keywords: *Mongolia; Russia; China; copper; export; import; foreign markets; transport costs; competitiveness; transport and geographic location*

References

- Bezrukov, L.A. Fartyshhev, A.N. (2022). Features of mongolian trade: risks for Russia. *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 3. Pp. 101–109. (In Russ.).
- Bezrukov, L.A. (2008). *Continental-oceanic dichotomy in international and regional development*. Novosibirsk, Geo Publ. 369 p. (In Russ.).
- Chupina, D.A. (2022). Impact of the Green Deal on copper imports from Russia to the EU. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. Pp. 110–125. (In Russ.).
- Danilov, Yu.G., Nikiforova, V.V., Leontiev, S.P., Konstantinov, N.N., Hosoev, D.V. (2019). Mining and processing plant «Erdenet»: history and prospects of development. *Russian Mining Industry*. No. 5. Pp. 24–27. (In Russ.).
- Goryachev, N. N. (2021). Chinese mining companies in Peru: is there a single cause of problems? *Russian-Chinese Researches*. No. 3. Pp. 141–150. (In Russ.).
- Ivanov, A. (2013). Main routes of development of military industry of PRPP. *Foreign military review*. No. 2. Pp. 18–30. (In Russ.).
- Kapustina, L.N., Falchenko, O.D., Drevalov A.A. (2018). Influence of the economic cycle on the world copper market situation. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 211. No. 3. Pp. 481–498. (In Russ.).

Kondratyev, V.B., Popov, V.V., Kedrova, G.V. (2019). Global copper market (continue). *Russian Mining Industry*. No. 4. Pp. 100–104. (In Russ.).

Kudiyarov, S. (2018). With faith in electric vehicles. *Expert*. No. 40. Pp. 22–23. (In Russ.).

Labykin, A. (2018). Bystrinskiy MPP gaining momentum. *Expert*. No. 39. Pp. 55–56. (In Russ.).

Makarov, A.V., Makarova, E.V., Andreev, A.B. (2019). Foreign economic relations of Mongolia: current situation and development problems. *ECO*. No. 6. Pp. 62–82. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO031–7652–2019–6–62–82

Parmon, V.N., Kryukov, V.A., Seliverstov, V.E. (2020). Cross-border interactions in the Russian East: research support and tasks before the Siberian branch of RAS. *Region: Economics and Sociology*. No. 2. Pp. 226–258. (In Russ.).

Turuntsev, A., Obukhova, E. (2022). Raw material storm. *Expert*. No. 1–2. Pp. 53–55. (In Russ.).

Ulyanov, N. (2019). For a copper penny. *Expert*. No. 15. Pp. 22–24. (In Russ.).

For citation: Bezrukov, L.A., Fartyshev, A.N. (2022). Development of Copper Industry in Russia and Mongolia: The Problem of Access to Foreign Markets. *ECO*. No. 6. Pp. 115–133. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-115-133

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-134-144

Газификация Забайкалья: проблемы и перспективы¹

Н.М. СЫСОЕВА, доктор географических наук. E-mail: syssoeva@oresp.irk.ru
Отдел региональных экономических и социальных проблем Иркутского
научного центра СО РАН, Иркутск

Аннотация. В статье представлен обзор имеющихся схем и программ газификации Забайкальского края и Республики Бурятия. Показано, что газификация региона сжиженным природным газом не способна трансформировать местную экономику, поскольку он не выдерживает межтопливной конкуренции, возможны лишь отдельные решения по причинам экологического характера, особенно в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории. Подача газа из магистрального трубопровода «Сила Сибири» экономически неэффективна для «Газпрома». Предполагаемое создание нового экспортного газопровода «Сила Сибири – 2» при условии его прокладки через территорию Бурятии может решить проблему поставки сетевого газа для большей части Забайкалья.

Ключевые слова: газификация; сжиженный природный газ; магистральный трубопровод; топливно-энергетический баланс; схема газификации; геостратегические территории

Забайкалье как новая территория Дальнего Востока

Одним из направлений развития Дальнего Востока как стратегически важного макрорегиона является газификация территории, что отражено в Энергетической стратегии РФ², принятой в 2020 г. и включившей Дальневосточный федеральный округ (ДФО) в перечень пространственных приоритетов. Среди задач газовой отрасли в регионе – формирование новых центров нефтегазодобычи, развитие магистральной газопроводной инфраструктуры, а также «социально и экономически целесообразное повышение уровня газификации субъектов РФ» с учетом особенностей региональных топливно-энергетических балансов. Последняя задача относилась ко всей территории страны, однако в Стратегии подчеркнуто, что

¹ Статья подготовлена по материалам проекта НИР ИНЦ СО РАН «Социально-экономическое развитие ресурсного региона в условиях меняющихся внешних факторов» № 1210218000157–8 и гранта РФФИ «Проблемно-ориентированный подход при активизации межрегиональных взаимодействий» № 20–010–00990.

² Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утв. Постановлением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. [Эл. ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>

с запуском магистрального газопровода «Сила Сибири» стала возможна газификация ряда дальневосточных регионов.

В 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав Дальневосточного федерального округа, что предполагало распространение на них режима наибольшего благоприятствования, предусмотренного в федеральной пространственной политике для Дальнего Востока и Арктической зоны РФ как приоритетных территорий развития в рамках принятой в 2018 г. Пространственной стратегии РФ.

Важность экономического развития Забайкальского края и Республики Бурятия обусловлена не только их принадлежностью к Дальнему Востоку, выходящему к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, но и особым положением во внутрисоссийском пространстве, поскольку они представляют собой сравнительно узкую по меркам материка полосу связей Дальнего Востока с остальной частью России. На протяжении XX века делались попытки диверсифицировать эти связи, в основном – за счет расширения железнодорожного сообщения (БАМ, предложения по Северо-Сибирской магистрали), однако северные коридоры так и не стали конкурентами Транссибу. Значение этих регионов возрастает и в связи с тем, что именно здесь формируется новый коммуникационный узел на Азиатском континенте – в Забайкалье выходит наиболее крупное северное направление китайской внешнеполитической инициативы «Один пояс – один путь» – экономический коридор Китай-Монголия-Россия.

После выступления Президента РФ на итоговой пресс-конференции 2020 г.,³ в котором он заявил о возможности уже к 2025 г. довести газификацию территории страны до уровня 90% (это выше, чем запланировано Энергетической стратегией РФ), Правительство ускорило работу по газификации. В число регионов Дальнего Востока, которым ставилась задача в ближайшее время разработать топливно-энергетические балансы и программы по газификации, попали Забайкальский край и Республика Бурятия. Ожидаемые эффекты – ускорение социально-экономического развития и улучшение экологического состояния территории.

Однако наращивание общих темпов газификации в этих регионах обнажило ряд проблем, связанных как с их географическим

³ Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина [Эл. ресурс]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/64671/

положением, так и с общим уровнем развития экономики, включая энергетический сектор.

Забайкальские территории, занимая важное геополитическое положение, экономически и социально почти не развиваются, находятся в депрессивном состоянии, и энергетическая составляющая здесь играет свою роль – основным источником энергии является уголь. Газификация этой зоны должна стимулировать экономический рост, развитие новых добывающих и перерабатывающих производств, привести к значительному улучшению экологии городских агломераций.

Но в федеральных стратегиях прежнего периода, связанных с созданием магистральной газовой инфраструктуры, Забайкалье не выделялось в качестве приоритетного региона, хотя оно и находится рядом с Иркутской областью, где разрабатывается одно из крупнейших месторождений газа в Сибири. Существовал даже план прокладки газопровода от Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Бурятию по дну Байкала⁴. Однако в первые годы освоения Ковыкты приоритетом на федеральном уровне был быстрый выход на рынок Китая, и азиатское «подбрюшье» страны фактически оказалось в стороне от большой экспортной политики – газопровод «Сила Сибири» провели в обход Байкала с севера, сделав опорным Чаяндинское месторождение, к которому подводилась труба от Ковыктинского узла. О перспективах возможной газификации прилегающих территорий говорилось в отношении примыкающих к газопроводу районов Якутии [Кин, 2016], более западные районы оставались вне влияния газовой магистрали.

Планы газификации в Забайкальском крае

В разработанной ранее Генеральной схеме газоснабжения и газификации Забайкальского края⁵ указывались два потенциальных источника газа для региона – магистральный газопровод

⁴ Бурятия надеется протянуть газопровод из Иркутской области. «Газпром» поставил на идею жирный крест [Эл. ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/news/gas/254864-buryatiya-nadeetsya-protyanut-gazoprovod-iz-irkutskoy-oblasti-gazprom-postavil-na-idee-zhirnyy-krest/>

Академик РАН назвал слабые стороны проекта газопровода «Сила Сибири – 2» через Бурятию [Эл. ресурс]. URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2022/02/16/akademik-ran-nazval-slabye-storony-proekta-gazoprovoda-sila-sibiri-2-cherez-buryatiyu.html>

⁵ Генеральная схема газоснабжения и газификации Забайкальского края (корректировка). АО «Газпром промгаз». 2016.

«Сила Сибири», базирующийся на Иркутском и Якутском центрах газодобычи, и перспективный газопровод «Ковыктинское ГКМ – Саянск – Иркутск» (Иркутский центр газодобычи). Однако схема исключала второй вариант как экономически неэффективный, точно так же нецелесообразным был признан вариант автономного обеспечения топливом за счет привозного сжиженного природного газа. Итоговая система газификации края в Генеральной схеме предполагала строительство отвода от магистрального газопровода «Сила Сибири» из Сквородино до Читы и далее до Улан-Удэ, чтобы поставлять газ сразу на два региона из единого источника. Удаленные территории должны были получать сжиженный природный газ. Длина газопровода «Сквородино – Чита» составляла 945 км, далее планировались отводы до газораспределительных станций.

Потенциальная максимальная потребность в газе для края была оценена в 6,3 млрд м³/год, в том числе для населения – 0,4 млрд м³/год. Крупными потребителями газа могут стать читинские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, Харанорская ГРЭС и ТЭЦ Приаргунского горно-химического объединения в Краснокаменске. Сейчас они работают на угле, после переоборудования их суммарная потребность в газе составила бы 2 млрд м³/год. На перспективу оценивалась также газификация намечаемых к строительству Читинской ТЭЦ-3, целлюлозно-промышленного комбината «Полярная» и других промышленных предприятий. В этих расчетах цена газа предполагалась для потребителей более предпочтительной, чем на другие виды топлива, однако даже такой максимальный объем оператор газификации считал недостаточным для окупаемости газопровода. На основе существующих соотношений стоимости энергоресурсов возможен лишь так называемый «социальный» сценарий, основанный на газификации социально значимых объектов, при котором потребность в газе оценивалась только в 0,9 млрд м³/год. Реализация такого варианта требует целевого выделения средств из федерального бюджета, поэтому в целом Схема говорит о неэффективности всего проекта для «Газпрома» без государственной поддержки.

На основе данной Схемы в крае была принята региональная программа газификации на 2018–2022 гг.⁶, однако вследствие

⁶ Региональная программа газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций Забайкальского края на 2018–2022 годы. Утв. постановлением Правительства Забайкальского края от 29 декабря 2017 г. № 593.

отсутствия собственных средств и возможности получения денег из федерального бюджета она была оценена всего в 40 млн руб. из внебюджетных источников и предполагала повышение газификации жилого фонда с 44,8% до 50%. В 2021 г. появилась новая программа⁷, срок действия которой – 2021–2025 гг., однако она также не содержит конкретных мероприятий и сумм финансирования, в ожидании, вероятно, ясности с федеральной помощью в условиях повышенного внимания к развитию дальневосточных регионов. В самом документе это объясняется отсутствием планов строительства источников газа в инвестиционных программах ПАО «Газпром», в сферу ответственности которого входит строительство объектов газоснабжения и газораспределения до населенного пункта.

В настоящее время сжиженным углеводородным газом (СУГ) в крае газифицировано 305 населенных пунктов, или 197,5 тыс. квартир и частных домов. Решающую роль в продвижении газификации играют цены. В соответствии с поручением Правительства РФ Забайкальский край разработал перспективный топливно-энергетический баланс до 2035 г., где расчетный объем потребления природного газа привязан к цене на топливо⁸: около 1,13 млрд м³ при цене 6,2–7,7 руб./м³ или 3,4 млрд м³ при цене 4,2 руб./м³.

Но и эти оценки заместитель министра ЖКХ региона И. Краснов считает слишком оптимистичными⁹, по его мнению, ТЭЦ смогут перейти на газ при цене топлива не выше 3 руб./м³, иначе придется поднимать тарифы для потребителей, поэтому они будут по-прежнему работать на угле. Так же пессимистично он оценивает перспективу подключения частного сектора, поскольку домохозяйства должны будут заплатить еще и за соответствующую инфраструктуру «последней мили» – около 200–300 тыс. руб. каждое. Сжиженный газ тоже не решает проблему: в настоящее время производители готовы поставлять его в среднем за 23–24 руб./м³. В соответствии

⁷ Региональная программа газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций [Эл. ресурс]. URL: <https://media.75.ru/documents/88114/9-ot-29-01-2021.pdf>

⁸ Схему газификации Забайкалья разработают в 2022 году [Эл. ресурс]. URL: <https://75.ru/news/258440>

⁹ Краснова И. Газификация газификация рознь: нужна ли Забайкалью «Сила Сибири-2». URL: <https://www.mkchita.ru/economics/2021/06/16/gazifikaciya-gazifikacii-rozn-nuzhna-li-zabaykalyu-sila-sibiri2.html>; URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> – Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года.

с обновленной программой потребность ЖКХ и населения в 2021 г. составила 7 млн м³ СУГ, что в сумме должно обойтись домохозяйствам в более чем 161 млн руб., или 800–820 тыс. руб. в год. Таким образом, без дотаций государства газ будет проигрывать в межтопливной конкуренции.

Перспективы газификации в Республике Бурятия

В Бурятии, которая в федеральных планах газификации часто рассматривается вместе с Забайкальским краем, также остро стоят проблемы модернизации энергосистемы, базирующейся на угле. Однако в экспертном и общественном дискурсе до сих пор газу уделялось мало внимания, в основном обсуждались вопросы оптимизации системы электроснабжения, развития возобновляемых источников энергии, перспективных северных гидропроектов [Борисов, 2018a; Борисов, 2018b; Лукина, Очирова, 2021; Санеев и др., 2020]. На большей части территории Бурятии функционирует особый режим природопользования, поэтому существенную роль в диверсификации источников энергии играют ограничения экологического характера.

В Бурятии также начата работа по составлению энергетического баланса в соответствии с поручением федерального правительства. Но отдельная программа газификации территории здесь никогда не разрабатывалась. В 2018 г. в принятую ранее (2013 г.) программу развития транспорта, энергетики и дорожного хозяйства республики¹⁰ был включен раздел (подпрограмма) о газификации, но его функционал ограничен расширением сети автогазозаправочных станций (до 2024 г. предполагается строительство пяти АГЗС за счет внебюджетных источников).

В республике 258 населенных пунктов газифицированы с использованием сжиженного углеводородного газа. Основной потребитель – жилой сектор; промышленные и коммунальные предприятия ориентируются на другие виды топлива, где опять же преобладает уголь. Уровень газификации жилого фонда составляет 0,17%. В Центральной экологической зоне Байкальской природной территории, расположенной

¹⁰ Государственная программа Республики Бурятия «Развитие транспорта, энергетики и дорожного хозяйства». URL: <https://docs.cntd.ru/document/422454727>

в пределах Бурятии, функционируют две газовые котельные (п. Турка) [Бадмаев, 2019].

Ранее правительство Бурятии обращалось в «Газпром» с предложениями построить отвод от магистрального газопровода «Сила Сибири», однако потребность региона в газе была оценена всего в 2,8 млрд м³/год, вследствие как низкой плотности населения для газификации жилья, так и недостаточного промышленного потенциала (в расчетах учитывалась газификация 36 первоочередных объектов и 5 перспективных)¹¹. «Газпром» счел такой объем недостаточным для сетевого газоснабжения, и предложил поставлять сжиженный природный газ (СПГ). В числе основных потребителей рассматривались котельные и отдельные предприятия, поскольку для населения газ оказывается слишком дорогим¹².

Бурятия намерена начать газификацию с северных районов – Северобайкальского и Муйского. Первым переведет свои котельные с угля на газ г. Северобайкальск, расположенный в пределах Центральной экологической зоны Байкальской природной территории (БПТ)¹³. Газификация таких удаленных поселений будет осуществляться с помощью сжиженного природного газа, в качестве поставщика рассматривается Иркутская нефтяная компания как ближайший к северу Бурятии производитель сжиженного углеводородного газа (г. Усть-Кут). Следующими должны стать поселки Таксимо и Новый Уоян. Проблему роста тарифов на тепло для населения правительство республики предполагает решать путем участия в ряде федеральных программ. Очевидно, в настоящее время в связи с интенсификацией процесса газификации, стимулируемого федеральным правительством и руководством ДФО, следует ожидать разработку новой программы.

В сложившихся геополитических условиях с остановкой сертификации «Северного потока» можно ожидать ускоренного продвижения восточного направления продажи газа с Ямала.

¹¹ Прорыв? Власти Бурятии договорились с «Газпром СПГ технологии» рассмотреть использование СПГ для газификации. URL: <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/532153-proryv-vlasti-buryatii-dogovorilis-s-gazprom-spg-tehnologii-rassmotret-ispolzovanie-spg-dlya-gazifi/>

¹² Глава Бурятии о газификации региона: газ будет дороже дров. URL: <https://regnum.ru/news/3073260.html>

¹³ До 2024 года основные котельные в северных районах республики планируется перевести на газ [Эл. ресурсы]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/196678/>

По предварительной схеме¹⁴, новый магистральный газопровод должен не только поставлять газ на экспорт, но и соединить в единую систему газотранспортную инфраструктуру восточной и западной частей страны через Ковыктинское и Чаяндинское газоконденсатные месторождения, являющиеся базой «Силы Сибири». Иркутская область долго добивалась строительства газопровода от Ковыкты в Саянск и далее в Ангарск в интересах местного химического комплекса, однако «Газпром» не видел в этом для себя экономического эффекта. Включение в проект Ямала и появление новых потенциальных бенефициаров, способных продвинуть данный вариант, могут способствовать ускорению работ по строительству [Дец, 2019]. Кроме того, реализация проекта даст возможность вовлечь в разработку более мелкие месторождения Лено-Ангарского плато, увеличив потенциал наполнения газопровода.

В буферной экологической зоне БПТ, на которую приходится значительная часть территории республики, включая Улан-Удэ, вклад энергетических объектов в загрязнение атмосферы доходит до 80% [Майсюк, 2017]. Газификация местных котельных или переход на электрообогрев могли бы значительно снизить уровень загрязнения. В перспективе надежда на перевод крупных предприятий на газ появляется со строительством магистрального газопровода «Сила Сибири – 2», который должен доставлять газ с Ямала через Монголию в Китай. Согласно предварительной трассировке маршрут газопровода пройдет от Иркутской области через Тункинскую долину, Кяхтинский и Закаменский районы Бурятии к границе с Монголией¹⁵, что позволит начать газификацию республики не только сжиженным, но и сетевым газом.

В числе прочего обсуждается перевод на газ улан-удэнских ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, котельных в г. Закаменске. При проектировании отвода на Улан-Удэ возможно его продление и до Читы, и объединение двух регионов Забайкалья единой системой. Однако до сих пор нет каких-либо оценок стоимости как самого проекта газификации республики, так и вероятной стоимости газа

¹⁴ «Газпрому» поручено приступить к предынвестиционной стадии проекта «Сила Сибири – 2». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2020/march/article502469/>

¹⁵ Газопровод «Сила Сибири-2» пройдет через Тункинскую долину, Кяхтинский и Закаменский районы Бурятии. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/212935/>

для потребителей, что для Бурятии не менее важно, чем для Забайкальского края.

Заключение

Сложившаяся система трубопроводного транспорта в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке фактически оставила Забайкальский край без газификации промышленного производства и теплообеспечения, поскольку как стагнирующий регион, теряющий население, он не способен самостоятельно решить задачу модернизации своего энергохозяйства.

Для Республики Бурятия перспективы газификации более благоприятны в связи с планами строительства нового магистрального газопровода «Сила Сибири – 2».

Но в целом вопрос о газификации Забайкалья не может быть решен без вмешательства государства, которое должно участвовать как в финансировании проектов отвода от магистральных газопроводов, так и в дотировании потребителей с регулированием тарифов на газ, от которого отказались в последнее время. Важным моментом является необходимость интеграции двух регионов для создания совместной инфраструктуры, включая газотранспортную, что позволит снизить общие издержки для регионов и государства в целом [Дондоков, Убонова, 2021; Борисов и др., 2017].

В депрессивных регионах газификация является одним из инструментов стимулирования социально-экономического развития, поскольку охватывает широкий круг потребителей, включая бизнес и домохозяйства, и способна сформировать базис для эндогенного роста региональной экономики вне экспортных сырьевых проектов. Следование принципам рыночной эффективности оправданно для коммерческой корпорации, но подъем экономики Забайкалья должен быть заботой государства, наделившего регион важными функциями обеспечения устойчивого социально-экономического развития и безопасности как приоритетной геостратегической территории.

Литература

Бадмаев А. Г. Характеристика энергетической инфраструктуры Центральной экологической зоны Байкальской природной территории Республики Бурятия // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. Т. 11. URL: <https://esj.today/PDF/25ECVN119.pdf> (дата обращения 21.02.2022).

Борисов Г. О. Проблемы и перспективы развития энергетики Бурятии // ЭКО. 2018 а. № 10 (532). С. 49–64. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-10-49-64

Борисов Г. О. Актуальные проблемы энергетики в научных трудах Отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН // Вестник БНЦ СО РАН. 2018 в. № 2(30). С. 116–122. DOI 10.31554/2222-9175-2018-30-116-122

Борисов Г. О., Дондоков З. Б.-Д., Гонин В. Н., Капурникова Т. И. О межрегиональном взаимодействии развития электроэнергетики зоны БАМ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. № 1. С. 108–117.

Дец И. А. «Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья? // ЭКО. 2019. № 7. С. 8–21. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-7-8-21

Дондоков З. Б.-Д., Убонова Д. З. Анализ результатов реализации документов стратегического планирования Республики Бурятия // Вестник БНЦ СО РАН, 2021. № 4(44). С. 130–135. DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-130-135

Кин А. А. Магистральный трубопровод «Сила Сибири»: основные положения крупномасштабного проекта // Регион: экономика и социология. 2016. № 2(90). С. 154–164.

Лукина Г. В., Очирова С. А. Инвестирование в проекты ВИЭ в отдаленных районах Республики Бурятия в качестве электроснабжения // The scientific heritage. 2021. № 69. С. 45–47.

Майсюк Е. П. Роль энергетики в экологическом состоянии Байкальской природной территории // География и природные ресурсы. 2017. № 1. С. 100–107. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(100-107)

Санеев Б. Г., Иванова И. Ю., Халгаева Н. А., Батмунх С., Пурэвдорж Г., Онормаа Ц. Ресурсные и энерго-экономические предпосылки использования возобновляемых источников энергии на трансграничной территории «Байкал-Хубсугул» // Регион: экономика и социология. 2020. № 2(106). С. 259–280.

Статья поступила 28.02.2022

Статья принята к публикации 03.03.2022

Для цитирования: *Сысоева Н. М.* Газификация Забайкалья: проблемы и перспективы // ЭКО. 2022. № 6. С.134–144. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-6-134-144

Summary

Sysoeva, N.M., *Doct. Sci. (Geograph), The Irkutsk Scientific Center, SB RAS, Irkutsk*

Gasification of Transbaikalia: Problems and Prospects

Abstract. The paper presents a review of the existing schemes and programs of gasification of Zabaikalsky Krai and the Republic of Buryatia. It is shown that the gasification of the region with liquefied natural gas is not able to transform the local economy, as it does not withstand inter-fuel competition, only individual solutions are possible for environmental reasons, especially in the Central ecological zone of the Baikal natural territory. The supply of gas from the Power of Siberia trunk

pipeline is economically inefficient for Gazprom. The proposed creation of a new gas export pipeline “Power of Siberia – 2” if laid through the territory of Buryatia can solve the problem of network gas supply for most of Transbaikalia.

Keywords: *gasification; liquefied natural gas; main pipeline; fuel and energy balance; gasification scheme; geostrategic areas*

References

Badmaev, A.G. (2019). Characteristics of the energy infrastructure of the Central Ecological Zone of the Baikal natural area of the Republic of Buryatia. *The Eurasian Scientific Journal*. No. 1. Vol. 11. (In Russ.). Available at: <https://esj.today/PDF/25ECVN119.pdf> (accessed 21.02.2022).

Borisov, G.O. (2018a). Problems and prospects of energy development in Buryatia. *ECO*. No. 10. Pp. 49–62. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-10-49-64

Borisov, G.O. (2018b). Contemporary issues of power industry in scientific papers of the Department of Regional Economic Studies of the Buryat Scientific Center of the SB RAS. *Bulletin of the BSC SB RAS*. No. 2. Pp. 116–122. (In Russ.). DOI 10.31554/2222-9175-2018-30-116-122

Borisov, G.O., Dondokov, Z.B-D., Gonin, V.N., Kashurnikova, T.I. (2017). About interregional interaction of electric energy development of the BAM zone. *Bulletin of the Transbaikal State University*. No. 1. Pp. 108–117. (In Russ.).

Dets, I.A. (2019). Is «moving» to the Far East an opportunity for qualitative growth for Transbaikalia? *ECO*. No. 7. Pp. 8–21. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-8-21

Dondokov, Z.B-D., Ubonova, D.Z. (2021). Analysis of the implementation of the strategic planning documents of the Republic of Buryatia. *Bulletin of the BSC SB RAS*. No. 4. Pp.130–135. (In Russ.). DOI 10.31554/2222-9175-2021-44-130-135

Kin, A.A. (2016). The power of Siberia pipeline: fundamentals of the large-scale project. *Region: Economics & Sociology*. No. 2. Pp. 154–164. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20160209

Lukina, G.V., Ochirova, S.A. (2021). Investing in resources projects in remote areas of the Republic of Buryatia as a power supply. *The scientific heritage*. No. 69-1. Pp. 45–47. (In Russ.). DOI: 10.24412/9215-0365-2021-69-1-45-47

Majsyuk, E.P. (2017). Role of the power industry in the ecological status of the Baikal natural territory. *Geography and natural resources*. No.1. Pp. 100–107. (In Russ.). DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-1(100-107)

Saneev, B.G., Ivanova, I.Yu., Khalgava, N.A., Batmunkh, S., Purevdorj, G., Unarmaa, Ts. (2020). Energy and economic prerequisites for the use of renewable energy sources in the “Baikal-Hovsgol” cross-boundary territory. *Region: Economics & Sociology*. No. 2. Pp. 259–280. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200211

For citation: Sysoeva, N.M. (2022). Gasification of Transbaikalia: Problems and Prospects. *ECO*. No. 6. Pp. 134–144. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-134-144

Население и рабочая сила Тюменской области в XXI веке¹

Н.В. ОБУХОВИЧ, кандидат экономических наук. E-mail: o.n.v@mail.ru

О.Е. ТОКАРЕВА, кандидат экономических наук

E-mail: o.tokareva2012@yandex.ru

Тюменский государственный университет, Тюмень

Аннотация. В статье отражены демографические характеристики Тюменской области, сходные и отличающиеся от общероссийских, и обозначены региональные особенности формирования рабочей силы и трудовых ресурсов в 2000–2020 гг. Показано, что Тюменская область привлекательна для развития бизнеса и жизнедеятельности населения, отличается положительным сальдо миграции даже в условиях пандемии COVID-19. Миграционный прирост обеспечивают преимущественно лица трудоспособного возраста, пополняя население, рабочую силу и трудовые ресурсы, а также влияя на их структуру. Регион имеет ограниченные резервы роста рабочей силы и трудовых ресурсов.

Ключевые слова: Тюменская область; демографические характеристики субъекта; миграционный прирост; естественный прирост; население; рабочая сила; трудовые ресурсы

Введение

Динамике численности и структуры населения, рабочей силы, трудовых ресурсов, выявлению факторов предложения на рынке труда, а также определяющих экономическую неактивность, уделяется достаточно внимания в научной литературе. Исследования проводятся с точки зрения демографических процессов и характеристик, их макроэкономических эффектов, прогнозируется динамика предстоящего сокращения рабочей силы и занятости [Российский рынок..., 2020; Вишневский, Щербакова, 2018].

Авторы отмечают эволюционный характер таких тенденций в России, как старение населения, снижение рождаемости, сокращение численности в ранних трудоспособных возрастах, приводящих к значительному уменьшению численности рабочей силы [Денисенко, 2012; Денисенко, Козлов, 2018; Шартова и др., 2020]. Оценивается влияние на социально-демографические

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20–410–720004.

показатели внешних шоков, в частности пандемии COVID-19 [Хасанова, Зубаревич, 2021].

Старение населения является естественным процессом и общемировой тенденцией демографического развития, оно имеет множество разнообразных и зачастую противоположно направленных экономических и социальных последствий, однако «само по себе не представляет фундаментальной экономической проблемы, угрожающей благосостоянию общества», угрозы исходят от созданных в иных демографических и экономических условиях институтов поддержки пожилых. Главным вызовом для экономики в условиях старения населения является сокращение предложения труда [Капелюшников, 2019. С. 46–47].

Проблема сокращения населения России исследуется во взаимосвязи с изменениями социально-демографической структуры предложения труда: снижение вклада молодежи в возрасте до 25 лет при увеличении вклада трудоспособных лиц наиболее экономически активных и старших возрастов, повышение уровня образования представителей различных возрастных групп [Капелюшников, Ощепков, 2014].

Демографические и экономические характеристики рабочей силы влияют на показатели продолжительности трудовой жизни. Для России характерны сочетание относительно коротких периодов трудовой жизни и экономической неактивности, низкая гендерная дифференциация в длительности трудовой жизни, массовая включенность молодежи в процесс получения высшего образования и короткий ожидаемый пенсионный период. Потенциал роста продолжительности трудовой жизни российского населения связан со снижением смертности, особенно в основных рабочих возрастах, однако резервы для увеличения предложения труда в возрастных группах 25–49 лет практически исчерпаны у женщин и существенно ограничены у мужчин. Снижение экономической неактивности населения возможно, главным образом, за счет лиц молодых и старших возрастов [Денисенко, Варшавская, 2017].

Демографические ситуации в регионах России имеют особенности [Исупова, 2018; Вишнеvский, Щербакoва, 2018] как из-за различий в уровнях рождаемости и смертности [Сидоренко и др., 2011; Шартова и др., 2020], так и в связи с неравномерностью демографической структуры населения, усиливаемой разнонаправленностью

потоков миграции [Денисенко, 2012]. Миграция перераспределяет население и способствует его концентрации в небольшом количестве регионов [Вишневыский, Зайончковская и др., 2017], играя ключевую роль в поддержании их демографического потенциала [Маньшин, Моисеева, 2020]. Демографические изменения в субъектах РФ, неоднородных по уровню социально-экономического развития, влияют на численность и состав трудоспособного населения [Зубаревич, 2012].

Таким образом, рабочая сила и трудовые ресурсы формируются под влиянием национальных, региональных, а также внешних факторов. Влияние демографических и экономических факторов на предложение труда, как правило, исследуется на уровне России или индивидуумов и домашних хозяйств с использованием агрегированных или микроданных обследований рабочей силы Росстата (далее понятие «рабочая сила» будем использовать как синоним экономически активного населения – ЭАН). Исследования регионального уровня на данных по Тюменской области пока отсутствуют.

Тюменская область – сложный субъект в составе РФ (так называемая «тюменская матрешка»), включает три самостоятельных субъекта Федерации: Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра и Тюменскую область без автономных округов. В рамках данной статьи объектом исследования является Тюменская область без автономных округов (далее будем называть Тюменской областью, а «тюменскую матрешку» – большой Тюменской областью).

Долгое время Тюменская область оставалась в тени нефти и газоносных ХМАО-Югры и ЯНАО, в научных и официальных источниках обозначалась как юг Тюменской области. В настоящее время область становится все более привлекательной территорией для развития бизнеса и жизнедеятельности населения, что подтверждают различные рейтинги: в 2021 г. область заняла 3-е место в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ², 8-е место в рейтинге лучших регионов для жизни³.

Фокусируясь исключительно на Тюменской области, мы анализируем динамику численности и структуры населения,

² URL: https://asi.ru/government_officials/rating/

³ URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/6078136e9a7947d0e9e1b1fb>

рабочей силы и трудовых ресурсов, естественного и миграционного прироста населения, прослеживая национальные и региональные факторы формирования предложения труда, в том числе специфичные. Исследование проводится с применением динамических рядов и возможностей описательной статистики, что является традиционным подходом и представлено в научных работах [Денисенко, 2012; Вишневский, 2018]. Собраны данные по Тюменской области за 2000–2020 гг. из следующих источников: Федеральная служба государственной статистики (Росстат)⁴, проект «Инфраструктура научно-исследовательских данных» АНО «ЦПУР»⁵, Центр демографических исследований РЭШ⁶. По ряду интересующих нас показателей данные доступны с 2010 г., поэтому производились ретроспективные расчеты.

Динамика численности населения

Согласно демографическому прогнозу Росстата в его низком и среднем вариантах, к середине третьего десятилетия XXI века намечаются замедление роста ожидаемой продолжительности жизни и сокращение общей численности российского населения в результате естественной убыли, не компенсируемой миграционным приростом. Высокий вариант прогноза предусматривает положительную динамику обоих показателей за счет снижения естественной убыли, компенсируемой миграционным приростом. При этом во всех вариантах прогноза отражено изменение структуры населения в пользу возрастных групп 46–50 и 51–55 лет. Демографическое развитие субъектов РФ при этом может идти по собственным сценариям.

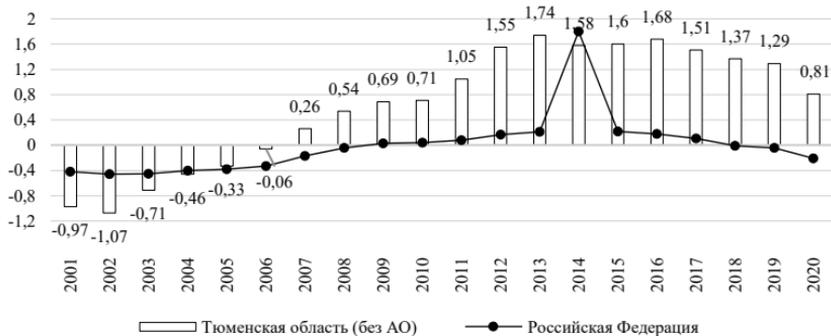
В Тюменской области, как и в других частях «тюменской матрёшки», в 2000–2020 гг. происходил рост среднегодовой численности населения: с 1357,5 до 1540,4 тыс. человек. Динамика показателя в целом подобна общероссийской, при этом имеются отличия: начиная с 2007 г. и по настоящее время в области отмечается непрерывный рост среднегодовой численности населения, в России лишь временный – с 2009 по 2017 гг. Темпы положительного прироста населения в Тюменской области превышают общероссийские (рис. 1), за исключением 2014 г.,

⁴ URL: <https://rosstat.gov.ru/>

⁵ URL: <https://www.data-in.ru/>

⁶ URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

когда произошло их снижение, а в России резкий прирост показателя, был связан с вхождением в состав РФ Республики Крым и города Севастополя.

Источник рис. 1–10. Рассчитано и составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 1. Темпы прироста населения в России и Тюменской области в 2001–2020 гг., %

За двадцать лет среднегодовая численность населения Тюменской области выросла за счет естественного и миграционного прироста более чем на 182 тыс. человек. По ряду демографических показателей официальные статистические данные о Тюменской области доступны не ранее 2010 г. Согласно нашим расчетам на основе доступных данных по большой Тюменской области, ХМАО-Югре и ЯНАО за более ранние периоды, миграционный прирост населения Тюменской области принимает положительные значения, начиная с 2005 г. Поскольку численность населения региона начала расти с 2007 г., полагаем, что в 2005–2006 гг. миграционный прирост частично компенсировал естественную убыль.

Вклады естественного и миграционного прироста в увеличение численности населения Тюменской области за прошедшее десятилетие неравнозначны (рис. 2). Резкое сокращение сальдо миграции заметно в кризисные 2014 и 2020 гг., тем не менее миграционный прирост за 2010–2020 гг. составляет почти 155 тыс. человек, что в 2,7 раза больше естественного (около 57 тыс. человек). Очевидно, именно миграционные процессы являются основным источником пополнения населения области.

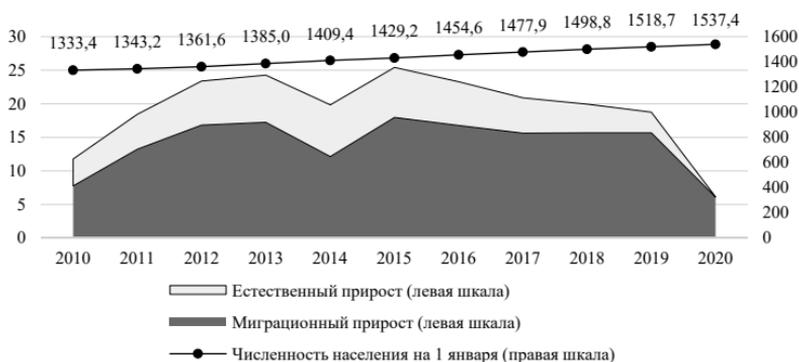

Рис. 2. Прирост численности населения Тюменской области в 2010–2020 гг., тыс. чел.

Исследуя формирование предложения труда, сфокусируем внимание на отдельных показателях естественного и миграционного движения населения. Показатели рождаемости представляют интерес в двух аспектах: во-первых, служат базой для прогнозных оценок численности населения, вступающего в трудоспособный возраст через 15–16 лет (увеличение числа родившихся без учета мертворожденных, наблюдаемое в Тюменской области ежегодно с 2000 г. по 2014 г. (с 12,8 до 24,2 тыс. человек), сменилось сокращением и составило в 2020 г. 18,9 тыс. человек, однако обеспечило пополнение резервов роста рабочей силы и трудовых ресурсов в 2016 г. и последующие годы); во-вторых, репродуктивный возраст практически совпадает с возрастом женской трудоспособности, а материнство временно или на постоянной основе выводит женщин с рынка труда (наибольших значений коэффициенты рождаемости достигают в возрастных группах от 20 до 34 лет).

Показатели смертности позволяют оценить текущие потери населения в трудоспособном возрасте. В Тюменской области значения показателей смертности населения трудоспособного возраста в расчете на 100 тыс. человек демонстрировали аналогичную общероссийской тенденцию к снижению с 795,7 в 2005 г. до 463,9 в 2019 г. Значения возрастных коэффициентов смертности лиц в возрасте 25–49 лет (максимальной экономической активности) в 2011–2019 гг. снизились по всем пятилетним возрастным группам, за исключением 40–44 лет (их рост

составил 0,3 пункта промилле), тем не менее значения показателей смертности в Тюменской области, как правило, превышают аналогичные среднероссийские. Пандемия COVID-19 в 2020 г. ситуацию ухудшила – смертность населения трудоспособного возраста превысила 510 на 100 тыс. человек, повысились и значения возрастных коэффициентов (рис. 3).

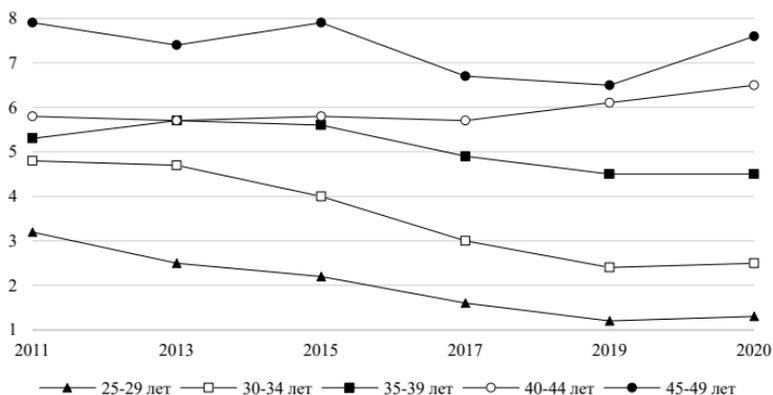

Рис. 3. Возрастные коэффициенты смертности населения Тюменской области в возрасте 25–49 лет в 2011–2020 гг., промилле

Миграция всегда играла важную роль в формировании населения большой Тюменской области и ее отдельных территорий. Несмотря на сложившийся в России «западный дрейф» внутренних миграционных потоков [Вишневский и др., 2017], Тюменская область в настоящее время успешно конкурирует с большинством субъектов РФ за людские ресурсы и входит в число лидеров по показателям миграционного прироста. Она превосходит ЯНАО и ХМАО-Югру по абсолютным и относительным показателям миграционного прироста начиная с 2005 г. и привлекала мигрантов даже в условиях пандемии (102 на 10 тыс. человек в 2019 г., 38 – в 2020 г.).

Динамика относительных показателей миграционного прироста⁷ (рис. 4) отражает перераспределение миграционных потоков

⁷ Официальные данные по Тюменской области (без автономных округов) доступны с 2013 г., данные за 2000–2012 гг. рассчитаны авторами на основе данных Росстата по Тюменской области в целом, ХМАО-Югры и ЯНАО.

населения в пределах «тюменской матрёшки» после подписания соглашения между ее частями и запуска в 2005 г. межрегиональной программы «Сотрудничество», обеспечившей поддержку отдельных категорий населения при переселении из северных автономных округов в южную часть большой Тюменской области⁸.

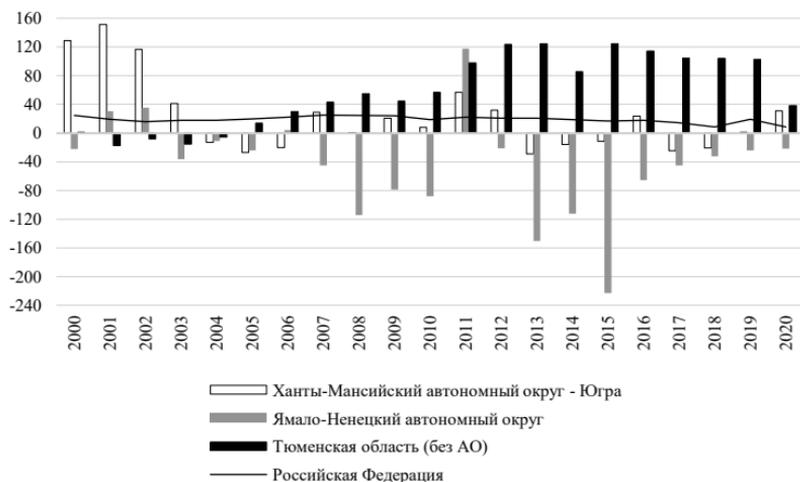

Рис. 4. Коэффициенты миграционного прироста в России, Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО в 2000–2020 гг., на 10 тыс. чел.

Миграционной привлекательности регионов, как показывают результаты исследований, способствуют меры социально-экономической политики: создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса; улучшение жилой и транспортной инфраструктуры; система льгот и надбавок к заработной плате, льготных условий жилищного кредитования, «подъемных» средств переселенцам; возможности трудоустройства молодых специалистов после получения ими высшего образования; облегченная система регистрации иностранных граждан и переселенцев [Маньшин, Моисеева, 2020].

⁸ «Об утверждении программы по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО «Сотрудничество»: Постановление администрации Тюменской области от 25 октября 2004 года N136-пк. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802071095>

Тюменская область в 2019–2020 гг. занимала 14-е место в России по качеству жизни⁹ и 10–11-е места – по социально-экономическому положению¹⁰, она привлекла мигрантов своими характеристиками, в частности: уровнем среднедушевых денежных доходов (22–31-е места в РФ в 2013–2020 г.) и среднемесячной заработной платы (соответственно 16–18-е места); высокими темпами строительства и объемами ввода жилой площади на душу населения в течение ряда лет (лидирующие позиции в Уральском федеральном округе и 1–6-е места в РФ в 2013–2020 гг.).

Привлечению и закреплению населения в Тюменской области способствует реализация федеральных и региональных программ. Так, в рамках Государственной программы¹¹ «Содействие занятости населения и регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» в 2013–2020 гг. в области действовала программа по добровольному переселению соотечественников на ее территорию. За семь лет область приняла 1619 человек трудоспособного возраста (61,8% от общего числа прибывших), из них 79,9% трудоустроены, 8% – студенты, 1,5% заняты предпринимательской деятельностью¹². Трудоустроенные переселенцы являются квалифицированными специалистами, преимущественно замещают вакансии, длительное время не занятые местным населением. Действие программы продлено до 2025 г.

Возрастно-половая структура населения

Современная возрастно-половая структура населения Тюменской области подобна общероссийской (рис. 5) и демонстрирует наличие «демографических ям» – провалов в численности и долях населения в возрастных группах 15–24 и 45–54 лет,

⁹ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2020 | Регионы России | РИА Рейтинг (riarating.ru)

¹⁰ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г. | Регионы России | РИА Рейтинг (riarating.ru)

¹¹ Государственная программа Тюменской области «Содействие занятости населения и регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» (admtumen.ru)

¹² Подведены итоги реализации программы по добровольному переселению в Тюменскую область соотечественников за 2019 год (admtumen.ru)

вызванных отдаленными последствиями Великой Отечественной войны, усиленными кризисом 1990-х гг.

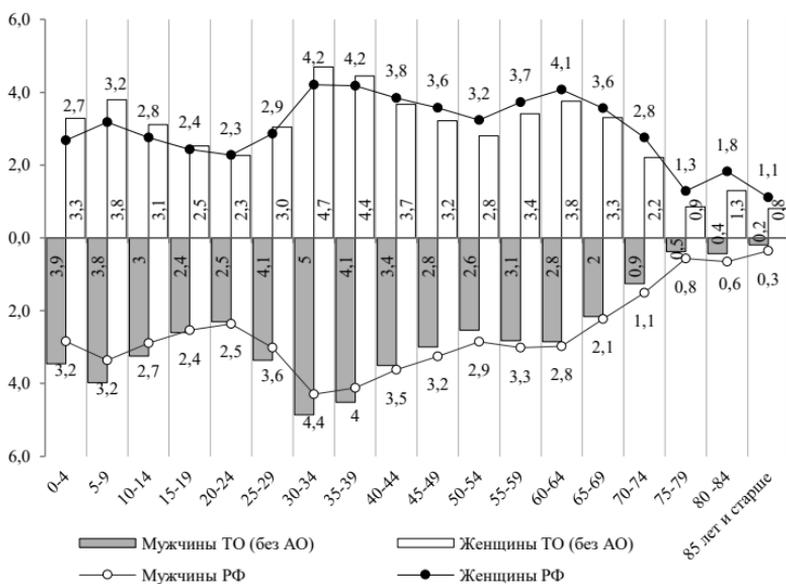

Рис. 5. Возрастно-половая структура населения Тюменской области и России на 01.01.2020, %

Доля мужчин и женщин в составе населения Тюменской области – около 47,5 и 52,5% соответственно, однако их соотношение различается по возрастным группам. Так, мужчины преобладают в группах до 35 лет, в возрасте 35–39 лет соотношение меняется в пользу женщин. Их преобладание особенно заметно в группах старше 60 лет и с возрастом нарастает.

Современная структура населения отражает движение демографической волны: с 2009 по 2020 гг. наиболее и наименее многочисленные возрастные группы сместились, меняя очертания возрастно-половой пирамиды (рис. 6). Так, заметно сжались доля молодежи (в группе 20–24-летних сокращение составило 5,8 п.п.) и старших возрастов трудоспособности (в группе 50–54 лет сокращение 2,6 п.п.), наибольший прирост долей наблюдался в группах детского и младшего пенсионного возрастов (в возрасте 5–9 лет рост составил 2,8 п.п., 60–64 лет – 3,4 п.п.), а также 30–34 лет (2,0 п.п.). В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19

отмечается значительное снижение доли населения в возрасте 25–29 лет, 50–54 лет и женщин в возрасте 75–79 лет.

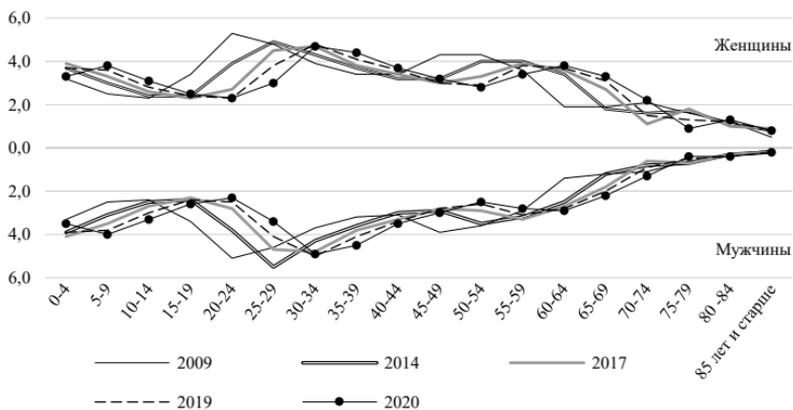

Рис. 6. Возрастно-половая структура населения Тюменской области в 2009–2020 гг., %

Возрастная структура населения Тюменской области, согласно классификации Г. Зундберга, соответствует регрессивному типу: удельный вес населения в возрасте 50 лет и старше в 2013–2020 гг. стабилизировался на уровне 31% при постепенном сокращении веса лиц в возрасте 15–49 лет (с 55 до 48%) и повышении веса детей 0–14 лет (с 16 до 21%) в 2009–2019 гг. Доля лиц 65 лет и старше в области превышает 12%, что позволяет считать население старым по шкале демографического старения ООН.

Население в Тюменской области, как и в России, стареет «снизу». Это связано с низким уровнем рождаемости и высокой смертностью и отражает повышение среднего возраста. За десятилетие средний возраст населения увеличился и в 2020 г. составил 37,7 лет, что ниже среднероссийского показателя (более 40 лет), но соответствует его динамике.

Старению населения способствует и рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В Тюменской области значение показателя близко к среднероссийскому, оно постепенно росло до начала пандемии COVID-19 и составило в 2019 г. 72,75 лет, а по итогам 2020 г. снизилось почти на 1,5 года. Традиционно ожидаемая продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин: 76,51 и 66,17 лет соответственно.

Численность населения Тюменской области трудоспособного возраста в 2000–2020 гг. увеличилась почти на 48 тыс. человек, в том числе за 2020 г. более чем на 18 тыс. (рис. 7). Соотношение мужчин и женщин трудоспособного возраста за период относительно стабильно: удельный вес мужчин менялся в пределах 50–53%, женщин – 47–50%. Распределение населения Тюменской области по группам моложе, старше и трудоспособного возраста аналогично общероссийскому, его изменение в 2009–2020 гг. соответствует общей тенденции – доля лиц трудоспособного возраста сократилась на 8,8 п.п. при увеличении долей лиц моложе и старше трудоспособного возраста на 4,6 п.п. и 4,1 п.п. соответственно.

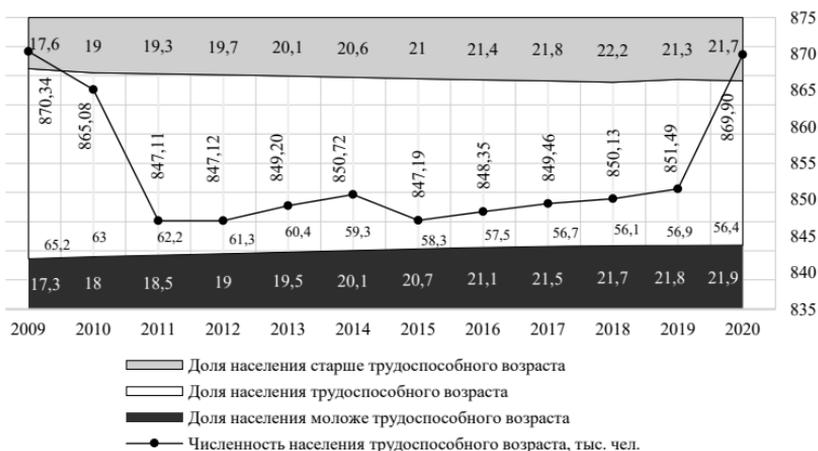

Рис. 7. Структура населения Тюменской области по укрупненным возрастным группам в 2009–2020 гг.,%

Данное изменение структуры населения означает повышение демографической нагрузки на население трудоспособного возраста. За прошедшее десятилетие в Тюменской области демографическая нагрузка практически в равной мере обеспечивалась детьми и пожилыми, возросла почти в 1,5 раза и составила к 2019 г. 784 на 1000 человек трудоспособного возраста, что ниже среднероссийского уровня (804) и уровней большинства субъектов РФ. Последующее повышение пенсионного возраста снизило к 2020 г. демографическую нагрузку в Тюменской области до 759, в России – до 775.

Население трудоспособного возраста традиционно составляет основную массу мигрирующего населения. Согласно данным Росстата, в 2011–2020 гг. в Тюменской области доля таких лиц в миграционном приросте сократилась с 84 до 54% (в том числе на 15 п.п. – в 2020 г.) в пользу лиц моложе и старше трудоспособного возраста (рис. 10), прирост которых составил соответственно около 9 и 21 п.п.

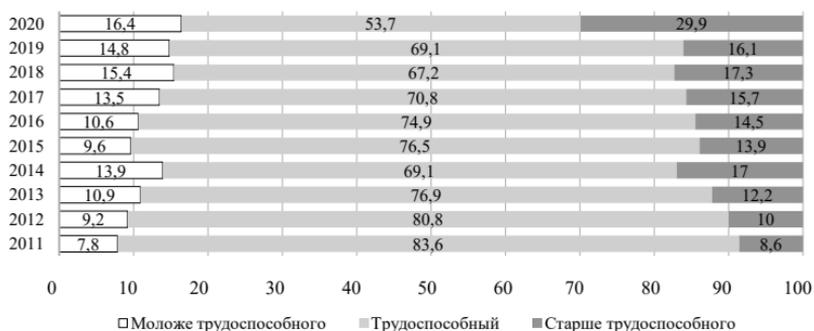

Рис. 8. Структура миграционного прироста в Тюменской области по укрупненным возрастным группам мигрантов в 2011–2020 гг., %

Возрастно-половой состав мигрирующего населения нестабилен, изменения происходят ежегодно. Так, с 2017 по 2019 гг. значительно выровнялось соотношение мужчин и женщин в пятилетних возрастных группах миграционного прироста, причем мужчины преобладали в трудоспособных возрастах, женщины – за пределами возраста трудоспособности (рис. 9). В 2020 г. ситуация иная: в условиях общего замедления экономики и расширения практики удаленной работы и учебы миграционный прирост сократился и практически по всем возрастным группам обеспечивался при численном перевесе женщин, ставших более активными во внутренней миграции. Миграционный отток из Тюменской области зафиксирован только в группе мужчин 20–24 лет, что может быть связано как с ограничениями внешней миграции, так и с особенностями учета мигрантов (они автоматически считаются выбывшими по окончании срока временной регистрации). За период 2017–2020 гг. 40–49% миграционного прироста составили лица возраста максимальной экономической активности – 25–49 лет.

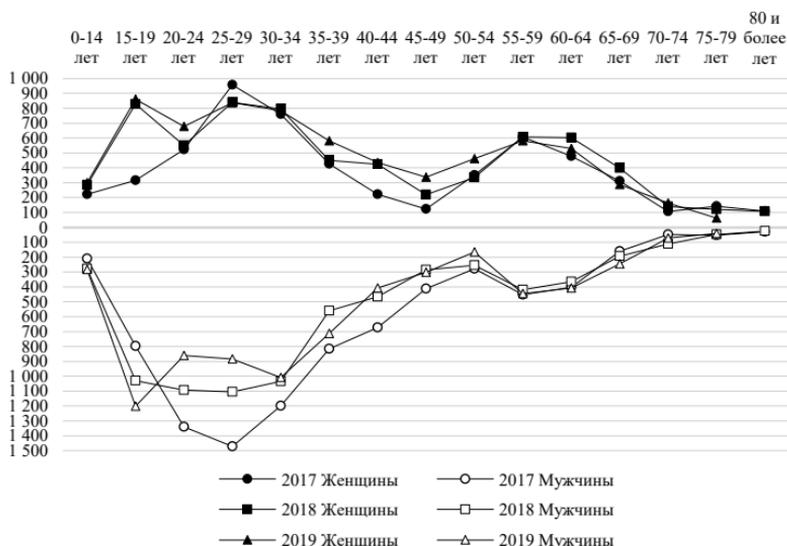

Рис. 9. Возрастно-половой состав миграционного прироста населения Тюменской области в 2017–2019 гг., чел.

Таким образом, Тюменская область, несмотря на внешние шоки, привлекает мигрантов трудоспособного возраста, которые не только пополняют численность населения и резервы рабочей силы, но и меняют их структуру.

Динамика численности и структура рабочей силы и трудовых ресурсов

Численность населения трудоспособного возраста в Тюменской области почти непрерывно росла в 2000–2020 гг. (кроме кризисных 2009–2010 и 2014 гг.) и к концу периода превысила 874 тыс. человек. За тот же период численность рабочей силы увеличилась почти на 106 тыс. человек и в 2020 г. превысила 731 тыс. человек (рис. 10).

Прямое сопоставление численности населения трудоспособного возраста и рабочей силы лишено смысла в силу различий возрастных и иных критериев, методик учета, тем не менее сближение данных показателей отражает сокращение резервов роста предложения труда. Изменение численности и уровня экономической активности населения в Тюменской области происходило

синхронно: в 2000–2020 гг. уровень экономической активности лиц в возрасте 15–72 лет менялся в диапазоне от 60,8% до 67,6% и в 2020 г. составил 64,7%, что ниже среднероссийского (67,6%), однако в группах от 20 до 49 лет в разные годы наблюдалось превышение среднероссийских показателей. Таким образом, незначительные резервы роста предложения труда в Тюменской области имеются, ситуация относительно благополучна.

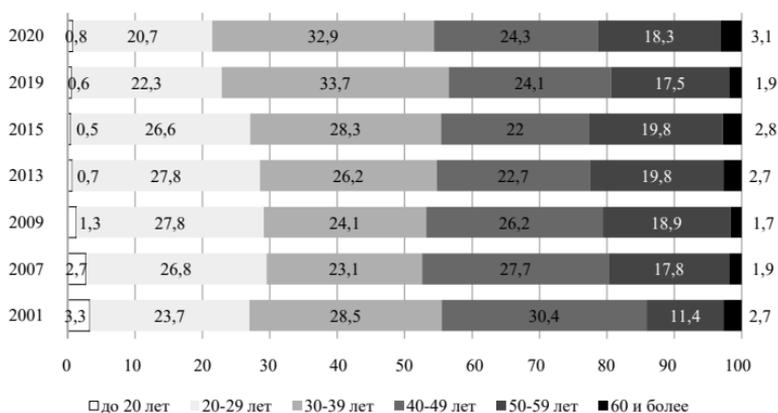
Рис. 10. Численность рабочей силы и лиц трудоспособного возраста в Тюменской области в 2000–2020 гг., тыс. чел.

С 2017 г. Росстат в составе рабочей силы учитывает лиц в возрасте 15 лет и старше, без верхней границы возраста. В Тюменской области рабочая сила старше 72 лет малочисленна и сократилась в 2018–2020 гг. с 1448 до 209 человек. На рисунке 11 представлена структура рабочей силы по десятилетним возрастным группам: за двадцатилетний период в ней сократилась доля лиц до 30 лет при снижении численности молодежи в составе населения области, а также 40–49-летних, увеличилась доля возрастных групп 30–39 и 50–59 лет, наблюдались колебания доли лиц 60 лет и старше, что в основном соответствует общероссийским тенденциям.

Потенциал роста рабочей силы составляют лица в возрасте от 15 лет и старше, ищущие работу, но готовые к ней приступить не в настоящий момент, а в течение двух недель после опроса, или потенциально готовые приступить к работе в настоящий момент, но не ищущие ее¹³. Показатели потенциальной рабочей силы Росстат начал публиковать относительно недавно. Численность потенциальной рабочей силы в Тюменской области

¹³ Приказ Росстата от 30.06.2017 № 445 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

в 2019 г. составила 19,4 тыс. человек (в том числе 16,3 тыс. человек трудоспособного возраста), или 4,2% от общей численности лиц вне экономически активного населения. В возрастной структуре наиболее весомы группы лиц за пределами возраста трудоспособности и близкие к ним: 70 лет и старше (21,4%); 60–69 лет (33,4%), 50–59 лет (14,6%); 15–19 лет (14,2%). Значительно менее весомы возрастные группы 40–49 лет (3,1%), 20–29 лет (9,2%), 30–39 лет (4,2%). В образовательной структуре преобладают группы лиц с первичным и вторичным образованием (около 40% и 39% соответственно). В 2020 г. потенциальная рабочая сила сократилась до 17,4 тыс. человек.

Источник. Рассчитано и составлено авторами по данным Росстата и проекта «Инфраструктура научно-исследовательских данных» АНО «ЦПУР», URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/156/>

Рис. 11. Структура рабочей силы Тюменской области по возрастным группам в 2001–2020 гг., %

Российские границы трудоспособного возраста длительное время определяли более короткий, чем во многих странах мира, период трудовой активности. Сокращение трудоспособной части в структуре российского населения на фоне его общего старения обуславливает интерес к такому показателю, как ожидаемая продолжительность трудовой (экономически активной) жизни. Оценку данного показателя целесообразно проводить на основе метода Салливана с использованием таблиц смертности, а также данных об уровне и статусе экономической активности

(занятый, безработный) по полу и возрастным группам [Денисенко, Варшавская, 2017].

Возможности полноценного применения данного метода для Тюменской области ограничены неполнотой требуемых данных и проблемой их сопоставимости вплоть до 2019 г., поэтому расчет показателей ожидаемой продолжительности жизни общей, а также в экономически активном и неактивном состояниях, в статусах занятого и безработного проведен на данных 2019–2020 гг. по 10-летним возрастным группам без гендерного разделения (таблица). В расчетах использованы имеющиеся в открытом доступе данные Центра демографических исследований РЭШ (среднегодовая численность населения по возрастным группам, возрастные коэффициенты смертности) и Росстата (число умерших по возрастным группам, возрастные коэффициенты смертности, показатели занятости, безработицы и ЭАН).

**Ожидаемая продолжительность жизни населения
Тюменской области в возрасте 15 лет и старше
в 2019, 2020 гг., лет**

Возраст, лет	Общая		Трудовая		В статусе занятого		В статусе безработного		Экономиче- ски неактив- ная	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
15–19	58,7	56,8	31,9	32,0	30,6	30,4	1,4	1,6	26,8	24,8
20–29	54,0	52,0	31,8	31,7	30,5	30,2	1,3	1,5	22,2	20,3
30–39	44,5	42,5	24,2	24,2	23,5	23,3	0,7	0,9	20,3	18,3
40–49	35,8	33,8	15,6	16,1	15,1	15,5	0,5	0,5	20,2	17,7
50–59	27,8	25,8	7,0	7,8	6,8	7,6	0,2	0,2	20,8	18,1
60–69	20,2	18,4	0,8	1,2	0,8	1,1	0,0	0,0	19,3	17,2
70+	13,6	12,0	0,2	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	13,4	11,9

Источник. Рассчитано авторами на основе данных Росстата и РосБРИС. Центр демографических исследований РЭШ. Российской базы данных по рождаемости и смертности. URL: http://www.demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

Согласно нашим расчетам, по состоянию на 2019 г. ожидаемая продолжительность трудовой жизни лиц в возрасте 20–29 лет, в том числе в статусе занятого, почти совпадает с показателями 15–19-летних, ориентированных преимущественно

на образовательную деятельность. Ожидаемая продолжительность экономически неактивной жизни лиц 30–59 лет близка к общей продолжительности жизни 60–69-летних. Трудовая жизнь населения 60+ лет длится менее одного года исключительно в статусе занятого и является лишь краткосрочной альтернативой пенсии.

Учитывая повышение пенсионного возраста в России при увеличении ожидаемой продолжительности жизни на фоне сокращения смертности населения трудоспособного возраста в Тюменской области, полагаем, что в 2019 г. ожидаемая продолжительность трудовой жизни превышала значения предыдущего десятилетия.

В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 и ее социально-экономических последствий наблюдается сокращение на 1,6–2 года ожидаемой продолжительности жизни населения анализируемых возрастных групп, а также ее перераспределение между трудовой и экономически неактивной, обеспечиваемое повышением пенсионного возраста с 2019 г. (таблица). Расчеты показывают, что при сокращении экономически неактивной жизни в 2020 г. на 1,5–2,7 года, прирост времени трудовой жизни составит не более 0,8 года. Наиболее заметные изменения происходят в возрастных группах от 40 до 69 лет.

Население, проживающее в Тюменской области, способно реализовать свою экономическую активность как внутри, так и за ее пределами, пополняя трудовые ресурсы и формируя предложение труда на локальных рынках Тюменской области, других субъектов РФ и зарубежных стран. С точки зрения формирования предложения труда и реализации на территории Тюменской области экономической активности населения различных субъектов РФ и стран интересен показатель трудовых ресурсов.

В 2011–2018 гг. численность трудовых ресурсов Тюменской области снизилась на 26,3 тыс. человек, при этом сокращение числа лиц трудоспособного возраста составило более 58 тыс. и было компенсировано приростом численности рабочей силы старших возрастов, подростков и иностранных граждан лишь частично. В 2019–2020 гг. численность трудовых ресурсов снизилась еще на 24,2 тыс., однако прирост количества лиц трудоспособного возраста на 12,5 тыс. частично компенсировал снижение этого показателя для других возрастных групп.

Соответственно, менялась структура трудовых ресурсов региона: за 2011–2018 гг. доля населения трудоспособного возраста сократилась на 4,5 п.п. при увеличении долей лиц старших возрастов и подростков на 0,4 п.п., иностранных граждан – на 4,1; в 2019–2020 гг., напротив, фиксируется рост доли лиц трудоспособного возраста на 3,7 п.п. при сокращении долей лиц старших возрастов и подростков на 0,3 п.п., иностранных граждан – на 3,4.

Заметим, что среднегодовая численность лиц трудоспособного возраста в составе трудовых ресурсов Тюменской области, как правило, превышает среднегодовую численность населения того же возраста. Максимум был достигнут в 2014 г. – 100 тыс. человек, почти 10% трудовых ресурсов, к 2020 г. разрыв сократился почти до 10 тыс. Расхождение показателей невозможно объяснить только различием в методологии учета населения и трудовых ресурсов. Полагаем, столь значительная разница образуется за счет временной трудовой миграции, в том числе неучтенной. География трудовых ресурсов Тюменской области обширна, источниками пополнения является население различных субъектов РФ, составляющих преимущественно Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа [Вишневский и др., 2017], СНГ и других зарубежных стран.

Заключение

Характеристики населения, рабочей силы и трудовых ресурсов Тюменской области в исследуемом периоде менялись под влиянием общих для России демографических процессов (в том числе обусловленных низкой рождаемостью в 1990-х годах), административных реформ (повышение пенсионного возраста, начиная с 2019 г.), внешних шоков (экономические и политические кризисы, пандемия COVID-19), особенностей регионального развития и реализуемой социально-экономической политики. Тюменская область обладает демографическими характеристиками, как сходными с общероссийскими, так и отличающимися.

Население области с 2007 г. растет темпами, превышающими общероссийские, имеет близкую к российской возрастную-половую структуру населения с характерным движением демографической волны, «демографическими ямами» в возрастных группах 15–24 и 45–54 лет, сокращением старших возрастных групп и численным перевесом женского населения. Характерное

для России старение населения наблюдается и в Тюменской области – повышается средний возраст ее жителей.

Возрастной тип населения Тюменской области регрессивный, структура населения по укрупненным группам аналогична общероссийской, ее изменение в пользу лиц нетрудоспособного возраста соответствует общей тенденции, как и повышение демографической нагрузки. Тем не менее уровень этой нагрузки в области ниже среднероссийского и большинства субъектов РФ.

Основным источником роста численности населения Тюменской области, начиная с 2007 г., является миграционный прирост, увеличивающий также численность рабочей силы. Он обеспечивается преимущественно лицами мужского пола трудоспособного возраста при наблюдаемом в прошедшем десятилетии сокращении их доли в пользу детей и лиц пенсионного возраста.

Миграционный прирост трудоспособного населения, снижение показателей смертности, в том числе населения трудоспособных возрастов, вступление в трудоспособный возраст более многочисленных когорт способствовали увеличению численности населения трудоспособного возраста, а также рабочей силы и трудовых ресурсов в Тюменской области вплоть до 2020 г. Старение населения при снижении рождаемости, резкий рост смертности и падение ожидаемой продолжительности жизни в условиях пандемии COVID-19 при параллельном повышении пенсионного возраста создают угрозы сокращения численности и изменения структуры рабочей силы и трудовых ресурсов области в будущем и обуславливают особенности предложения труда со стороны возрастных работников. Приток мигрантов характеризуется нестабильной численностью и возрастно-половым составом, что определяет интерес к изучению и регулированию количества и качества рабочей силы, формирующей предложение труда в Тюменской области.

Уровень экономической активности населения Тюменской области отстает от среднероссийского в целом, но в разные годы превосходит его в возрастных группах от 20 до 49 лет. Его рост способен увеличить продолжительность трудовой жизни. Свой вклад в динамику данных показателей вносит постепенное повышение пенсионного возраста в России, а непредвиденный рост смертности населения сокращает в первую очередь время жизни вне экономической активности. Таким образом, име-

ющиеся в области резервы роста предложения труда (за счет миграционного прироста, повышения уровня экономической активности молодежи и лиц старших возрастов, постепенного повышения пенсионного возраста) весьма ограничены. По мере исчерпания резервов при изменении численности и структуры экономически активного населения относительно благополучная до 2020 г. ситуация с предложением труда в Тюменской области может стать напряженной.

Литература

Вшивневский А. Г., Щербакова Е. М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70.

Вшивневский А. Г., Зайончковская Ж. А., Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В. Демографические вызовы России. Часть третья – миграция // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. [Эл. ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 12.05.21).

Денисенко М. Б. Население России до 2025 года // Pro et Contra. 2012. № 4–5 (56). С. 153–170.

Денисенко М. Б., Варшавская Е. Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 4. С. 592–622.

Денисенко М. Б., Козлов В. А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. 6–35.

Зубаревич Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 4–5 (56). С. 135–152.

Исупова О. Г. Отношение к мерам стимулирования рождаемости по данным микропереписи 2015 // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 25–56.

Капелюшников Р. И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 2. С. 8–63. № 3. С. 8–53.

Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 66–92.

Маньшин Р. В., Моисеева Е. М. Миграция населения в Сибири: тенденции и проблемы регулирования // Наука. Культура. Общество. 2020. Том. 26. № 1. С. 13–22.

Российский рынок труда через призму демографии: монография / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 436 с.

Сидоренко В. Н., Денисенко М. Б., Игонин А. И., Тикунов, В. С. Географический анализ изменений демографической ситуации в России за последние 150 лет // География и природные ресурсы. 2011. № 3. С. 5–13.

Хасанова Р. Р., Зубаревич Н. В. Рождаемость, смертность населения в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 77–87.

Шартова Н. В., Крайнов В. Н., Малхазова С. М., Тикунов В. С. Пространственный анализ смертности городского населения // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 5. С. 45–51.

Статья поступила 06.07.2021

Статья принята к публикации 09.08.2022

Для цитирования: Обухович Н.В., Токарева О.Е. Население и рабочая сила Тюменской области в XXI веке // ЭКО. 2022. № 6. С. 145–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-145-167

Summary

Obukhovich, N.V., Cand. Sci. (Econ.), Tokareva, O.E., Cand. Sci. (Econ.), University of Tyumen, Tyumen

Population and Workforce of the Tyumen Region in the 21st Century

Abstract. The paper reflects the demographic characteristics of the Tyumen region, similar and different from the all-Russian, and outlines the regional features of the formation of the labor force and labor resources in 2000–2020. It is shown that the Tyumen region is attractive for the development of business and life of the population, it is characterized by a positive balance of migration even in the conditions of the Covid-19 pandemic. Migration growth is provided mainly by people of working age, replenishing the population, labor force and labor resources, as well as influencing their structure. The region has limited reserves of labor force and labor resources growth.

Keywords: Tyumen region; demographic characteristics of the subject; migration growth; natural population growth; labor force; labor supply

References

Denisenko, M.B. (2012). Population of Russia until 2025. *Pro et Contra. Pro et Contra*. No. 4–5 (56). Pp. 153–170. (In Russ.).

Denisenko, M.B., Varshavskaya, E. Ya. (2017). Working Life Expectancy in Russia. *Jekonomicheskij zhurnal HSE. HSE Economic Journal*. T. 21. No. 4. Pp. 592–622. (In Russ.).

Denisenko, M.B., Kozlov, V.A. (2018). Generation accounts and demographic dividend in Russia. *Demograficheskoe obozrenie. Demographic Review*. Vol. 5. No. 4. Pp. 6–35. (In Russ.).

Hasanova, R.R., Zubarevich, N.V. (2021). Birth Rate, Mortality and Situation of Regions at the Onset of the Second Wave of Pandemic. *Russian Economic developments*. Vol. 28. No. 1. Pp. 77–87. (In Russ.).

Isupova, O.G. (2018). Attitudes to pronatalist policy measures according to the data of the 2015 micro-census. *Demographic Review*. Vol. 5. No. 3. Pp. 25–56. (In Russ.).

Kapelyushnikov, R.I. (2019). The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects. *Ekonomicheskaya politika*. Vol. 14. No. 2. Pp. 8–63. (In Russ.); No. 3. Pp. 8–53. (In Russ.).

Kapelyushnikov, R.I., Oshchepkov, A. Yu. (2014). The Russian labor market: paradoxes of the postcrisis performance. *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 66–92. (In Russ.).

Man'shin, R.V., Moiseeva, E.M. (2020). Migration of population in Siberia: trends and regulatory problems. *Science. Culture. Society*. Vol. 26. No. 1. Pp. 13–22. (In Russ.).

Sidorenko, V.N., Denisenko, M.B., Igonin, A.I., Tikunov, V.S. (2011). Geographical analysis of the changes in the demographic situation in Russia for the last 150 years. *Geography and Natural Resources*. No. 3. Pp. 5–13. (In Russ.).

Shartova, N.V., Krajnov, V.N., Malhazova, S.M., Tikunov, V.S. (2020). Spatial analysis of urban mortality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. Vol. 5. Pp. 45–51. (In Russ.).

The Russian Labour Market Through the Prizm of Demography. V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov. HSE Publishing House. 436 p. (In Russ.).

Vishnevskii, A.G., Shcherbakova, E.M (2018). Demographic brakes of the economy. *Voprosy jekonomiki. Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 48–70. (In Russ.).

Vishnevskii, A.G., Zajonchkovskaya, Zh.A., Denisenko, M.B., Mkrtychyan, N.V. (2017). Demographic challenges of Russia. Part Three-Migration. *Demoskop Weekly*. No. 753–754. (In Russ.). Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (accessed: 12.05.2021).

Zubarevich, N.V. (2012). Social differentiation of Russian regions and cities. *Pro et Contra. Pro et Contra*. Vol. 16. No. 4–5 (56). Pp. 135–152. (In Russ.).

For citation: Obukhovich, N.V., Tokareva, O.E. (2022). Population and Workforce of the Tyumen Region in the 21st Century. *ECO*. No. 6. Pp. 145–167. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-145-167

Где на Руси жить хорошо?

К.П. ГЛУЩЕНКО, доктор экономических наук

E-mail: glu@nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1209-3809

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. Межрегиональные сравнения душевых доходов не дают представления о действительных территориальных различиях в благосостоянии населения, поскольку уровни цен разнятся от региона к региону. Информацию об уровнях цен содержат индексы стоимости жизни, публикуемые Росстатом с 2009 г. Хотя они даются по городам, их довольно легко можно агрегировать по субъектам Федерации. В статье приводятся полученные таким образом региональные уровни цен за 2021 г. и результаты оценки на основе их реальных душевых доходов в регионах России.

Ключевые слова: индекс стоимости жизни; уровень цен; реальный душевой доход; межрегиональные сравнения

Введение

Непосредственные межрегиональные сравнения душевых доходов не дают представления о действительных различиях в благосостоянии населения. Дело в том, что уровень потребительских цен в каждом регионе свой, и потому одна и та же величина дохода в разных частях страны обеспечивает различные, порой значительно, уровни потребления.

На первый взгляд, можно было бы воспользоваться данными официальной статистики о динамике реальных доходов населения по субъектам Федерации. Однако по ним можно судить лишь о том, как менялись реальные доходы в одном и том же регионе, но нельзя сравнивать регионы между собой. Причина в том, что такие оценки делаются на основе региональных индексов потребительских цен (ИПЦ), в которых веса товаров и услуг различаются, хотя сам набор товаров и услуг один и тот же. Проще говоря, реальные доходы в регионах рассчитываются по стоимостям разных потребительских корзин. А для корректных сопоставлений нужно использовать единую для всей страны корзину, определяя, сколько таких корзин может купить на свой доход средний житель того или иного субъекта Федерации. Поделив стоимость этой корзины в регионе на её стоимость в среднем по стране, получим относительный (к среднему

по стране) региональный уровень цен, или пространственный индекс цен¹.

До 2002 г. в качестве индикатора региональных уровней цен использовалась стоимость минимального набора продуктов питания. Поначалу этот набор содержал 19 наименований, к настоящему времени их число дошло до 33. Такой показатель более-менее хорошо работал в 1990-е годы, когда основную часть своих доходов население тратило на питание. А потом перестал – больно уж низкая у него представительность. Однако с 2002 г. Росстат стал оценивать стоимость ещё одной потребительской корзины – фиксированного набора потребительских товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения. Он гораздо представительнее: в него входят 83 наименования продуктов, промтоваров и услуг. Им широко пользовались (и продолжают пользоваться) экономисты для межрегиональных сравнений доходов, зарплат, уровней потребления и т.п.

А с 2009 г. Росстат стал оценивать ещё более представительный показатель – индекс стоимости жизни, т.е. уровень цен относительно среднего по России. Однако у него есть одно неудобство: он даётся не по регионам, а по городам. Для межрегиональных сравнений нужно агрегировать этот показатель, превратив его в региональный. В статье приводятся результаты такого агрегирования и полученные на его основе оценки реальных душевых доходов в регионах страны за 2021 г.

Индекс стоимости жизни

Индекс стоимости жизни (ИСЖ) представляет собой стоимость корзины, содержащей 275 продовольственных товаров, промтоваров и услуг (основную часть наименований, которые

¹ Недостаток такого метода в том, что структура потребления во всех регионах считается одинаковой, чего на практике не бывает. Однако этот недостаток искупается простотой расчёта. Существует иной подход, позволяющий учесть различия в структуре потребления между регионами. Он используется в таких пространственных индексах цен, как индексы Жири-Хамиса и Элтетё-Кёвеша-Шульца. Но методы их расчёта сложны и требуют знания реальной структуры потребления в каждом регионе (т.е. систем весов в региональных ИПЦ). Эта информация по российским субъектам Федерации практически недоступна. Возможно, поэтому для России такие индексы, насколько известно, до сих пор не рассчитывались. Довольно обстоятельные обзоры оценивания региональных уровней цен в разных странах содержатся в работах [Aten, 2017; Weinand, Auer, 2020].

охватывает ИПЦ) в данном городе по отношению к средней по России². Так что при оценке с помощью ИСЖ реальных доходов нельзя сказать, сколько корзин можно купить на данный доход, можно только судить, насколько реальный доход больше или меньше среднего по стране.

Веса товаров и услуг в ИСЖ те же, что используются в ИПЦ, рассчитываемом по России в целом. Таким образом, жителям всех городов, для которых рассчитывается ИСЖ, «вменяется» среднероссийская структура потребления (так как веса представляют собой доли расходов на отдельные товары и услуги в общем объёме потребительских расходов на все товары и услуги, входящие в корзину).

ИСЖ рассчитывается по всем городам, где ведётся статистическое наблюдение за ценами, в 2021 г. их было 282. Число таких городов в регионе составляет от одного (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и небольшие субъекты Федерации) до 15 (Московская область). В среднем на один регион приходится 3,4 города.

Поскольку представлены все 85 регионов страны, «городские» ИСЖ можно агрегировать в региональные, т.е. рассчитать региональные уровни цен. Работа эта несложная, хотя и трудоёмкая. Средняя цена по региону, согласно официальной статистической методологии, рассчитывается как среднее взвешенное по обследуемым в регионе городам, а в качестве веса города используется доля численности его населения в общем населении этих городов. Нетрудно показать (см. [Глущенко, Карандашова, 2017]), что таким же образом можно рассчитать и средний ИСЖ по региону.

Полученные результаты приведены в таблице 1. В качестве исходных данных использовались ИСЖ по городам за 2021 г. и численность населения городов на 1 января 2021 г.³

² Методологические рекомендации по расчету индексов стоимости жизни в отдельных городах Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/meta_ipc.doc

³ Индекс стоимости жизни по отдельным городам Российской Федерации [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Index_stoim_jizni_2011-2021.xlsx (дата обращения: 15.03.2022); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul_Chislen_nasel_MO-01-01-2021.rar (дата обращения: 15.03.2022).

**Таблица 1. Региональные уровни цен в РФ в 2021 г., %
(Россия = 100%)**

Низкий (90% и ниже)
Респ. Ингушетия (77), Респ. Мордовия (84), Белгородская обл. (86), Респ. Марий Эл (87); Чувашская Респ., Омская обл. (88); Липецкая, Пензенская, Оренбургская, Саратовская обл., Чеченская Респ., Респ. Северная Осетия, Респ. Татарстан (89); Курская, Волгоградская, Орловская обл., Кабардино-Балкарская Респ. (90)
Умеренно низкий (91–94%)
Тамбовская, Кемеровская обл. (91); Кировская, Воронежская обл., Респ. Башкортостан, Карачаево-Черкесская Респ. (92); Алтайский край, Челябинская, Самарская обл., Респ. Адыгея (93); Ульяновская, Брянская обл., Удмуртская Респ., Респ. Дагестан, Респ. Тыва (94)
Около среднероссийского уровня (95–105%)
Ивановская, Костромская, Новгородская, Астраханская, Тверская обл. (95); Респ. Калмыкия, Ростовская, Рязанская, Иркутская обл. (96); Курганская, Смоленская, Псковская обл., Респ. Хакасия, Ставропольский край (97); Владимирская, Тульская, Нижегородская, Свердловская, Калужская, Новосибирская, Ярославская обл., Респ. Крым (98); Томская обл., Респ. Бурятия (99); Тюменская обл. без автономных округов, Краснодарский край (100); Севастополь, Пермский край (101); Калининградская, Ленинградская обл. (102); Вологодская обл., Забайкальский край (103); Респ. Алтай, Красноярский край (104)
Высокий (106–115%)
Амурская обл. (106), Архангельская обл. без Ненецкого АО (107); Респ. Карелия, Респ. Коми, Московская обл. (108); Еврейская авт. обл. (111), Санкт-Петербург (112); Приморский край, Ханты-Мансийский АО (113)
Очень высокий (выше 115%)
Ямало-Ненецкий АО (117), Мурманская обл. (119), Хабаровский край (121); Сахалинская обл., Москва (125); Респ. Якутия (131), Ненецкий АО (132), Магаданская обл. (134), Камчатский край (141), Чукотский АО (157)

Регионы в таблице условно разделены по уровням цен на пять градаций. Самый «дешёвый» для проживания субъект Федерации в стране – Ингушетия. Группа регионов с низким уровнем цен – на 10% и более ниже среднероссийского – довольно многочисленна, она включает 17 субъектов Федерации. Сюда входят почти все республики Северного Кавказа, лишь Дагестан и Карачаево-Черкесия попадают в группу с умеренно низким уровнем цен. Казалось бы, вот где жить хорошо. Но дешевизна – это ещё не всё. Обычно низкий уровень цен характерен для бедных регионов⁴, где низки и реальные доходы. И, как будет видно из следующего раздела, невысокая стоимость жизни далеко не компенсирует низкие номинальные доходы.

Самую многочисленную группу (34 региона) составляют субъекты Федерации, где уровень цен находится в диапазоне $\pm 5\%$

⁴ Это не относится к отдалённым регионам, где высокие цены вызваны значительными затратами на доставку товаров.

от среднероссийского. Несколько странным может показаться присутствие здесь Красноярского края с его обширными северными территориями, жизнь в которых довольно дорогая. Дело в том, что из северных городов края цены регистрируются только в Норильске. И хотя там действительно очень высокие цены (ИСЖ равен 134%), его вклад в региональный уровень цен составляет всего 11%, что увеличивает общий уровень цен в крае лишь на три процентных пункта.

Из таблицы также видно, что расхожее мнение о дороговизне в Сибири неверно. Кроме северных автономных округов Тюменской области, во всех остальных сибирских регионах цены или около среднероссийского уровня (максимум на 4% выше него в Республике Алтай и Красноярском крае), или заметно ниже (вплоть до 12% в Омской области). А вот дальневосточные территории почти все попадают в группы «дорогих» и «очень дорогих», исключение составляют только Бурятия и Забайкальский край (но и они всегда относились к Сибири, и лишь недавно вошли в состав ДФО). В эти же две группы входят северные регионы европейской и азиатской частей страны и мегаполисы Москва и Санкт-Петербург (высокие уровни цен в мегаполисах наблюдаются и во многих других странах), а также Московская область. А самый высокий уровень цен, как и следовало ожидать, на Чукотке.

Реальные душевые доходы в регионах

В таблице 2 приведены оценки реальных доходов в регионах страны в 2021 г. Они рассчитаны корректировкой номинальных доходов⁵, отнесённых к среднему по России, на региональные уровни цен. Реальные душевые доходы разделены уже на семь градаций, потому что разброс доходов гораздо больше, чем уровень цен. В то время как максимальный уровень цен превосходит минимальный в два раза, у реальных доходов это соотношение

⁵ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ugov_10subg_nm.xlsx (дата обращения: 07.03.2022). Относительно доходов за 2021 г. отмечено, что эти данные предварительные. Однако, как показывает опыт, последующие корректировки обычно непринципиальны и приводят к изменению реальных душевых доходов в некоторых регионах максимум на два процентных пункта в ту или иную сторону.

почти вдвое больше – 3,9 раза (а различие номинальных доходов и вовсе доходит до 5,4 раза).

Таблица 2. Реальные доходы на душу населения в РФ в 2021 г., % (Россия = 100%)

Чрезвычайно низкие (менее 60%)
Респ. Тыва (53); Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская Респ. (55); Респ. Алтай (56), Респ. Ингушетия (59)
Очень низкие (61–70%)
Курганская обл. (61); Респ. Крым, Респ. Марий Эл (66); Чувашская Респ., Респ. Хакасия (67); Респ. Мордовия, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Респ. (68); Алтайский край, Еврейская авт. обл. (69); Забайкальский край, Респ. Бурятия, Астраханская обл. (70)
Низкие (71–80%)
Архангельская обл. без Ненецкого АО, Кировская обл. (71); Ульяновская обл. (72); Респ. Северная Осетия, Саратовская обл., Владимирская обл. (73); Удмуртская Респ., Пензенская, Костромская, Оренбургская обл. (74); Чеченская Респ., Псковская обл. (75); Ивановская, Новгородская, Вологодская обл. (76); Кемеровская обл., Севастополь, Волгоградская, Калининградская, Томская обл. (77); Рязанская, Челябинская, Иркутская обл. (78); Смоленская обл. (79), Тверская обл. (80)
Умеренно низкие (81–94%)
Пермский край, Респ. Карелия, Респ. Дагестан (81); Орловская обл. (82); Тульская, Тамбовская, Брянская, Омская обл. (83); Ярославская обл. (84), Красноярский край (85), Самарская обл. (86), Тюменская обл. без автономных округов, Новосибирская обл., Респ. Коми, Респ. Башкортостан (88); Ленинградская, Калужская обл., Приморский край (90); Курская, Ростовская обл., Хабаровский край (91); Амурская обл. (92), Респ. Адыгея (94)
Около среднероссийского уровня (95–105%)
Респ. Якутия (95); Воронежская, Нижегородская обл. (96); Липецкая обл. (98); Краснодарский край, Свердловская обл. (102); Белгородская обл. (104)
Умеренно высокие (107–111%)
Мурманская обл., Камчатский край (107); Респ. Татарстан (111)
Очень высокие (125% и выше)
Московская обл. (125), Санкт-Петербург (126), Ханты-Мансийский АО (127), Сахалинская обл. (128), Магаданская обл. (141), Чукотский АО (156), Москва (173), Ненецкий АО (199), Ямало-Ненецкий АО (205)

Самый бедный регион в стране – Тыва, где реальный душевой доход чуть больше половины среднего по стране. Всего же в группу беднейших с доходами ниже среднероссийского на 40% и более входят пять субъектов Федерации. Бедных регионов с реальным доходом на 30–39% меньше, чем в среднем по стране, – 13. Самая многочисленная группа – регионы, в которых реальный душевой доход отстаёт от среднего по России на 20–29%, их у нас 25. Чуть меньше, 23, «умеренно бедных» регионов, с реальными доходами от 81 до 94% от среднероссийского. В эти четыре группы с низкими доходами попадают почти все регионы с низким и умеренно низким уровнем цен (в том числе

все северокавказские республики). Есть лишь два исключения: Белгородская область с уровнем цен 86% и душевым доходом 104%, и Татарстан, где эти показатели соответственно равны 89 и 111%.

Группа регионов, где реальный душевой доход отличается от среднего по стране на $\pm 5\%$ и его можно считать примерно равным среднероссийскому, невелика, она включает всего семь субъектов Федерации. Самое удивительное, что в их числе находится Якутия (отставая от входящего в эту же группу Краснодарского края на семь процентных пунктов). Стало быть, районные коэффициенты – а в Якутии они установлены на уровне 1,4–2,0 в зависимости от района – лишь кое-как (и то не до конца) справляются с дороговизной в республике, но совершенно не компенсируют неблагоприятные условия жизни.

Относительно богатых регионов, где реальный душевой доход превышает средний по стране на 7–11%, всего три. Среди них Камчатка с районным коэффициентом 1,6–2,0. Вряд ли выигрыш в 7% к среднему по стране душевому доходу перевешивает неудобство жизни в столь отдалённом регионе (хотя климат там, конечно, не в пример лучше якутского). Да и попала Камчатка в эту группу впервые: в 2020 г. реальный душевой доход там составлял 102%, а в 2009–2019 гг. был и вовсе ниже среднего по стране. Эту группу отделяет от когорты очень богатых регионов разрыв в 14 процентных пунктов. Таких в нашей стране всего девять. Это, что вполне естественно, северные регионы и Сахалин, а также мегаполисы Санкт-Петербург и Москва с Московской областью, причём Москва по реальному душевому доходу занимает третье место в стране после Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО.

Таким образом, большинство (66) российских регионов относятся к бедным. Регионов, где реальный душевой доход близок к среднему по стране или превышает его, всего 19 или менее четверти (22,4%). Медиана распределения реальных душевых доходов равна 79,5%, т.е. в половине регионов реальный душевой доход отстаёт от среднего по стране более чем на 20%. Но тогда, как может показаться, и средний по стране доход должен быть низким. Этого, однако, не происходит. Среднестатистический показатель существенно увеличивают богатые регионы с большим населением: Московская область, Москва и Санкт-Петербург, в которых живёт 17,6% населения страны. Доля этих регионов

в среднем душевом доходе по России – почти треть: 31,5% (причём вклад одной только Москвы составляет 19,2%).

Рассмотренные реальные душевые доходы позволяют сравнивать регионы между собой. А как изменилась покупательная способность этих доходов по отношению к предыдущему году? Согласно предварительным данным Росстата, средний номинальный душевой доход в стране вырос за 2021 г. на 10,5%, обогнав инфляцию, составившую 8,4%. Таким образом, реальный доход на душу населения России увеличился на 1,9%.

Но в регионах инфляция была разной – где-то выше, а где-то ниже. В результате они разделились поровну: в 42 регионах покупательная способность душевых доходов выросла, а в 43 – упала. Наибольшим было падение в Калмыкии и Ненецком АО: на 5,9%, за ними идут Чечня и Ингушетия, 3,5 и 3,2%. Самым высоким рост покупательной способности душевых доходов оказался в Санкт-Петербурге и Адыгее: 6,4%, далее следуют Московская область (6,1%), Камчатка (6,0%), Москва (5,4%) и Нижегородская область (5,0%).

Заключение

Если относить душевые доходы в регионах к среднему по стране, то всегда у одних они будут выше среднего, а у других – выше. Но в России распределение (в статистическом смысле) реальных душевых доходов сильно скошено в сторону низких доходов: на 12 богатых регионов приходится 66 бедных (при этом примерно среднему уровню соответствуют всего семь регионов). Даже если не считать те субъекты Федерации, где высокий уровень доходов вполне естествен, компенсируя неблагоприятные условия жизни или/и удалённость (хотя и тут не всё благополучно, вспомним Якутию и Камчатку), разрыв в реальных душевых доходах всё равно чрезвычайно велик, составляя 3,3 раза (Москва к Тыве). Различия в уровнях цен в некоторой степени сглаживают межрегиональное неравенство по доходам (так, разрыв в номинальных доходах между Москвой и Тывой – 4,4 раза), но почти не меняют качественную картину.

Нужно оговориться, что реальные доходы рассчитаны на основе оценок номинальных душевых доходов официальной статистикой, в отношении которых имеются обоснованные сомнения (см., например [Зубаревич, 2012; Янцен, 2017]).

В частности, высказываются предположения о недооценке доходов в некоторых республиках Северного Кавказа из-за широкой распространённости там «неформальных» экономических отношений. Но и статистика не стоит на месте. С 2019 г. Росстат применяет новую методологию оценки доходов населения, призванную снять значительную часть вопросов, которые годами задавали статистикам. Но даже если это не так, вряд ли неточности статистики доходов могут привести к существенному искажению общей ситуации, показанной в этой статье.

Литература / References

Глуценко К.П., Карандашова М.А. Уровни цен в российских регионах // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 76–103. DOI: 10.15372/REG20170204

Gluschenko, K.P., Karandashova, M.A. (2017). Price levels across Russian regions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. No. 2. Pp. 76–103. (In Russ.) DOI: 10.15372/REG20170204

Зубаревич Н.В. «Лукавые цифры» на карте Родины // ЭКО. 2012. № 4. С. 74–85. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2012–4–74–85

Zubarevich, N.V. (2012). “Cunning figures” on the map of Russia. *ECO*. No. 4. Pp. 74–85. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2012–4–74–85

Янцен А.В. Альтернативные оценки доходов в регионах России // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 52–70. DOI: 10.14530/se.2017.1.052–070

Yantsen, A.V. (2017). Alternative estimates of personal income per capita in Russian regions. *Prostranstvennata Ekonomika*. No. 1. Pp. 52–70. (In Russ.) DOI: 10.14530/se.2017.1.052–070

Aten, V.H. (2017). Regional price parities and real regional income for the United States. *Social Indicators Research*. Vol. 131. No. 1. Pp. 123–143. DOI: 10.1007/s11205–015–1216-y

Weinand, S., Auer, L.v. (2020). Anatomy of regional price differentials: Evidence from micro-price data. *Spatial Economic Analysis*. Vol. 15. No. 4. Pp. 413–440. DOI: 10.1080/17421772.2020.1729998

Статья поступила 21.03.2022

Статья принята к публикации 27.03.2022

Для цитирования: Глуценко К.П. Где на Руси жить хорошо? // ЭКО. 2022. № 6. С. 168–177. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2022–6–168–177

Summary

Gluschenko, K.P., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

Where in Russia Does One Live Well?

Abstract. Comparisons of incomes per capita between regions do not give an idea of the real differences in the well-being of regions' population. The reason is that price levels vary across regions. Cost-of-living indices published by Rosstat since 2009 provide information on price levels. Despite they are reported by city rather by region, these data can be easily aggregated into regional price levels. This paper reports regional price levels obtained with the use of such aggregation for 2021 and reports results of estimating real incomes per capita across the Russian regions based on these price levels.

Keywords: *cost-of-living index; price level; real per capita income; interregional comparisons*

For citation: Gluschenko, K.P. (2022). Where in Russia Does One Live Well? *ECO*. No. 6. Pp. 168–177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-168-177

Российский рынок акций в 2015–2020 гг.: волатильность и рыночная доходность

Т.Н. ПОЛЯКОВА, кандидат экономических наук

E-mail: polyakova@chemomstu.ru

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

УДК 336.763.2

JEL: G10, G14

Аннотация. В статье представлен статистический анализ волатильности и рыночной доходности российского рынка акций с 2015 по 2020 гг. в контексте влияния внутренних и внешних факторов, межрыночного взаимодействия. Рассматриваются последствия воздействия пандемии коронавируса на фондовые рынки и мировой рынок сырой нефти. Отмечаются периоды подверженности риску и падения рыночной доходности российского рынка акций. Автор приходит к выводу, что в целом на большей части годовых отрезков инвесторы позитивно относились к российскому рынку акций, о чем свидетельствуют незначительный уровень волатильности и положительная рыночная доходность.

Ключевые слова: рынок акций; волатильность; рыночная доходность; фондовые индексы; Московская биржа; рынок нефти; пандемия коронавируса

Введение

В последние годы все большее число отечественных частных инвесторов используют инвестиционные возможности, предоставляемые национальным рынком акций. Инвестиционная привлекательность рынка в тот или иной период оценивается через такие показатели, как волатильность и рыночная доходность.

В данной статье представлен статистический анализ волатильности и рыночной доходности российского рынка акций в период с 2015 по 2020 гг. в контексте влияния внутренних и внешних факторов, межрыночного взаимодействия. Исследование также присоединяется к обсуждению воздействия пандемии коронавируса на фондовые рынки и рынок сырой нефти. Его информационную основу составили официальные данные ПАО «Московская биржа», Банка России, S&P Dow Jones Indices, U. S. Energy Information Administration.

Волатильность и рыночная доходность рынка акций

Рыночная доходность акций как показатель прибыли определяет эффективность инвестиций. Волатильность как отклонение цены от среднего значения отражает инвестиционные риски. Сочетание различных факторов приводит к ценовому поведению акций, а значит, и рынка в целом. Таким образом рынок оценивает политические, общеэкономические, отраслевые, корпоративные факторы.

Расчет ценовых показателей акций осуществляется на исторических данных разной протяженности. Для целей инвестирования имеет значение оценка рыночной доходности и волатильности на годовых временных отрезках. Доходность, измеряемая в годовых процентах, позволяет провести сравнительную оценку разных инвестиционных продуктов. Волатильность на отрезках более года отражает не меру риска инвестиций, а тенденции развития рынка.

В расчетах фондовых показателей и их соотношения использовались ежедневные значения фондовых индексов на момент закрытия биржевого торгового дня:

- индексы Московской биржи: основные – индекс РТС (RTSI), рассчитываемый в долларах, и «рублевый» индекс МосБиржи (IMOEX); отраслевые индексы, рассчитываемые в рублях – нефти и газа (MOEXOG); финансового сектора (MOEXFN); потребительского сектора (MOEXCN); металлов и добычи (MOEXMM); телекоммуникаций (MOEXTL); химии и нефтехимии (MOEXCH); электроэнергетики (MOEXEU); транспорта (MOEXTN);
- индексы фондового рынка США: Dow Jones Composite Average (DJA); индекс капитализации 500 крупнейших компаний США (S&P 500);
- индексы международной компании MSCI inc¹: развитых стран (MSCI DM) и развивающихся стран (MSCI EM).

Российский рынок акций на годовых отрезках демонстрирует незначительную волатильность – степень рассеивания данных по индексу IMOEX варьирует в пределах 10%. Годовые значения волатильности отраслевых индексов Московской биржи также находятся в указанных пределах, за исключением 2020 г. Распространение коронавируса, принявшее масштабы пандемии,

¹ Совместное предприятие компаний Morgan Stanley и Capital Group.

поразило многие секторы экономики, что проявилось в увеличении диапазонов колебаний цен биржевых активов. Однако биржевая статистика показывает, что отрасли в разной степени были подвержены влиянию пандемического кризиса.

На большей части годовых отрезков мера разброса значений индекса развивающихся стран MSCI EM и российского индекса RTSI превышает колебания индекса развитых стран MSCI DM, а также биржевых индикаторов фондового рынка США – индексов DJI и S&P 500. Таким образом, подтверждаются повышенные риски инвестиций в ценные бумаги развивающихся стран.

Вместе с тем волатильность развивающихся рынков имеет тенденцию к снижению, а в 2019 г. она была ниже, чем у фондовых рынков развитых стран. Преобразования мировой финансовой системы (укрепление национальных валют развивающихся экономик, умеренное ослабление доллара США, падение доходности на развитых рынках), рост цен на сырьевые товары, а также появление корпоративных гигантов в развивающихся странах меняют отношение инвесторов к развивающимся рынкам к лучшему. Развивающиеся рынки больше не являются намного более рисковыми по отношению к развитым².

В период экономических кризисов волатильность фондовых, сырьевых, валютных рынков возрастает, что соответствует падению капитализации компаний, снижению спроса на сырье и росту спроса на валюту. Общемировой скачок волатильности, связанный с первой крупной волной пандемии коронавируса, зафиксирован в начале 2020 г. В одном из первых эмпирических исследований влияния коронакризиса на фондовые рынки рассматривается движение 18 индексов с наибольшей капитализацией, относящихся к странам, пострадавшим от пандемии. Исследование выявляет миграцию нестабильности из Китая в другие экономики и документирует финансовое заражение основных мировых фондовых рынков в течение первого квартала 2020 г. [Contessi, De Pace, 2021. P. 10].

Мощная глобальная экономическая рецессия из-за пандемии коронавируса в начале 2020 г. сильно повлияла на рынок нефти – вариативность цен нефти марки Brent превысила 30%.

² Зельцер М. Исследование: доказываем, что развивающиеся рынки больше не самые рискованные, особенно Россия [Эл. ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/issledovanie-dokazyvaem-chto-razvivaiushchiesia-rynki-bol-she-ne-samye-riskovye-osobenno-rossiia> (дата обращения: 06.09.2019).

Для сравнения: в 2015–2016 гг. коэффициент вариации колебался в пределах 15% по причине трансформации конъюнктуры – добычи сланцевой нефти в Канаде и США [Михайлов и др., 2019. С. 106]. COVID-19 снизил мировой спрос на сырую нефть, спровоцировал сложности совместных действий по обеспечению поставок между Саудовской Аравией и Россией. Ряд исследователей документируют влияние на рост волатильности нефтяных цен повышения экономической неопределенности, вызванной потрясениями спроса, шока поставок и, соответственно, беспокойства инвесторов [Bourghelle et al., 2021. P. 48].

К концу 2020 г. наблюдается восстановление стабильности на фондовых рынках, рынке сырой нефти как результат принятия национальных и межгосударственных антикризисных мер в области здравоохранения, в сфере экономики и нефтедобычи (табл. 1).

Таблица 1. Волатильность фондовых, сырьевых, валютных рынков в 2015–2020 гг. (коэффициенты вариации), %

Фондовые индексы	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (I кв.)	2020 (IV кв.)	2020
DJA	3,24	5,27	4,98	3,27	4,00	12,65	3,23	10,13
S&P 500	2,65	4,83	4,45	3,64	5,16	11,29	3,71	9,90
MSCI DM	3,40	4,11	4,68	3,69	4,47	11,58	4,47	9,93
MSCI EM	9,31	7,13	7,65	8,20	3,54	11,14	5,09	11,06
RTSI	9,89	12,34	4,84	5,74	7,79	19,06	8,47	12,99
IMOEX	3,84	6,35	4,98	2,80	6,32	11,59	6,28	8,18
MOEXOG	4,42	4,81	5,99	9,13	7,10	15,28	6,39	10,65
MOEXFN	9,98	9,07	6,19	9,41	4,98	13,07	7,17	12,95
MOEXCN	4,27	2,43	4,18	6,50	2,52	8,62	3,55	14,80
MOEXMM	6,30	11,07	5,18	3,39	2,50	5,83	5,55	11,87
MOEXTL	5,44	5,47	5,54	3,79	5,53	8,23	1,68	5,33
MOEXCH	13,05	3,27	3,49	3,95	2,81	3,22	3,16	4,06
MOEXEU	5,64	22,19	5,60	6,69	5,63	11,90	2,93	7,29
MOEXTN	11,22	24,90	8,33	12,83	4,46	16,06	5,99	12,73
Brent Price*	15,19	15,32	9,83	9,66	6,77	30,52	10,52	28,54
USD/RUB**	9,99	7,47	2,07	6,44	1,82	8,95	2,42	6,72

Примечание. * – Europe Brent Spot Price FOB, значения закрытия, (USD/bbl).

** – Официальные курсы доллара США к рублю Российской Федерации, устанавливаемые Банком России ежедневно.

Источник. Данные Московской биржи, Банка России, S&P Dow Jones Indices, U. S. Energy Information Administration.

Направления изменения доходности рынков развивающихся и развитых стран совпадают. Опережающий рост (относительно развитых стран) рынки развивающихся стран показали в 2016–2017 гг., что говорит о растущем интересе инвесторов к ним. Равное резкое падение доходности рынков фиксируется в первом квартале 2020 г., в период общемировой высокой волатильности.

Падение доходности мировых фондовых, энергетических рынков в начале 2020 г. вызвано экономическим кризисом на фоне пандемии коронавируса. Глобальный спрос на нефть в 2020 г. не восстановился, цены также не достигли докризисных уровней. Однако за счет контролируемого ограничения нефтедобычи удалось избежать избыточного объема предложения³.

По итогам 2020 г. падение мирового фондового рынка было преодолено, и зафиксирован рост. Напротив, доходность российского рынка по индексу RTSI была отрицательной (минус 11,30%) на фоне обесценения рубля. Динамика курса доллара США к российской валюте определяется ценами на нефть [Михайлов и др., 2019. С. 114].

Первое годовое падение доходности российского рынка акций после 2014 г. (минус 7,69% годовых) произошло в 2017 г., когда сформировался нисходящий тренд рыночной капитализации, принесший снижение активности на рынке. Спад был обусловлен резким сокращением производства в нефтяной промышленности (из-за ограничений по добыче), и электроэнергетике (в связи с теплым зимним сезоном)⁴. Снижение доходности финансового сектора в 2017 г. было связано с остановкой приватизации ПАО «ВТБ» из-за ввода санкций властей США против этого банка. Оно продолжилось и в 2018 г.⁵

На снижение доходности индекса потребительского сектора в 2017–2018 гг. оказали влияние слабые финансовые результаты ПАО «Магнит», связанные с расходами ритейлера по открытию

³ Обзор мировых энергетических рынков: рынок нефти. Январь 2021. НИФИ Минфина России. [Эл. ресурс]. URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/energo/2021/oilmarket_january_2021.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

⁴ Российский фондовый рынок: 2017 год События и факты [Эл. ресурс]. URL: <http://www.naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/RFR2017.pdf> (дата обращения: 17.05.2018).

⁵ Костин напомнил о сложности приватизации ВТБ из-за санкций [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/25/12/2019/5e03a2d99a7947142f9f5b39> (дата обращения: 25.12.2019).

новых и переоформлению существующих магазинов⁶. Падение акций сектора телекоммуникаций было обусловлено снижающейся популярностью услуг фиксированной связи и сокращением доходов компаний от продаж услуг зарубежным операторам на фоне укрепления курса рубля⁷.

Падение акций крупнейшего авиаперевозчика ПАО «Аэрофлот» с середины 2017 г. произошло, главным образом, по причине завышенных ожиданий роста⁸, что сказалось на отрицательной динамике всего индекса транспорта.

Давление на котировки российских бумаг в 2017 г. оказал также уход нерезидентов с рынка в связи с расширением наложенных на Россию экономических санкций.

В 2020 г., в отличие от 2017 г., инвестиционная активность частных инвесторов на отечественном рынке, вызвавшая рост котировок фундаментально недооцененных российских акций, позволила развернуть «рублевую» рыночную доходность к положительным значениям (табл. 2). Фактором увеличения инвестиций со стороны розничных инвесторов стало смягчение денежно-кредитной политики государства (снижение ключевой ставки Банка России). В целом индекс ИМОЕХ к концу 2020 г. фиксирует рост капитализации российского рынка акций при падении в начале года. Рынок не только быстро восстановился после первоначального падения стоимости, но и достиг новых исторических максимумов по уровню капитализации.

Распространение коронавируса оказало огромное влияние на экономику и фондовый рынок США: многие отрасли промышленности начали приходить в упадок, и наблюдалась отрицательная фондовая доходность. Но объявление ФРС США в марте 2020 г. о плане количественного смягчения для поддержки экономики эффективно восстановило доверие инвесторов, фондовые показатели большинства отраслей начали

⁶ Обвал акций «Магнита». Обобщение [Эл. ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/584144> (дата обращения: 21.10.2017).

⁷ ТМТ Рейтинг «Российский рынок телекоммуникаций: предварительные итоги 2017 года» [Эл. ресурс]. URL: <http://tmt-consulting.ru/wp-content/uploads/2017/12/%D0%A2%D0%9C%D0%A2-%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC-20171.pdf> (дата обращения: 28.12.2017).

⁸ Пике «Аэрофлота»: почему падают акции крупнейшего авиаперевозчика РФ [Эл. ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ad4a7349a7947271a5fa041> (дата обращения: 16.01.2018).

восстанавливаться [Chen, Yeh, 2021. P. 10]. Вместе с тем доказано, что влияние событий COVID-19 и ответных мер политики на фондовый рынок США не имеет исторических precedентов [Baker et al., 2020. P. 755].

Таблица 2. Доходность фондовых, сырьевых, валютных рынков в 2015–2020 гг., %

Фондовые индексы	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (I кв.)	2020 (IV кв.)	2020
DJA	-7,64	17,18	20,14	-7,78	21,88	-23,56	9,74	7,01
S&P 500	-0,69	11,24	18,42	-7,01	28,71	-20,67	11,10	15,29
MSCI DM	-2,74	5,32	19,99	-10,44	25,19	-21,44	13,03	14,06
MSCI EM	-16,96	8,57	34,41	-16,58	15,40	-23,87	19,03	15,85
RTSI	-0,56	53,79	-2,93	-9,66	42,52	-35,15	18,13	-11,30
IMOEX	22,69	28,72	-7,69	9,55	28,21	-18,45	13,81	6,91
MOEXOG	26,61	25,28	-11,78	34,13	24,84	-26,89	12,66	-17,04
MOEXFN	48,13	33,50	-17,44	-22,12	24,98	-23,29	10,95	20,70
MOEXCN	21,79	-0,31	-8,81	-13,67	8,20	-8,39	8,82	42,62
MOEXMM	7,23	48,32	3,80	6,64	10,63	3,15	17,05	45,76
MOEXTL	11,76	5,68	-2,94	-3,06	26,88	-6,60	-2,19	6,37
MOEXCH	71,43	5,37	1,39	4,04	3,08	3,81	5,64	13,68
MOEXEU	17,12	108,16	-9,59	-12,28	24,31	-10,63	5,75	12,44
MOEXTN	34,58	118,21	-0,78	-23,17	12,11	-26,89	2,39	-19,73
Brent Price*	-33,89	51,49	21,22	-24,13	25,36	-77,85	28,86	-23,61
USD/RUB**	29,60	-16,83	-3,83	21,78	-7,71	25,57	-6,23	19,34

Примечание. * – Europe Brent Spot Price FOB, значения закрытия, (USD/bbl).

** – Официальные курсы доллара США к рублю Российской Федерации, устанавливаемые Банком России ежедневно.

Источник. Данные Московской биржи, Банка России, S&P Dow Jones Indices, U. S. Energy Information Administration.

Взаимовлияние фондовых рынков

Российский финансовый рынок сегодня достаточно интегрирован в мировой финансовый сектор, что ожидаемо отражается на котировках отечественных ценных бумаг [Ильясов, Куразова, 2016. С. 65]. Для оценки инвестиционной привлекательности отечественного фондового рынка становится важным учет его

чувствительности к ведущим фондовым рынкам, а также близким по капитализации и ликвидности зарубежным торговым площадкам.

Исследование статистической взаимосвязи российского и мирового рынков акций проводилось путем сопоставления ежедневных значений различных биржевых индексов в течение каждого года рассматриваемого периода с помощью корреляционного анализа.

Расчеты показали, что взаимосвязь национальных индексов находится на должном уровне. Наблюдается высокая сила связи динамических характеристик американских индексов (DJA и S&P 500). Зависимость индексов российской биржи (RTSI и IMOEX) объясняется их однородностью: оба включают ликвидные акции крупных и динамично развивающихся российских компаний, относящихся к основным секторам экономики. Связь между индексами российской биржи, характеризующими изменение рынка в разных валютах, становится умеренной или слабой в периоды обесценения рубля (2015 г., 2018 г.).

Заметная и высокая корреляция между индексами США и индексом развитых стран объясняется тем, что основной страновой вклад в последний делает фондовый рынок США. Российские активы, слабо представленные в индексе развивающихся стран MSCI EM, напротив, не оказывают значимого влияния на его динамику.

Сила и направление статистической связи между индексами российского и американского рынков акций неоднородны, их отличия проявляются при значимых факторах изменения внутренней среды⁹. К таковым относятся колебания показателей внутреннего денежного и валютного рынков России: ключевой ставки и валютного курса рубля.

Замедление темпов роста российской экономики в 2015 г., вызванное повышением ключевой ставки Банка России и обесценением национальной валюты, повлияло на стоимость российских фондовых активов. Тогда же отмечено снижение коэффициентов корреляции между индексом RTSI и фондовыми индексами США. Сильное ослабление корреляционной связи

⁹ Зельцер М. Связанные одной целью [Эл. ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sviazannye-odnoi-tsel-iu> (дата обращения: 13.02.2020).

индексов России и США в 2017–2018 гг. происходит на фоне усилившегося политического и санкционного давления на Россию.

Однонаправленность в изменении стоимости фондовых рынков России и США наблюдается в 2016 г. и 2019 г. – в периоды послекризисной адаптации отечественной экономики. Смягчение денежно-кредитной политики государства и устойчивость национальной валюты определили снижение инвестиционных рисков и обусловили приток капитала, в том числе иностранного, на российский рынок.

Глобальные угрозы приводят к однонаправленному движению национальных фондовых рынков¹⁰. Эпидемия коронавируса стала одной из таких угроз. Во время пандемического кризиса возросла подверженность риску и интеграция (совместное движение) глобальных и национальных финансовых рынков [Davidovic, 2021. Р. 10]. В 2020 г. наблюдается высокая корреляция между мировыми индикаторами, отражающими состояние рынков акций развитых и развивающихся стран (табл. 3).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между фондовыми индексами в 2015–2020 гг., %

Фон- довые индексы	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (I кв.)	2020 (IV кв.)	2020
DJA / S&P 500	0,759201	0,968343	0,989467	0,961924	0,984001	0,998570	0,971762	0,964121
RTSI / IMOEX	0,046352	0,960314	0,915267	-0,100014	0,985049	0,992824	0,991053	0,838839
RTSI / DJA	0,488746	0,958579	0,093789	-0,031779	0,882326	0,977483	0,899903	0,684798
RTSI / S&P 500	0,645673	0,950398	0,025444	-0,030572	0,924931	0,971143	0,947270	0,565132
MSCI DM / MSCI EM	0,834717	0,901589	0,974470	0,553497	0,529210	0,982200	0,964783	0,978896
MSCI DM / RTSI	0,787579	0,932936	-0,022886	0,358832	0,919084	0,980385	0,970881	0,623720
MSCI EM / RTSI	0,732830	0,819606	-0,047220	0,761603	0,315803	0,983493	0,954693	0,594243
MSCI DM / DJA	0,795662	0,926845	0,968601	0,767961	0,984939	0,998765	0,959986	0,977941

¹⁰ Зельцер М. Связанные одной целью [Эл. ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/sviazannye-odnoi-tsel-iu> (дата обращения: 13.02.2020).

Фондовый индекс	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (I кв.)	2020 (IV кв.)	2020
MSCI DM / S&P 500	0,913350	0,981287	0,990092	0,827903	0,994133	0,997972	0,994393	0,993799
MSCI EM / DJIA	0,842158	0,775876	0,908782	-0,032629	0,490170	0,979106	0,905065	0,958603
MSCI EM / S&P 500	0,624169	0,863290	0,941664	0,007164	0,439834	0,974374	0,948142	0,965616
Ключевая ставка Банка России, конец периода, %	11,00	10,00	7,75	7,75	6,25	6,00	4,25	4,25
USD/RUB, конец периода*	72,5066	60,2730	57,6291	69,5218	62,0315	77,7325	73,6567	73,6567

Примечание. * – Официальные курсы доллара США к рублю Российской Федерации, устанавливаемые Банком России ежедневно.

Источник. Данные Московской биржи, Банка России, S&P Dow Jones Indices.

Влияние нефтяных цен на фондовый рынок

Фондовый рынок является индикатором состояния всей национальной экономики. Но при принятии инвестиционных решений нужно брать во внимание влияние на него мировых цен на нефть [Богучарсков, 2017. С. 1003–1004]. Нефтедобыча представляет собой локомотив развития для связанных отраслей: нефтепереработки и нефтехимии, электроэнергетики. Кроме того, цены на энергоносители являются важным элементом в структуре затрат на производство товаров и услуг. В связи с этим нефтяные котировки отражают косвенно и показатели развития всех отраслей экономики [Ильясов, Куразова, 2016. С. 65].

Исследование статистической связи фондовых рынков с ценами на нефть проводилось путем сопоставления ежедневных значений рыночных индикаторов в течение каждого года рассматриваемого периода с помощью корреляционного анализа (табл. 4).

Прямым основанием для существования взаимосвязи между индексами фондового рынка и рынка энергоносителей служит представительство ценных бумаг нефтяного сектора в биржевых ликвидных рыночных активах. Как следует из таблицы 4, отмечается близость коэффициентов корреляции

«индекс РТС (RTSI) / цена на нефть марки Brent» и «индекс РТС нефти и газа (RTSog) / цена на нефть марки Brent».

В 2015–2016 гг., 2020 г. наблюдается прямая высокая зависимость (коэффициент корреляции 0,7–0,9) индексов фондовых рынков как развивающихся, так и развитых стран от мировых цен на нефть. Это периоды средней (коэффициент вариации от 10% до 20%) и значительной (от 20% до 33%) волатильности нефтяного рынка.

Снижение волатильности нефтяных котировок в 2017 г. характеризуется уменьшением силы связи индексов акций с ценами на нефть. В 2018–2019 гг., в период сбалансированного по спросу и предложению мирового нефтяного рынка^{11,12}, заметно снизилась чувствительность фондовых рынков к изменению нефтяных цен.

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между показателями фондовых рынков и мировым нефтяным рынком в 2015–2020 гг., %

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020 (I кв)	2020 (IV кв)	2020
RTSI / Europe Brent Spot Price FOB	0,812844	0,922965	0,690571	-0,162252	0,032889	0,966111	0,959737	0,896843
RTSog / Europe Brent Spot Price FOB	0,796921	0,897273	0,529967	0,230524	-0,010299	0,969917	0,915009	0,757592
DJA / Europe Brent Spot Price FOB	0,594632	0,833477	0,679096	0,512441	0,241202	0,928798	0,871610	0,754088
S&P 500 / Europe Brent Spot Price FOB	0,520871	0,857344	0,621334	0,583242	0,208043	0,922501	0,925829	0,644732
MSCI EM / Europe Brent Spot Price FOB	0,856704	0,755820	0,512288	-0,075425	0,619727	0,965187	0,922752	0,710093
MSCI DM / Europe Brent Spot Price FOB	0,767597	0,857359	0,563170	0,528382	0,264521	0,935847	0,949927	0,700464

Источник. Данные Московской биржи, S&P Dow Jones Indices, U. S. Energy Information Administration.

Примечание.

¹¹ В поисках опоры [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-december/2206439/> (дата обращения: 20.05.2020).

¹² Хрупкое равновесие [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2019-december/4019248/> (дата обращения: 20.05.2020).

Монетизация экономики и фондовый рынок

Фактором ценообразования на фондовом рынке является насыщенность хозяйственного оборота деньгами. Чем выше монетизация экономики, тем больше ресурсов находится в процессе перераспределения, в том числе через фондовую биржу.

В период с 2015 г. по 2020 г. важным фактором роста денежной массы становится снижение ключевой ставки Банка России. Это стимулирует экономическую активность в стране и касается не только реального, но и финансового сектора экономики [Малкина, Барабашина, 2011. С. 275]. В указанный период наблюдается также рост капитализации рынка акций.

Для оценки связи между ликвидностью и капитализацией в качестве показателя капитализации взят индекс ИМОЕХ, а в качестве показателя ликвидности – денежная масса в национальном определении (агрегат М2). Результаты свидетельствуют об очень высокой степени корреляции между ними на месячных данных с января 2015 г. по январь 2021 г. Коэффициент корреляции за указанный период составил 0,951344.

Рекордная торговая активность на российском рынке наблюдалась в 2020 г. в связи с масштабным притоком частных инвестиций на фондовый рынок, вызванным главным образом снижением доходности депозитов физических лиц в банках. Однако низкий коэффициент *free float* акций и консервативность инвесторов определяют характер направляемых на рынок средств – увеличиваются обороты по бумагам немногих крупных эмитентов со значительной капитализацией. Вместе с тем равномерное распределение инвестиций по всему рынку приводит к реальному росту капитализации [Полякова, 2016. С. 96].

Заключение

В условиях изменяющихся экономических явлений и политических событий, колебаний стоимости на внутреннем и внешнем фондовых рынках, межрыночного взаимодействия важно оценивать эффект от инвестирования с учетом имеющихся рисков.

Статистический анализ движения стоимости на российском рынке акций (в контексте волатильности и рыночной доходности) в период с 2015 по 2020 гг. позволяет сделать определенные выводы.

Выделяются 2015 г., когда замедление темпов роста российской экономики негативно повлияло на долларовую стоимость фондовых активов, а также 2017–2018 гг., как период падения доходности отечественного рынка и отдельных отраслей, характеризующийся значительным воздействием на рынок внутренних факторов, что сказалось на нелинейности развития рынка по отношению к мировому фондовому рынку.

В целом развитие российского рынка акций происходит в русле тенденций мирового фондового рынка. Исследование документирует, что в периоды роста отечественной экономики, а также стабильности мировых цен на нефть наблюдается односторонняя направленность в изменении стоимости национального и мирового фондовых рынков (2016 г., 2019 г.).

Результаты наших расчетов показывают значительный уровень интеграции мировых фондовых рынков в начале 2020 г., во время пандемического кризиса, чрезмерной волатильности и падения мировых цен на нефть. При этом возрастает мера неопределенности, падает доходность фондовых рынков.

Восстановление стабильности на фондовых рынках отмечается к концу 2020 г. В частности, российский рынок акций достиг новых исторических максимумов по уровню капитализации. Меры монетарной политики государства обеспечили массовый приток частных инвестиций на отечественный рынок, что явилось импульсом для его развития.

В целом на большей части годовых отрезков с 2015 г. по 2020 г. наблюдается незначительный уровень волатильности и фиксируется положительная рыночная доходность российского рынка акций, что доказывает позитивное отношение инвесторов к рынку.

Литература

Богучарсков А. В. Анализ характера причинно-следственной связи между динамикой цен на нефть и индексом РТС // *Финансы и кредит.* 2017. № 17 (737). С. 1003–1014.

Ильясов Р. Х., Куразова Д. А. Анализ динамики индикаторов российского фондового рынка // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* 2016. № 4 (100). С. 97–104.

Малкина М. Ю., Барабашина Ю. С. Взаимосвязь ставки рефинансирования, денежной массы и инфляции в российской экономике // *Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева.* 2011. № 3 (90). С. 274–280.

Михайлов А.Ю., Бураков Д.В., Диденко В.Ю. Взаимосвязь цен на нефть и макроэкономических показателей в России // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 2. С. 106–116. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-2-105-116>.

Полякова Т.Н. Российский рынок акций: динамика и состояние // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. № 3. С. 93–106.

Baker S.R., Bloom N., Davis S.J., Kost K., Sammon M., Viratyosin T. The Unprecedented Stock Market Reaction to COVID-19 // *The Review of Asset Pricing Studies*. 2020. Vol. 10. No. 4. Pp. 742–758.

Bourghelle D., Jawadi F., Rozin P. Oil price volatility in the context of COVID-19 // *International Economics*. 2021. No. 167. Pp. 39–49.

Chen H.-C., Yeh C.-W. Global financial crisis and COVID-19: Industrial reactions // *Finance Research Letters*. 2021. No. 42. 101940. Pp. 1–13.

Contessi S., De Pace P. The international spread of COVID-19 stock market collapses // *Finance Research Letters*. 2021. No. 42. 101894. Pp. 1–11.

Davidovic M. From pandemic to financial contagion: High-frequency risk metrics and Bayesian volatility analysis // *Finance Research Letters*. 2021. No. 42. 101913. Pp. 1–11.

Статья поступила 29.10.2021

Статья принята к публикации 07.12.2021

Для цитирования: Полякова Т.Н. Российский рынок акций в 2015–2020 гг.: волатильность и рыночная доходность // *ЭКО*. 2022. № 6. С. 178–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-178-192

Summary

Polyakova, T.N., Cand. Sci. (Econ.), Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk

The Russian Stock Market in 2015–2020: Volatility and Market Returns

Abstract. The paper presents a statistical analysis of the volatility and market returns of the Russian stock market from 2015 to 2020 in the context of the influence of internal and external factors and inter-market interaction. The effects of the coronavirus pandemic on stock markets and the global crude oil market are considered. The periods of risk exposure and falling market returns of the Russian stock market are indicated. The author concludes that in general for most of the annual segments, investors had a positive attitude to the Russian stock market, as evidenced by the insignificant level of volatility and positive market returns.

Keywords: *stock market; volatility; market returns; stock indices; Moscow Exchange; oil market; coronavirus pandemic*

References

Baker, S.R. Bloom, N. Davis, S.J. Kost, K. Sammon, M. Viratyosin T. (2020). The Unprecedented Stock Market Reaction to COVID-19. *The Review of Asset Pricing Studies*. Vol. 10. No. 4. Pp. 742–758.

Bogucharskov, A.V. (2017). Analysis of causal relationships between oil price movements and RTS Index. *Finance and Credit*. No. 17 (737). Pp. 1003–1014. (In Russ.)

Bourghelle, D. Jawadi, F. Rozin P. (2021). Oil price volatility in the context of COVID-19. *International Economics*. No. 167. Pp. 39–49.

Chen, H.-C. Yeh, C.-W. (2021). Global financial crisis and COVID-19: Industrial reactions. *Finance Research Letters*. No. 42. 101940. Pp. 1–13.

Contessi, S. De Pace, P. (2021). The international spread of COVID-19 stock market collapses. *Finance Research Letters*. No. 42. 101894. Pp. 1–11.

Davidovic, M. (2021). From pandemic to financial contagion: High-frequency risk metrics and Bayesian volatility analysis. *Finance Research Letters*. No. 42. 101913. Pp. 1–11.

Ilyasov, A.D., Kurazova, D.A. (2016). Analysis of the dynamics at the Russian stock market indicators. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*. No. 4 (100). Pp. 97–104. (In Russ.).

Malkina, M.Yu., Barabashina, Yu.S. (2011). Interdependence of refinancing rate, monetary supply and inflation in Russian economy. *Trudy NGTU im. R. E. Alekseeva*. No. 3 (90). Pp. 274–280. (In Russ).

Mikhailov, A.Yu., Burakov, D.V., Didenko, V.Yu. (2019). Relationship between oil price and macroeconomic indicators in Russia. *Finance: Theory and Practice*. Vol. 23. No. 2. Pp. 105–116. (In Russ). DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-2-105-116>.

Polyakova, T.N. (2016). The Russian stock market: trends and current condition. *National interests: Priorities and Security*. No. 3. Pp. 93–106. (In Russ).

For citation: Polyakova, T. N. (2022). The Russian Stock Market in 2015–2020: Volatility and Market Returns. *ECO*. No. 6. Pp. 178–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-178-192

В следующих номерах вы прочтете:

- Мифы и рифы климатической повестки
- Зеленые финансы – проблемы классификации
- Проблема регулирования уровня озера Байкал
- К вопросу о стратегии развития железных дорог России в долгосрочной перспективе
- Промышленный симбиоз как инструмент декарбонизации
- Индустрия переработки твердых коммунальных отходов на пути к «зеленому» росту
- О стратегических дисбалансах в российской экономической политике
- Транспортная сеть азиатской части России: некоторые уроки истории и современность
- «Новые деревни»: к вопросу об устойчивом развитии сельских поселений в шестом технологическом укладе
- «Дальневосточная» инвестиционная политика и доходы граждан в разрезе основных отраслей: опыт эмпирического анализа
- Перспективы молочной отрасли России
- Быть ли органическому сельскому хозяйству в России: взгляд участников отрасли

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН.

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2022. № 6. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

Адрес издателя: Сибирское отделение РАН

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 30.06.2022

Формат 84x108 1/32. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 220. Заказ 192. Цена свободная

Отпечатано в Сибирском отделении РАН

630090, г. Новосибирск, Морской просп. 2

Тел. 330-84-66

E-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

<https://www.sibran.ru>